Григорий Климов

КНЯЗЬ МИРА СЕГО

Предисловие

к роману Г. П. Климова «Князь мира сего», издательство «Глобус», Сан-Франциско, 1980 г.

Запретный плод

Введение профессора современной советской литературы Стратфордского Университета д-ра С. П. Новикова.

«А от дерева познания добра и зла, не ешь от него:
ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрёшь».
Бытие 2:17

Можно ли в наше время написать такую книгу, каких ещё не было? В наше время это довольно трудно. Но вот, Климов такую книгу написал.

Однако, по той же самой причине, почему таких книг не было, «Князь» Климова стал чем-то, вроде запретного плода.

Говорят, что запретный плод — сладок.

Как только в Советском Союзе запретят писания какого-нибудь писателя, а самого автора посадят в сумасшедший дом или концлагерь, сейчас же тот запретный плод с большим шумом появляется на Западе.

И все с интересом читают: — А за что же это его посадили?

Но «Князь» Климова — это запретный плод вдвойне. С одной стороны, это — одна из самых сильных и ярких антисоветских книг, которые, естественно, запрещены в СССР.

С другой стороны, «Князя» (даже в его первых, сравнительно невинных набросках) испугалась почти вся русская пресса на Западе.

Начнут печатать — и бросят. Словно, обожглись. Уже одни похождения «Князя» в печати столь загадочны и пикантны, что читаются, как увлекательный роман.

Например когда «Князь», в котором описывается таинственный 13-й Отдел МВД, занимающийся всякой чертовщиной, начинал печататься в аргентинской газете «Наша Страна», редактор газеты Дубровский отпечатал 13-го июля 1965 года широковещательный анонс, где писал следующее:

«Григорий Петрович Климов — автор широко известной книги «Берлинский Кремль», которая стала известна всему миру, так как её сокращенное содержание появилось в выходящем на 12-ти языках «Ридерс Дайджест»... тиражом более 17-ти миллионов экземпляров».

«Общий тираж книги на всех языках равняется 200.000 экземпляров... Кроме столь широкого распространения книги на разных языках, «Берлинский Кремль» обошёл экраны всего свободного мира.

Американско-немецко-французская компания поставила по нему три фильма. Немецкий, под названием «*Weg ohme Umkehr*», удостоился на международном кинофестивале в Берлине в 1954 году наименования «Лучшего немецкого фильма года».

Английская версия под названием «*The road of no return*» и американская «*No way back*» в течение долгого времени не сходили с экрана».

«Мы не будем приводить здесь отзывов об этой книге всей международной прессы. Мы думаем, что большинство наших читателей, в своё время, лично ознакомилось с этой замечательной книгой...»

«Что касается нового романа Григория Климова, то наши читатели очень скоро сами получат впечатление той большой человеческой и политической

актуальности, которую роман имеет».

После столь широковещательного и многообещающего анонса, печатание «Князя» вдруг... оборвалось на первой главе!?

У читателей, действительно, создалось впечатление, что за этим романом скрывается что-то очень серьёзное. Кто запретил его? И почему?

Но редактор «Нашей Страны» Дубровский вскоре, 13 ноября 1966 года, умер и унёс эту тайну с собой в могилу.

Любители трансцендентной мистики сразу скажут «Э-э-э.., 13 да ещё 13 да ещё 13.., Э-э-э, дело ясное, что дело тёмное.

Подобная же загадочная история, — начнут печатать и, словно обжёгшись, бросят, — случилась с «Гранями», парижским «Возрождением» и канадским «Современником».

Другие, например, «Новое Русское Слово» и «Новый Журнал», сразу раскусили в чём дело, предусмотрительно откланялись.

Итак, получается что «Князь» попал, как бы, в категорию запретной литературы. Всё это, тем более странно, в связи с теми восторженными анонсами, которые приведены выше.

Единственным органом печати, который не испугался «Князя», оказалась газета «Русская Жизнь» в Сан-Франциско. Редактор газеты А. И. Делианич не мене восторженно писала:

«Многие наши читатели запрашивают в письмах, кто такой автор романа, который вызвал такой интерес...

Климов ушёл на Запад в 1947 году... написал свою книгу «Берлинский Кремль», и его произведение стало «бестселлером», как это теперь принято говорить во всём мире, то есть, самой популярной книгой.

«Берлинский Кремль» считается самой лучшей книгой, изданной на избранную автором тему, со дня окончания второй мировой войны, и, по общему признанию, наиболее правдивой и аутентичной из всех русских книг о послевоенном СССР...»

«По приезде в США, Г. Климов выступал перед Конгрессом с показаниями, и данные им сведения считаются такими же важными, как экспертизы по советским делам Эдгара Гувера, главы Эй-Би-Ай, Виллиама Буллита, бывшего американского посла в Москве, и др.»

«Отзывы о правде, которую он писал в «Берлинском Кремле» и теперь пишет в романе «Князь мира сего», ставят Г. П. Климова в ряды выдающихся писателей не только русского зарубежья, так как он уже приобрёл мировое имя».

В послесловии к «Князю» редакция пишет об этом романе следующее:

«По своей серьёзности, разработке темы, по своей исторической точности... он является исключительным. Он может нравиться или нет, но подобного ему до сих пор в печати не было».

Как видите, редакция газеты тоже заметила, что Климов написал такую книгу, каких еще не было. И это не пустые слова. Я проверил картотеку Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, одной из крупнейших библиотек мира. Но ни одной книги на тему «Князя» там нет.

По окончании печатания «Князя» литературный обозреватель «Русской Жизни» пишет:

«Разбираемый роман Г. Климова является, действительно, большим происшествием, и не только в литературном мире. Совершенно понятно, почему он должен стать «бестселлером».

Я сам читал его, с нетерпением ожидая следующего номера газеты и, сердясь на редакцию за то, что она устроила два «выходных» дня в неделю, когда газета не выходит».

«Не буду говорить о том, что роман написан очень живо. Внимание читателя оказывается захваченным с первой страницы и держится в напряжении до самого конца.

Бесспорно, что литературный талант Г. Климова велик и не даром его предыдущая книга «Берлинский Кремль» тоже пользовалась громким успехом.

Всё ясно каждому прочитавшему эту книгу, которую необходимо, как можно скорее перевести на английский язык и распространить».

Так или иначе, «Князь» Климова — это книга настолько необычайная и своеобразная, что меня заинтересовало познакомиться поближе с историей появления этой книги и её авторов.

Григорий Климов родился в городе Новочеркасске, в семье доктора. Окончил школу с дипломом отличника или, как говорят, с золотой медалью и Новочеркасский Индустриальный Институт с дипломом инженера электрика.

Затем, был в аспирантуре Московского Энергетического Института и одновременно заканчивал Московский Институт иностранных языков.

Во время войны, благодаря знанию иностранных языков, был направлен в Военно-Дипломатическую Академию в Москве, по окончании которой, служил в Советской Военной Администрации в Берлине.

После демобилизации из армии, вместо того, чтобы возвращаться в Москву, Климов перешёл в Западную Германию, где и написал свою книгу «Берлинский

Кремль».

Нужно сказать, что в Америке подобного рода боевики частенько пишутся «гоуст райтерами», то есть, писателями-призраками.

Наиболее яркий пример этому — книга Кравченко «Я избрал свободу», которая и по сей день не вышла на русском языке, и «автор» которой позже застрелился.

Поэтому, когда появился «Берлинский Кремль», соответствующие лица и организации очень удивились, что нашёлся человек, который написал подобную книгу сам, и заинтересовались автором. После этого, Климов работал в Гарвардском проекте в Мюнхене.

Об этом проекте Гарвардского университета известно, что там производилось обширное психологическое исследование новой эмиграции из СССР, так сказать, гомо совьетикус, что там работали лучшие американские эксперты — ведуны по советским делам, что на этот проект было ассигновано несколько миллионов долларов, и что производился он в 1949-51 годах, в основном, в Мюнхене.

В процессе работы этого проекта, сотни советских беженцев подвергались там каким-то специальным психологическим исследованиям: так называемые Роршах-тесты, тесты с чернильными пятнами, тесты с незаконченными предложениями, вплоть до интимнейших интервью на сексуальные темы, где каждое слово записывалось на магнитофон.

И всякие прочие тесты, где, с помощью психоанализа, выяснялись всякие щекотливые психологические комплексы. Одним из таких комплексов был какой-то таинственный «комплекс Ленина».

Как писали в американской прессе (и в «Новом Русском Слове»), в Гарвардском проекте главную роль играл профессор Натан Лейтес, автор книги «Московские процессы 1938-37 годов», те самые странные процессы, где поголовно уничтожили всю ленинскую гвардию, называя их бешеными собаками.

Там же писали, что Гарвардский проект принципиально базируется на таинственном «комплексе Ленина».

Кстати, нужно заметить, что в кругах русской эмиграции, Гарвардский проект почему-то пользовался дурной славой. Люди качали головами: «Эх, хотят спасти матушку-Россию от большевиков — при помощи троцкистов и меньшевиков». А некоторые остряки шутили:

— Ведь, русские эмигранты давно твердят: «Против большевиков — хоть с дьяволом». Ну, вот практичные американцы и решили взять себе в союзники этого самого дьявола.

Так или иначе, судя по всем данным, в Гарвардском проекте вырабатывались научные планы и выискивались соответствующие кадры для начинавшейся в то

время психологической войны между Западом и Востоком.

Вскоре после этого, появился целый ряд организаций в области этой самой психологической войны. Судя по американской прессе, всё это были специальные проекты, финансируемые американской Центральной Разведкой CIA.

Не будем бояться повторить то, что свободно пишет сама американская пресса. Тем более, поскольку это делается от нашего русского имени, а сами мы многого здесь не знаем.

В течение нескольких лет Климов стоял во главе одного из таких спецпроектов психологической войны.

Он был председателем Центрального Объединения послевоенных эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) и главным редактором журнала «Свобода» на русском языке и журнала «Антикоммунист» на немецком языке.

Можно не сомневаться, что столь хорошо осведомлённый хозяин, как Центральная Разведка США, предварительно перебрала все возможные кандидатуры — и выбрала наилучшую.

Действительно, не легко найти на Западе советского человека, который был бы писателем без помощи писателей-призраков, и который сегодня редактировал бы журнал по-русски, завтра выступал бы перед университетской аудиторией по-немецки, а послезавтра перед американским Конгрессом по-английски.

Массовые митинги в Берлине, массовые тиражи «Берлинского Кремля», кинофильм по этой книге — и миллионы листовок ЦОПЭ в Восточной Германии.

Имя Климова шумело по страницам европейской печати гораздо больше, чем все остальные «праджекты» CIA, вместе взятые.

Видимо, поэтому Климову простили единственный минус с точки зрения Гарвардского проекта: хотя у него была такая же, как у Ленина, золотая медаль за образование, но пресловутого «комплекса Ленина» у него не было.

Резюмируя, можно сказать, что Климов был блестящим руководителем одного из самых засекреченных спецпроектов Центральной Разведки США и заслуженным «асом» американской психологической войны.

На этой работе он, видимо, хорошо познакомился с кухней и американской, и советской разведок.

В 1955 году Климов переехал в Америку и вернулся к своей профессии инженера-электрика. Одновременно он работает над книгой, в которой он творчески перевоплощает свой богатый опыт в области психологической войны.

Имея ключ к работам Гарвардского проекта в форме таинственного «комплекса Ленина», Климов ставит перед собой задачу: а что же делала советская тайная полиция в этой же области?

Ведь, советы просто не могли не знать о тех принципах, на которых базировался Гарвардский проект, и которые описываются в любом учебнике психологии.

В американских книгах, анализирующих работу CIA, пишут, что, на профессиональном жаргоне CIA, эта работа подразделяется на «чёрную магию» и «белую магию», где посередине болтается ещё «серая магия».

Так же подразделяется и пропаганда CIA: на чёрную, серую и белую. Белой пропагандой занимается, по-видимому, «Голос Америки». А серой и чёрной — всякие замаскированные спецпроекты. Вот этими-то делами, судя по всему, и занимался Гарвардский проект.

В каждом серьёзном научном учреждении, занимающемся подобными делами, если одна группа учёных разрабатывает какой-нибудь проект, то другая группа учёных, наподобие штабной игры в «красных и синих», одновременно разрабатывает соответствующий контрпроект, чтобы предусмотреть и предупредить, то, что может предпринять в этой области противник.

Вот такой-то контрпроект — в форме романа — и проделал Климов. Проделал то, что, может быть, упустила сделать Центральная Разведка США.

Результат — предельно прост: и американская, и советская разведки работают в этой области по совершенно одинаковым научным принципам.

Каждому известно, что тайные службы или, как говорят, «хитрые органы», пусть это будет CIA или КГБ, внимательно изучают психологию тех субъектов, которые их интересуют. Примером тому — Гарвардский проект.

Но, не каждому известно, что современная психология, в особенности те тёмные области, которыми преимущественно и интересуются всякие «хитрые органы», базируются, в основном, на фрейдовском психоанализе. Примером этому — те тесты, которые производились в Гарвардском проекте.

Что знает о фрейдизме средний человек? Ах, скажут, какая-то чепуха, что психика человека как-то связана с его «сексом». Но специалист внесёт маленькую поправку. Только одно слово...

Но, мне не хотелось бы произносить это магическое слово, чтобы не нарушать тайны «Князя» преждевременно.

Зная тайны «Князя», вы поймёте все загадки психологической войны. Разве не странно, что избравший свободу и наделавший столько шума Кравченко, в конце концов, избрал себе пулю в лоб?

Разве не странно, что последовавшие вслед за ним к свободе Косенкина и её коллега Самарин, вскоре после этого, оказались в сумасшедших домах? Нет, нет, не в советских, а в американских сумасшедших домах.

Имея ключи познания, которые даются в «Князе», вы поймёте, почему советское правительство сажает своих свободолюбивых писателей-бунтарей в сумасшедшие дома и концлагеря.

Вы поймёте все драмы и комедии псих-войны, вплоть до анекдотического бегства в Америку дочери Сталина, которую здесь делают миллионершей?

В Гарвардском проекте работали лучшие еврриканские специалисты-ведуны по советским делам. Климов проделал свою работу совершенно один. За Гарвардский проект заплатили несколько миллионов долларов. Думаете, Климову хоть спасибо сказали?

Пока я знаю только, что гарвардские ведуны проклинают тот день и час, когда Климов поступил в Гарвардский проект.

Но это — вполне естественно, так как некоторые аспекты этого проекта были, по видимому, строжайше засекречены. Хотя, обо всём этом, по-видимому, прекрасно знала советская разведка.

Возьмём конкретный пример. 31 октября 1953 года в Нью-Йорке был канун Дня всех святых — Хеллоуин, то есть, день всех грешников, когда дети веселятся по улицам в масках ведьм, врунов и колдунов.

А в Москве, в этот день, был арестован американский профессор социальных наук Фредерик Баргхорн, специалист по Советскому Союзу и пропаганде, собиравший в Москве материалы для своей книги «Советская иностранная пропаганда», тихий 52 летний холостяк, спокойно живший со своей старушкой-матерью.

После ареста профессора Баргхорна, с американской стороны поднялся дикий шум на весь мир. Казалось, что за этим арестом скрывается нечто более серьёзное, и американское правительство хочет любой ценой — и как можно скорее — добиться освобождения профессора Баргхорна. Пока он не проговорился.

В ход пустили всё — вплоть до личного протеста президента Кеннеди. Уже одно это,, в подобных случаях, вещь довольно необычайная.

Вернувшись в Америку, профессор Баргхорн был поразительно молчалив.

Даже когда одна из комиссий Конгресса вызвала его для дачи показаний о его аресте в Москве, он отказался явиться в Конгресс добровольно, и его пришлось принудить к этому специальной повесткой, за уклонение от которой угрожают всякими суровыми карами.

Разве это не анекдотично? Казалось, что профессор Баргхорн опасается проронить какое-нибудь лишнее слово.

Но это слово он всё-таки проронил. Как писали в «Нью Йорк Таймс», на допросе в Госдепартаменте профессор Баргхорн сообщил, что во время его ареста в Москве допросы концентрировались преимущественно вокруг... Гарвардского проекта, с которым он когда-то был связан.

По-видимому, это и было причиной его ареста.

Профессор Баргхорн был освобожден 15 ноября. По требованию президента Кеннеди. А через 6 дней, 22-го ноября, президент Кеннеди был убит пулей Ли Освальда.

А ещё через два дня, Освальд был убит пулей Джека Руби. И сразу над Америкой повисла тайна, которая вряд ли будет раскрыта.

Но всё дело в том, что из первых же газетных отчётов было совершенно ясно, что Освальд, и Руби являются типичными представителями той самой расплывчатой, но, вместе с тем, и совершенно определённой категории людей, которую выясняют при помощи Роршах-тестов.

Тех самых тестов, которые применялись в Гарвардском проекте.

Зная эту категорию, можно понять, почему арест профессора Баргхорна так переполошил американское правительство, и почему после возвращения в Америку профессор Баргхорн так упорно молчал.

Как-то в американской печати промелькнули сообщения о советском квантовом оружии. Писали, что в Советском Союзе изобрели какое-то новое тайное оружие, основанное на совершенно новых принципах — нечто, вроде лучей смерти.

Писали, что это оружие настолько страшное, что о нём даже страшно говорить. Но, не будем такими пугливыми и скажем что это за оружие.

Это оружие основано на некоторых тёмных законах социальной психологии. На тех самых законах, которыми, судя по всему, занимались в Гарвардском проекте. Потому-то, советская тайная полиция, по-видимому и решила «подоить» квантового профессора Баргхорна.

Как трагическая ирония судьбы, президент Кеннеди погиб от того самого, что он покрывал и защищал, в лице профессора Баргхорна.

В таких условиях, у некоторых может возникнуть логический вопрос: а не ударили ли из Москвы тем же самым оружием?

Учитывая пребывание Освальда в Москве и его русскую жену, теоретически это вполне возможно. А правду мы здесь не узнаем никогда.

Гарвардский проект не был частным делом Гарвардского Университета, а исходил от правительства США.

Ясно, что в таких условиях все профессора Гарвардского проекта — по приказу свыше — будут молчать так же, как профессор Баргхорн, которого пришлось тащить на допрос в Конгресс в принудительном порядке.

В их защиту выступят Госдепартамент и всякие «хитрые органы», которые скажут: это вещи настолько сложные и секретные, что о них говорить нельзя.

Кроме того, мы не сыщики, а только лишь, скромные литераторы. Учитывая все эти обстоятельства, допустим, что профессора Гарвардского проекта ничем таким особенным не занимались. Дадим им отпущение грехов.

Но из данного положения, как в армянском анекдоте, есть только один единственный второй выход: тогда это значит, что они занимались *monkey business*, то есть, пускали миллионы на ветер. Вот и выбирайте, что лучше.

Американские сыщики из Вашингтона ломали себе головы: почему Баргхорна арестовали только через 13 лет после его участия в Гарвардском проекте? Хотя, за это время он несколько раз бывал в Москве!?

Мы не сыщики, а только литераторы, но говорят, что незадолго до ареста Баргхорна, Климов пустил своего «Князя» гулять по эмигрантским редакциям.

Редакторы оказались в положении Гоголевского чёрта, который украл с неба месяц. «Князь» жёг им руки, и они не знали, что с ним делать.

Потому они отправили его — от греха подальше — в соответствующие инстанции: проверить, что это такое.

Но инстанции эти довольно запутанные. Вспомним, например, дело Кима Филби: человек номер 2 в английской Интеллидженс Сервис и кавалер Ордена Британской Империи, который, как раз, в то самое время, до 1963 года, руководил всеми антисоветскими акциями англо-американской разведки и, одновременно, в течение 34 лет был советским агентом?!

После чего, Ким благополучно сбежал в Москву, где получает пенсию и пишет мемуары. Получается, что самый надёжный способ переправить что-нибудь в советскую разведку — это послать хороший материал по западным разведкам. Надёжно и совершенно безопасно.

Так или иначе, но факт что, как раз, вскоре после прогулки «Князя» по редакциям и инстанциям, и арестовали-то бедного профессора Баргхорна.

После этого, Госдепартамент категорически запретил ездить в Советский Союз всем специалистам по советским делам, которые принимали участие в Гарвардском проекте.

Неудивительно, что потом эти специалисты по «комплексу Ленина», проклинали Климова больше, чем Ленина.

Кстати, вовсе не обязательно быть гарвардским профессором, чтобы знать «комплекс Ленина».

Например, уже из газетных отчётов о Киме Филби можно сказать, что, помимо Ордена Британской Империи и ордена Красного Знамени, которым его наградили в Москве, Ким обладал также и «комплексом Ленина».

Итак, мы уже выяснили, что этим таинственным комплексом обладали Ли Освальд, Джек Руби и Ким Филби.

Чтобы никому не было обидно, можно добавить, что этим комплексом обладал не только создатель советского государства Ленин, но и создатель американского государства Джорж Вашингтон.

Так что, с точки зрения психологической войны, оружие это довольно эффективное и обоюдоострое.

Но, довольно об этом. «Князь» Климова — это, прежде всего, увлекательный роман.

А если мы говорим здесь о Гарвардском проекте, то это необходимо потому, что Гарвардский проект, в лице лучших евриканских ведунов по советским делам подтверждает все те необычайные вещи, которые описываются в «Князе».

Недаром в «Князе» уделяется такое внимание Великой Чистке, где чистили ленинскую гвардию, людей с тем самым «комплексом Ленина», на котором базировался Гарвардский проект.

Поэтому, с фактической стороны, всё, что пишет Климов, — всё это апробировано и подписано лучшим мозговым трестом Америки.

Когда «Князь» впервые печатался в отрывках, у русских наборщиков, которые сами пережили потерянный рай революции, чистилища сталинских чисток и ад Второй мировой войны, у этих закалённых людей иногда так дрожали руки, что они путали набор, а корректоры от волнения лепили в гранках ошибки, бегали к редактору и спрашивали:

— Послушайте, неужели это правда?

В значительной мере, «Князь» касается работы советской тайной полиции — на высшем, так сказать, научно-идеологическом уровне — и описывает всё это с поразительной точностью.

Потом, одни говорят, что автор получил в своё распоряжение самые секретные архивы советской тайной полиции, другие говорят наоборот — что это архивы

какой-то американской сверх-разведки. Некоторые уверяют, что это и то, и другое.

Вокруг «Князя» сразу пошла масса всяких легенд. Одни говорят, что эту книгу писал не Климов, а целая учёная коллегия иезуитов. Настолько здесь глубоко знают то, что называется Богом и Дьяволом.

А другие говорят наоборот — что этот «Князь» вполне заслуживает того, чтобы попасть на «Индекс прохибиторум», то есть, список книг, запрещённых Ватиканом.

Рассуждая о дьяволе и правде, философы скептически замечают, что правда о дьяволе — это такая грязная вещь, что одна капля мутит жизнь, как капля воды мутит стакан абсента. Но от этого можно опьянеть.

Кроме того, философы говорят, что дьявол опасен только тогда, когда мы его не видим. А когда мы его увидим, то он становится отвратительным, смешным, жалким.

Потому, как говорят специалисты, первый трюк дьявола — это доказать, что он не существует, что он Никто и Ничто.

Вот именно поэтому «Князь», где этот дьявол показан в довольно-таки голом виде, сразу же стал запретным плодом. А потом ещё будет яблоко раздора.

Некоторые могут сказать: — А-ах, всё это высокая философия, а я — человек маленький, какое мне до этого дело?

Хорошо, допустим, вы не знакомы с проблемами, которые описываются в «Князе». О такой ситуации в Библии говорится: «имеющие глаза — да не видят, имеющие уши — да не слышат».

— А-ах, — скажут, — старая песня про Библию. А кто теперь верит в Бога? Только тёмные люди.

Но вся соль в том, что в «Князе» эти старые проблемы рассматриваются с новой точки зрения — с точки зрения диалектического материализма — и становятся объективной реальностью.

Возьмём конкретный пример. Допустим, что вы — молодой человек. И даже с университетским образованием, и вы думаете, что знаете всё и вся, и вы захотели жениться.

Конечно, на интеллигентной барышне из хорошей семьи. А знаете ли вы, что половина ваших потенциальных невест — это вовсе не то, что вы видите и слышите?

Если бы вы имели магический кристалл и могли заглянуть в будущее, то вы увидели бы, что половина ваших потенциальных невест не принесут вам ничего,

кроме несчастья — это заведомо неудачные браки, грязные разводы, разбитые семьи, мучительные и постыдные болезни, проблематичные дети, где вы до самой смерти не поймёте, отчего всё это и почему.

Да, статистика говорит, что половина. Но не говорит, какая половина, кто именно. А вы имеете глаза — и не видите, имеете уши — и не слышите.

Что же делать? Хотели бы вы иметь такой ведовской кристалл, чтобы поведать будущее? И чтобы избежать такого будущего. Хорошо, я дам вам рецепт:

1. Прочитав «Князя», дайте его вашей потенциальной невесте. Или потенциальному жениху. Или вашей будущей невестке — или будущему зятю. Только, рецепт этот — тайный: потому, предварительно вырвите страницу, на которой написаны эти строки.

2. А потом, спросите: «Ну, как — нравится или нет?» И смотрите за результатами. Только смотрите внимательно. И, как в магическом кристалле, вы увидите будущее. Да и так ясно, что никакая цыганка вам так не нагадает. И слово моё — слово моё крепко!

Рецепт этот — проверенный.

Когда «Князь» печатался в «Русской Жизни», многие читатели сразу почувствовали, что это — вещь уникальная. Они стали вырезать «Князя» и делать из него подшивку.

С тех пор эти подшивки ходят из рук в руки, наподобие запретной литературы. И у меня тоже есть такая подшивка, которую я даю читать моим знакомым.

Должен сказать, что у «Князя» обнаружилось чудесное свойство: он действует на людей, как лакмусовая бумажка для лабораторных анализов.

По тому, как реагирует читатель на «Князя», вы сразу видите кто он такой. Одни с большим интересом читают «Князя». А другие кривятся и морщатся, как чёрт от ладана.

Так что, это — рецепт проверенный. И если вы немножко поупражняетесь в этом искусстве, то станете лучшим психологом, чем Достоевский, Фрейд и доктор Кинси, вместе взятые.

Но, именно потому «Князь» и стал запретным плодом — потому что этот легион не хочет, чтобы его видели.

В Библии говорится о древе познания добра и зла, плоды которого — запретные плоды. А Климов взялся за это дерево — и трясёт его, как грушу. Ну, вот вам и результаты.

Подводя итог, можно сказать, что «Князь» — это, своего рода, история советского доктора Фауста в поисках ключей добра и зла, где можно встретить и

доброе зло, и злое добро.

Здесь хочется провести параллель с романом «Доктор Фаустус» нобелевского лауреата Томаса Манна.

Герой романа, чтобы достигнуть гениальности, заключает пакт с дьяволом, в том смысле, что умышленно заражает себя сифилисом.

Вы, наверно слышали легенды, что Ленин был сифилитиком и Гитлер был сифилитиком. Вот, по этому пути идёт и Томас Манн.

Когда будете читать «Князя», сравните сифилитического дьявола Манна с диалектическим дьяволом Климова. И решите сами — кто из них ближе к истине?

С точки зрения диалектического материализма, библейский дьявол, имя которому легион — это просто сложная, комплексная социальная болезнь.

Тут действительно, есть некоторые параллели с сифилисом: болезнь эта передаётся по наследству, растягивается на несколько поколений и имеет несколько стадий, своего рода, членов, кандидатов, попутчиков и сочувствующих этого легиона, но болезнь эта такая, что некоторые специалисты, вроде нобелевского лауреата Томаса Манна, предпочитают сваливать вину на невинный сифилис.

Сколько же этих легионеров? Американская статистика доктора Кинси говорит, что среди американского населения, то есть, в хорошем культурном обществе, таких легионеров, кандидатов, попутчиков и сочувствующих будет уже 50%. А среди поэтов, писателей и, вообще литераторов — 75%.

И сразу получается абсурд. Ведь, это правящая партия!? Да, потому в Библии и говорится — князь мира сего.

Но этот князь всегда будет пытаться доказать, что он не существует. Потому «Князь» Климова и попал в положение антипартийной литературы.

Если перевести американскую статистику на язык диалектического материализма, то получается так: 75% литераторов, то есть, 3 из 4, прочитав «Князя» начнут волноваться, протестовать и доказывать, что всё это вовсе не так.

А четвёртый, будучи в меньшинстве, пожмёт плечами и сдастся. Потому «Князь» и застрял в издательствах.

Если сделать ещё один шаг по пути диалектического материализма, то это получается так. Возьмём, например, один из журналов, где «Князь» попал под запрет.

Редактор — очаровательная дама и даже революционерка. Но, её взрослая дочь всё время поговаривает о самоубийстве.

Обычное явление в семьях революционеров: так было у Карла Маркса, Бакунина, Троцкого, Ленина и Сталина.

Но, если эта дочь прочтёт «Князя», где это всё объясняется, то у мамы может быть много неприятностей.

Потому, заботливая мама и прекратила печатанье «Князя» на первой главе. Причина — вполне уважительная.

Что стесняться? Как говорят, докторов и художников не стесняются. Кроме того, здесь — все люди свои. Видите, как всё просто получается.. Если иметь магический кристалл.

Запомните эти цифры, как таблицу умножения: 37% — 50% — 75%. Так как это — ключи познания всех социальных загадок и парадоксов.

Потому, когда президент Джонсон провозгласил «великое общество», в прессе, всё чаще, раздаются голоса — «больное общество».

Потому, когда в Советском Союзе стали закручивать гайки, то — пользуясь американской статистикой (75%) — в первую очередь взялись за поэтов и писателей.

В этом загадка Сталина и сталинских чисток и концлагерей.

В этом загадка Гитлера и гитлеровских газовых камер.

Зная эти ключи, вы поймёте все загадки человеческой души. Начиная с того, почему американская богиня секса Мэрилин Монро покончила самоубийством, и, кончая тем, почему ваша соседка развелась с мужем.

Но сразу вы почувствуете со всех сторон массу возражений. Тогда вспомните таблицу умножения: 37% — 50% — 75%... Члены — кандидаты — попутчики — и сочувствующие...

И ещё вспомните, что уже с библейских времён, эту штуку называют — имя моё легион, который есть лжец и Отец лжи, всегда старающийся доказать, что он не существует.

И тогда вы поймёте, почему Библия, и по сей день, считается самой мудрой книгой в мире.

Но, как говорят, не так страшен чёрт, как его малюют. Имея ключи познания, вы увидите не только грешников, но и праведников, и самых настоящих святых.

Если суммировать проблемы «Князя», история показала, что религиозный подход — это наиболее рациональное решение этих тяжёлых проблем.

Это говорю я, человек далеко не религиозный. Потому что там, где искали другие выходы, — там приходили к чисткам, концлагерям и газовым камерам.

Нужно подчеркнуть, что та область Великой Чистки, которая описывается в «Князе» — 13-й Отдел, относится только и только к тем социальным элементам, которые делали революцию, которая потом, пользуясь старой поговоркой, пожирает своих детей, как свинья поросят.

Одновременно, — это памятник тем невинным жертвам, которые попали под колёса кровавого молоха революции.

И ещё можно отметить, что после того, как «Князь» стал запретным плодом, автор переработал его — и ещё больше усилил, как раз, те моменты, которые делают его столь щекотливым для одних — и столь поучительным для других.

Теперь — о художественной стороне «Князя».

Говорят, когда этот роман печатался в отрывках, американская Центральная Разведка CIA стала задним числом наводить справки, а нет ли у Климова, действительно, живого брата, которого он описал в лице советского доктора Фауста — трагического и зловещего маршала государственной безопасности СССР и красного кардинала за спиной у советских вождей.

Даже с такими знатоками своего дела, как CIA, получилось то же самое, что с теми классическими голубями, которые клевали виноград на картине художника.

Своим «Князем» Климов доказал, что недаром он был заслуженным «асом» американской психологической войны. Теперь он написал такую книгу, каких ещё не было, и которая стала запретным плодом и на Западе, и на Востоке.

Но, в современном западном мире «запретность» книги является для неё самой лучшей рекламой.

Кроме того, сейчас, в 1970 году, все запреты упали и — с благословения Верховного Суда США — совершенно свободно печатают любую порнографию, которая, кстати сказать, густо перемешана с призывами к нигилизму, анархии и революции.

Н-да, с этой точки зрения, «Князь» побил все рекорды! Потому, повторяем рекордный счёт: от «Князя» отказались не только почти все русские журналы и издательства, но и практически все американские (50), немецкие (20) и французские (10) издательства. Так что, это самый настоящий запретный плод.

А когда этот заговор молчания вокруг запретного плода будет прорван, представляю себе, какой поднимется вой, визг и писк.

Такой, словно наступили на хвост самому дьяволу, и тогда запретный плод станет яблоком раздора.

Но, именно благодаря этому, «Князь мира сего» Климова займёт свое место на книжных полках рядом с «Князем» Макиавелли.

Д-р **С. П. Новиков**,

Профессор современной советской литературы

Стратфордского университета

Глава 1. Тихий ангел

Имея очи, не видите?

Имея уши, не слышите?

Марк. 8:18

Когда Максим Руднев был ребёнком, а это было ещё до революции, перед сном мать заставляла его молиться Богу. Максим безразлично бормотал под нос «Отче наш», а потом обращался к Богу с личной просьбой:

— Боженька, пожалуйста, сделай меня большим и сильным. А то вчера Федька Косой опять поймал меня на соседском дворе и побил. Сделай так, чтобы я мог побить всех. Так, чтоб одной левой рукой, одним мизинчиком.

Эту просьбу он повторял после каждой драки с Федькой Косым, который жил по соседству и считался самым отъявленным хулиганом на всю округу. Подумав, Максим шепотом предлагал в обмен:

— Если хочешь, Боженька, то за это укороти мне немножко жизнь...

У Бориса же, который родился после революции, уже с детства проявлялся более практический подход к жизни. Если он не доедал чего-нибудь, мать серьёзно говорила:

— Смотри, Бобка, что остаётся на тарелке — это твоя сила. Если не съешь, потом тебя все девчонки бить будут.

Мальчишка верил этому и готов был вылизать тарелку и лопнуть, лишь бы девчонки не оказались сильнее его. Эта привычка подчищать тарелку осталась у него на всю жизнь.

Позже обнаружилось, что Максим пишет левой рукой. Младший брат поддразнивал старшего:

— Эй, ты, левша! А ну, брось камень с правой!

Мать же, сказала строго:

— Не смейся, Бобка. Это его Бог наказал, чтобы он не обращался к Богу с глупыми просьбами.

Хотя и левша, но школу Максим окончил с отличными отметками. Он поступил на исторический факультет Московского университета и мечтал стать профессором.

Помимо профессорских амбиций, он ещё любил командовать людьми. Потому, он вскоре вступил в партию и даже выдвинулся в секретари факультетской парторганизации.

Дома же, Максим любил подчёркивать свою роль старшего брата. Частенько он посылал младшего брата с записочками к девушкам, за которыми он ухаживал.

Но, только тогда, когда успех был обеспечен, — как свидетеля своих побед. Если же успех был под вопросом, Максим находил другие пути — без свидетелей.

Хотя, Борис был значительно младше Максима, но к старшему брату он всегда относился довольно скептически.

Может быть, потому что старший везде искал возможность покомандовать, а младший терпеть не мог, когда им командуют. Или, может быть, потому что левша Максим ещё умел шевелить ушами и часто демонстрировал это.

— В точности, как осёл! — говорил младший.

Несмотря на это, и университет Максим окончил с блестящими успехами. Так как он хорошо проявил себя в должности секретаря факультетской парторганизации, то, вместо работы по специальности, учителем истории, он получил, по партийной линии, назначение на службу в ГПУ.

Звание уполномоченного ГПУ, что в то время соответствовало чину капитана, вполне импонировало амбициям Максима. А тем более, щеголеватая военная форма и малиновые петлицы, которые наводили страх на окружающих.

Максим никому не сказал о своём назначении, а потом, вдруг, появился дома в полной форме ГПУ.

На поясе, в новенькой кобуре поблескивал маленький браунинг системы Коровина, что считалось в ГПУ особым шиком.

Увидев зловещие петлицы, их отец, пожилой доктор-гинеколог, неодобрительно покачал головой:

— Я стараюсь продлить жизнь людей, а ты будешь заниматься ее сокращением. Нехорошее это занятие.

Единственным, на кого форма и браунинг Максима не произвели ни малейшего впечатления, был младший брат.

Первая стычка произошла у них, когда Борису исполнилось четырнадцать лет. Максим сидел за столом и заполнял служебную анкету.

Чтобы идти в ногу со временем и своей должностью, в графе о родителях он написал расплывчатое определение: «трудящиеся». Борис заметил это и решил, что этим брат отказывается от их отца.

— Отец не рабочий, а доктор, — сказал он. — Зачем ты врёшь?

— Не твоего ума дело, — ответил старший.

— Сразу видно, что левша, — насмешливо бросил младший, — Всё слева делает.

— Молокосос! — вскипел уполномоченный ГПУ. — Сейчас я тебе уши надеру.

— Попробуй, — сказал школьник. Чтобы выровнять разницу в силах, он зажал в кулаке вилку и следил за каждым движением брата с таким деловитым спокойствием, что тот решил лучше не пробовать.

Как это ни странно, Максим нисколько не обиделся. Наоборот, потом даже хвастался своим приятелям:

— Вот у меня младший брат — чуть мне вилку в живот не засадил. Такого лучше не тронь.

Однако, вскоре он сам же и забыл про свой совет. Следующая, уже более серьёзная, стычка произошла у них вскоре после того, как ГПУ переименовали в НКВД.

Жили они на тихой окраине Москвы, во флигеле в глубине двора. Зимой, когда дворик заносило глубоким снегом, во флигеле топили кафельные голландские печи, где так приятно греть спину о кафельные изразцы.

Уголь и дрова для печей приходилось носить вёдрами из погреба, для чего нужно было выходить во двор, что на снегу не особенно приятно.

Эти прогулки в погреб считались поочередной обязанностью братьев, хотя, с тех пор, как Максим надел малиновые петлицы, делал он это крайне неохотно.

Как-то мать послала Максима за углём. Борис лежал в соседней комнате на большом, покрытом ковром сундуке, который служил ему постелью, и читал увлекательный роман Райдера Хаггарда «Дочь Монтесумы». Старший брат вошёл в комнату младшего и небрежно приказал:

— Бобка, пойди-ка принеси угля!

— Мать тебя послала — ты и иди, — возразил младший.

— Ты лучше слушай, что тебе говорят.

— Вот когда мать мне скажет, тогда я и пойду.

— Смотри, если через три минуты ты не пойдёшь, то я приду с собачьей плеткой! — пригрозил уполномоченный НКВД и вышел из комнаты. Собачья плеть всегда висела на вешалке в коридоре, как полагается в доме, где есть немецкая овчарка.

Младший отложил книжку в сторону, встал с сундука и потихоньку вытянул нижний ящик стола. Под учебниками физики и химии там лежал медный кастет, уже проверенный в нескольких драках.

Он надел кастет на руку и опять улёгся на свой сундук, держа правую руку в кармане, а в левой «Дочь Монтесумы».

Он читал, как несчастного пленника привязывают к каменному алтарю, чтобы принести его в жертву богам, как зловещий жрец ацтеков приближается к нему с жертвенным ножом. В этот момент в комнату вошел Максим, держа в руках собачью плеть.

— Считаю до трёх, — сказал он. — Ра-аз... Два-а... Три-и!

Дальнейшее Максим описывал своим приятелям так:

— Да-а... Такого я ещё никогда не видел... Чтобы человек прыгал с положения, лежа на спине. От сундука до двери, минимум шесть метров. Так он взвился в воздух и, как тигр, прямо мне на голову. Словно его ножом ткнули. Я с плетью, а он на меня с кастетом.

— Неужели? — удивлялись приятели.

— Да-а... Ох же и свалка получилась. Шкаф вдребезги разломали. У стола две ножки отломали. Про стулья я уж и не говорю — одни щепки остались. Потом я специально сундук проверял — так аж крышка треснула. Это он спиной продавил, когда на меня прыгал. Одна только печка целая осталась.

— Кто же победил?

— Вничью! — с некоторой гордостью за младшего брата говорил Максим. — Его в школе так и прозвали — бугай! Никто с ним справиться не может. Он на турнике уже солнце крутит.

— Кто же пошёл за углём?

— Мать пошла. Тогда он у неё ведро забрал, а мне говорит: «Ну, погоди до следующего раза!» Вот же чертяка. Но зато, на него можно положиться.

И в этом отношении Максим не ошибся: если младший брат сказал что-нибудь, то на него можно было положиться. До следующего раза ждать пришлось недолго.

В школе, где учился Борис, состоялся вечер самодеятельности. После самодеятельности были танцы в гимнастическом зале, а после танцев, как обычно, драка на улице с учениками соседней школы.

В самый разгар схватки, одноклассник Бориса, Иван Странник, ни с того ни с сего, поднял стрельбу в воздух из маузера, который он стащил у своего отца, работавшего цензором в горсовете.

Не зная, кто стреляет, обе партии пустились врассыпную. Первым, испугавшись собственной храбрости, убежал сам Иван, предварительно сунув пистолет Борису.

На следующее утро Борис сидел у себя в комнате и в ожидании Ивана из любопытства разбирал огромный маузер. Зачем-то в комнату вошел Максим.

Увидев в руках младшего брата настоящий пистолет, да ещё маузер, он так растерялся, что сначала даже ничего не сказал, а вышел и стал о чём-то шептаться с матерью.

— Борис, пойди принеси дров из погреба! — попросила мать.

Тот собрал свой маузер и, положив его в карман, отправился в погреб. Уполномоченный НКВД воспользовался этим, чтобы обыскать комнату младшего брата.

Не найдя пистолета, он схватил с вешалки злосчастную собачью плетку, которая в его представлении являлась символом власти в доме, и выскочил во двор вслед за Борисом.

— Дай сюда пистолет! — скомандовал он.

— Не дам, — твёрдо ответил младший, запуская руку в карман.

Старший поднял плеть:

— Да или нет?

Вместо ответа младший вытащил руку из кармана, и в лицо брата ударил дым и огонь пистолетного выстрела. Максим застыл с поднятой рукой, а ему в упор, как из огнетушителя, плескали выстрелы из крупнокалиберного пистолета. Он попятился к крыльцу.

— Брось плеть! — скомандовал теперь Борис. — Руки вверх!

Уполномоченный НКВД послушно бросил плеть в снег и поднял руки.

— Заходи в дом! — приказал Борис. — Быстро!

Когда старший брат скрылся за дверью, младший, как заяц, махнул через забор. Если придёт милиция, то пусть Максим сам оправдывается, почему подняли стрельбу средь бела дня.

Тем временем Борис по глубокому снегу, в одной рубашке, поддерживая штаны, спадающие от тяжести болтавшегося в кармане пистолета, добрался до Ивана и отдал ему маузер.

Как Иван объяснял своему отцу недостачу патронов, осталось неизвестным.

Вечером, узнав о происшествии, доктор Руднев ворчал:

— У нас предки из казаков, а потому у нас в роду есть где-то польская кровь. И турецкая тоже есть. Видно, Максим в поляка пошёл: пенонзев не маем, зато гонор маем. А вот Борис чистый турок, прямо башибузук.

Максим чувствовал себя героем дня и хвалился:

— Борька в меня стрелял, стрелял — и ни разу не попал.

— Так ведь я ж тебе мимо ушей целил, — неохотно сообщил школьник. — Как укротитель в цирке.

В досках старого флигеля было много дырок от выдернутых гвоздей. Позже Максим показывал эти дырки своим приятелям и с гордостью рассказывал:

— Видите, это Борька в меня стрелял. Весь дом изрешетил. Ох же и отчаянный он у меня!

Есть люди, которые не могут жить со своими ближними на равных правах. Они всегда стараются быть господами, но если это не получается, тогда они сами лезут в слуги к тому, кто оказался сильнее.

Так вот и Максим. Не в состоянии подчинить себе младшего брата, он не только уравнял его в правах, но даже стал немного заискивать перед ним.

Стараясь завоевать его доверие, несмотря на большую разницу в возрасте, он часто приглашал его в компанию своих знакомых и делился с ним всеми своими секретами.

Борис же, наученный опытом, держался немного настороже и сохранял безопасную дистанцию.

Разница между братьями проскальзывала во многом. Максим был сухощавый и с тонкой костью, с серыми глазами и светлыми, слегка вьющимися волосами, которыми он очень гордился.

Губы у него были узкие, нервные, властные. По этому поводу он утверждал, что такой же рот был у Ницше и Шопенгауэра. Студентом он увлекался легкой атлетикой, хорошо плавал и бегал на лыжах.

Борис же, широкоплечий и темнокожий, предпочитал тяжёлую атлетику и гимнастику на снарядах. Старший брал на вспышку, а младший — на выдержку.

У Максима всегда было много друзей, которые довольно быстро менялись. У Бориса друзей было меньше, но зато, они почти не менялись.

Максим постоянно брал у своих друзей книжки. И постоянно бывшие приятели Максима приходили к Борису и, немного смущаясь, просили вернуть книжки, которые старший брат взял у них почитать несколько лет тому назад.

Когда Борис перешёл в 8-й класс, он увлёкся охотой и купил себе «Фроловку» с магазином на четыре патрона.

Вместо картечи он зарядил ружьё рублеными кусками свинцовой трубы. Как и полагается настоящему охотнику, он повесил заряженное таким образом ружьё в изголовье своей кровати.

Однажды, вернувшись из школы, он уже на пороге почувствовал острый запах охотничьего пороха.

Ружьё валялось на постели, а по дубовой доске стола, где Борис готовил свои уроки, расходился рваный, щерблённый след выстрела.

Заряд рубленого свинца косо резанул по столу и засел глубоко в стене. У Бориса екнуло сердце: что, если... Он оглянулся по комнате, ища следы крови.

Убедившись, что крови нет, он пошёл искать Максима. Тот сидел на кухне в своей щегольской форме НКВД и со смущённым видом.

— Ну, как ружьё стреляет? — словно между прочим спросил младший. — Хорошо?

— Да, знаешь, я хотел показать знакомым... А оно вдруг выстрелило...

— Удивляюсь, как это никому в живот не попало. Тебе определённо везет.

Уполномоченный НКВД посмотрел на брата и моргнул белесыми ресницами:

— Скажи, а тебе меня не жалко?

— Мне стол жалко, — ответит тот.

Максим и здесь не упустил возможности похвастаться своим приятелям:

— Вот у моего Борьки нервы. Ружьё выстрелило, так ему не меня жалко, а какой-то паршивый стол.

Не то чтобы Борис не любил брата. Нет, он просто знал, что если с Максимом обращаться по-хорошему, то он сейчас же сядет ему на шею.

Собачья плётка, которую так любил Максим, принадлежала немецкой овчарке Рексу.

Когда-то Борис собственноручно выбрал щенка в подмосковном питомнике служебных собак и за пазухой привёз его домой вместе с длинной родословной.

Чистокровный щенок вырос в огромного, чёрного, как уголь и на редкость умного пса. Летом Борис спал на веранде, а Рекс сидел рядом на цепи и охранял своего хозяина.

Пёс он был довольно серьёзный и не давал спуска окрестным хулиганам, которые не раз грозились притравить его. Больше всех грозился Федька Косой, который командовал всем окрестным хулиганьём.

В один солнечный зимний день, как раз после снегопада, Борис вышел во двор, чтобы расчистить снег. У порога, в судороге вытянув задние лапы, лежал Рекс.

Он уткнулся носом в ступеньки, из чёрных шершавых ноздрей сочилась кровь. От порога к улице по свежевыпавшему снегу тянулся длинный кровавый след. Верный пес дополз до порога, но подняться по ступенькам у него уже не хватило сил.

Борис нагнулся, потрогал рукой ещё тёплое, но уже безжизненное тело собаки. Потом он кинулся в дом и сорвал со стенки ружьё. На ходу щелкая затвором, он яростно крикнул Максиму:

— За мной! Рекса отравили! Где Федька Косой? Я этого гада...

Младший брат, как бешеный, носился по снегу с ружьём на изготовку, разыскивая убийцу своего любимого Рекса.

А следом за ним, носился старший брат и тщётно пытался отнять у него ружьё. С улицы прибежали мальчишки:

— Дяденька, дяденька... Да вашего Рекса машина переехала... Мы сами видели. А Федьки Косого тут и близко не было...

Только тогда Борис успокоился и поставил ружьё на предохранитель. После этого, Максим в первый раз пожаловался матери:

— Собаку Борька любит, как человека. А вот я для него — пустое место.

В пункте женщин Максим любил ухаживать за чужими женами, как он выражался, за дамочками, и даже обосновывал почему:

— Двойная победа — и никакой ответственности. По молодости лет Борис ещё не понимал, что это значит, но упрямо возражал:

— Это всё равно, что воровство.

— Это по законам Моисея так, — усмехался уполномоченный НКВД. — Но теперь, не то время.

Соответственно этому, Максим и женился — тоже на чужой жене.

В глазах Бориса у Ольги, жены Максима, имелось два минуса. Первое — что она кончила не институт, а только мукомольный техникум. И второе — что она бросила своего первого мужа. И, вместе с тем, Борис оказался косвенной причиной этого брака.

Борис часто бывал на вечеринках в доме своей одноклассницы Ирины. А Ольга жила у них в семье, в качестве квартирантки.

На вечеринках школьники играли в обтрёпанный «флирт цветов», в фанты с робкими поцелуями и танцевали под патефон. Потом стучали в дверь квартирантки:

— Ольга, присоединяйся к нам!

Та выходила из своей комнаты, всегда кутаясь в большой белый платок из ангорской шерсти, словно её знобило. Фигура у нее была так себе, ничего особенного, но зато лицо...

Это было лицо мадонны, красоты редкостной, неземной. Вела она себя, как пришелец из чужого мира, и всегда немного скучала.

Она никогда не смеялась, а только слабо улыбалась, да и то, как-то про себя. Танцевала она неохотно, как деревянная, а если, при игре в фанты, доходила её очередь целоваться, то она поджимала губы и отворачивалась.

— Не обращайте внимания, — шептала Ирина. — Она хорошая девушка, только немножко самовлюблена.

Жили они по соседству, недалеко от Петровского парка, Однажды в этом парке погожим весенним вечером застрелился студент.

Он спокойно сидел на скамейке, мечтая о чем-то, потом вдруг вытащил из кармана наган и выстрелил себе в рот. В другом кармане самоубийцы нашли письмо — на имя ангелоподобной Ольги.

Оказывается, он учился с ней в одном техникуме. Об этом поговорили, поговорили — и забыли. Мало ли всяких чудаков?

Но, через несколько месяцев, когда на дворе стояла поздняя осень, произошла новая неприятная история. Бориса вызвали к директору школы.

— Вы с Завалишиным дружили? — спросил директор.

— Да, я с ним на охоту ходил.

— Так вот — Завалишин застрелился... Из этого самого ружья. Он вам ничего не говорил... такого?

— Нет, совершенно ничего.

— Хорошо... Пойдите к нему домой — от лица комсомольской организации. Возьмите с собой Ивана Странника, ведь, это его двоюродный брат... Помогите там чем-нибудь.

Холодное ноябрьское утро. Стук подошв по голой промёрзшей земле. Маленький домик на Песчаной улице. Убитая горем мать и тёмные пятна по стенам — следы крови.

На потолке дырки — от той самой картечи, которую они, ещё недавно, вместе катали из рубленого свинца.

К штукатурке прилипли какие-то бесформенные серые кусочки — это то, что осталось от мозга его товарища по охоте.

Утром, вместо того чтобы идти в школу, Завалишин сел в кресло, приставил двустволку к виску и пальцем босой ноги спустил курки.

Выстрелом одновременно из двух стволов, заряженных картечью, ему начисто оторвало голову. На столе лежало предсмертное

письмо.

Не матери, у которой он был единственным сыном, нет — ангелоподобной Ольге. Письмо было конфисковано милицией, но и так все понимали, что там написано.

Тихий и замкнутый парень, Завалишин всегда держался в стороне от других подростков. Ничем он особенно не выделялся — ни в учёбе, ни в спорте. Знаменит он стал только после смерти.

Его самоубийство, среди школьников вещь необычайная, вызвало много разговоров и ещё больше недоумения. Ирина пыталась оправдать свою квартирантку:

— Да, Ольга здесь вовсе и ни при чём!

— А почему он написал письмо именно ей, а не кому-нибудь другому? — спрашивали школьники.

— Не знаю. Они встречались только у меня на вечеринках. И это всё.

— Ну, а тот студент, что застрелился в парке?

— Там тоже ничего не было. Когда-то она пошла с ним один раз в кино, и это всё. А за его дальнейшие поступки она не отвечает.

Школьники неодобрительно качали головами:

— Всё равно, твоя Ольга — какая-то недоделанная.

— Просто, у неё рыбья кровь, — возражала Ирина. — Потому она всё время и мёрзнет. Она даже не может спать по ночам и, чтобы согреться, лезет ко мне под одеяло...

Вскоре после этого, красавица Ольга вышла замуж за человека, которого она почти не знала, как говорится, за первого попавшегося.

Злые языки шептали, что этим она только хотела избавиться от неприятных разговоров, в связи с двумя самоубийствами.

У каждого найдутся завистники и недоброжелатели, которые только и ждут предлога посплетничать.

В довершение всех бед, сразу же после свадьбы мужа Ольги забрали на три года в армию, и она осталась на положении

соломенной вдовы. Теперь люди жалели её. А дальше получилось так.

На фотографиях, которые Борис снимал во время вечеринок, Максим заметил ангелоподобное личико Ольги и с видом специалиста потянул носом:

— Кхм, кхм... Кто это такая?

— Да так — ни рыба ни мясо.

— Слушай, познакомь меня с ней!

— Опоздал. Она уже замужем.

— Что, дамочка? Так это самое хорошо.

— Как сказать. Из-за неё уже два человека застрелились.

— Ничего. Ты только познакомь, а остальное — это моё дело.

Максим устроил для своих друзей вечеринку, а Борис пригласил на неё соломенную вдову, которая скучала без мужа. Ольга появилась, как всегда кутаясь в свою белую шаль, и в этот вечер Максим потерял своё сердце.

Спали братья в соседних комнатах, и раньше младший часто посмеивался, что старший имеет привычку разговаривать во сне. Но теперь Борис не смеялся.

Почему-то ему было даже жалко брата, которого Ольга, словно заворожила. Каждую ночь Максим судорожно ворочался в постели и беспокойно бормотал:

— Оля... Милая... Оленька...

Но Максиму повезло. Ни много, ни мало, ровно через месяц, красавица Ольга развелась со своим отсутствующим первым мужем и вышла замуж за Максима.

На свадьбе Борис, как зачинщик нового счастья, сидел на почётном месте — по другую сторону новобрачной. После свадьбы старший брат ушёл из родной семьи и поселился со своей женой на отдельной квартире в новых домах для работников НКВД.

Вскоре у них родилась дочка. По всему было видно, что Максим очень счастлив, что он боготворит свою молодую жену и

страшно гордится ребёнком.

Он стал солиднее, серьёзнее и если хвастался, то только своей женой. В родительский дом он заходил редко. Получив повышение по службе, он был очень занят, и всё свободное время проводил в собственной семье.

Глава 2. Где никто рождает ничто

«Поверь, Горацио, что на земле и в небе более чудес,

чем снилось всей людской премудрости».

Шекспир, «Гамлет»

Во флигеле было два входа: с балкона — парадный и с кухни — чёрный.

Однажды, зимней ночью Борис проснулся от настойчивого звонка с парадного входа. Недоумевая, кто это трезвонит среди ночи, он накинул на голые плечи шубу и спросил через дверь:

— Кто там?

— Это я... Открой... — услышал он голос старшего брата. Ещё полупьяный ото сна, младший откинул болт, снял цепочку, повернул английский замок и открыл дверь.

На дворе — холод, снег и луна. На фоне освещённого луной снега тёмная фигура Максима в длинной военной шинели.

Лица его не видно, к груди прижат какой-то большой сверток. Не переступая порога, он протянул сверток Борису:

— Держи! Осторожно.

Тот почувствовал у себя на руках что-то мягкое, тёплое, шевелящееся и понял, что это — закутанный в одеяло ребёнок.

— Передай матери, — глухо сказал Максим. — Она знает, что делать... — Он повернулся и зашагал по залитому луной снегу. На улице зашумел мотор автомашины, и Борис остался один с ребёнком на руках.

Ничего не понимая, он разбудил мать и передал ей плачущего грудного младенца. Утром Максим позвонил по телефону, ещё

раз попросил позаботиться о дочери, но больше ничего не сказал.

Вечером обеспокоенная мать поехала к нему на квартиру, чтобы узнать, что случилось, но дверь квартиры Максима была опечатана красными сургучными печатями НКВД.

Сначала подумали, что Максим арестован. Но он каждый день звонил со службы, справлялся о здоровье ребёнка и на все вопросы отвечал:

— Не спрашивайте меня ни о чём...

Через неделю он появился в родительском доме. Небритый, с осунувшимся лицом и воспалёнными глазами, в измятой форме и нечищеных сапогах, он выглядел так, словно эти дни он спал не раздеваясь. Сняв шинель, он молча прошёл к кровати, где лежала его маленькая дочь.

— Максим, скажи хоть, что случилось? — робко спросила мать.

— Ничего... — поморщился тот. — Я буду жить у вас...

— А, как же Ольга?

— Она... Её здесь не будет...

— Почему? Что у вас произошло?

Сидя на краю кровати и глядя на ребёнка, Максим, словно не слышал ничего. Потом, он пробормотал каким-то чужим хриплым голосом:

— Она покончила с собой... Её уже похоронили... И не спрашивайте меня больше ничего...

Он устало поднялся, деревянным шагом прошагал в свою комнату и закрыл за собою дверь.

В горе одни ищут утешения со стороны, другие, наоборот, уединения. Чувствуя, что Максим избегает всякого сочувствия, домашние решили оставить его в покое, пока он переживёт своё горе.

Каждый день, приходя со службы, Максим запирался у себя в комнате. Чтобы попасть в свою комнату, Борис вынужден был проходить через комнату брата.

Тот часами лежал пластом на диване, не шевелясь, как разбитый параличом, устремив глаза в одну точку и думая о чём-то.

Или он неподвижно сидел за своим письменным столом и остановившимся, невидящим взглядом смотрел в тёмную ночь за окном, будто силясь понять что-то непостижимое.

Войдя однажды в комнату, Борис увидел, что Максим сидит за столом, смотрит в пустое окно, а пальцы его играют маленьким браунингом. Он даже не слышал, как брат вошёл в комнату.

— Максим! — тихо окликнул младший.

Старший вздрогнул, будто очнувшись от транса:

— Что такое?

— Дай-ка мне эту игрушку! — протянул руку Борис.

Максим растерянно посмотрел на браунинг, словно недоумевая, как он попал ему в руки, и послушно отдал пистолет брату. Борис сунул браунинг в карман и кивнул на дверь:

— На кухне мать возится с ребёнком, никак не может его успокоить. Поди-ка помоги ей.

Максим опустил голову и пошёл на кухню.

На следующий день Борис, порядка ради, осмотрел браунинг и убедился, что в обойме не хватает половины патронов. Он понюхал дуло, потом снял верхнюю скобу и посмотрел канал ствола на свет — он был мутный, с беловатым налетом.

Для охотника, привыкшего после каждой охоты чистить ствол оружия до блеска, было ясно, что из этого пистолета недавно стреляли.

Игрушечный браунинг был немым свидетелем какой-то драмы. Если Ольга застрелилась, то почему нет половины патронов?

После смерти красавицы жены, Максим вёл себя так, как будто из него вынули душу. Единственное, что его ещё интересовало в жизни, — это ребёнок, живое воспоминание об Ольге.

Часто он брал завёрнутую в пелёнки дочурку на руки, прижимал её к груди и долго смотрел на неё, словно отыскивая в ней черты любимой жены.

Но капля долбит камень, а время — человеческие чувства. Оправившись от травмы и последующей прострации, Максим постепенно приходил в себя.

Первое, что он сделал, — это принёс какие-то книги и теперь уже не смотрел в окно, а сидел и, наморщив лоб, читал и читал.

Но книги эти он, почему-то, тщательно прятал ото всех, а уходя, запирал их в столе. Он даже обернул бумагой переплёты, чтобы никто не видел их названия. Борис только мельком заметил, что это какие-то медицинские книги.

Так он сидел вечер за вечером, день за днём. Так прошло несколько месяцев, пока однажды Максим поднял палец и пробормотал:

— Хм, это интересно...

— Что такое? — спросил Борис из соседней комнаты.

— Да так, одна фраза... Всего две строчки...

— Что?

— Ничего... Просто так.

— А что это, ты за медицину взялся?

— Ты не поймёшь... Это — специфическая тема... Но теперь придётся поискать в другом месте.

Когда Максим ещё не работал в НКВД, а готовился к карьере профессора истории, он уделял много внимания иностранным языкам и прилично читал по-английски, немецки и французски.

Хотя Борис собирался учиться на инженера, но и он тоже серьёзно занимался английским и немецким.

Свои поиски Максим начал с того, что притащил в дом целую кучу книг на английском языке. Эти книги он уже не прятал, а бережно поставил их на книжную полку.

Всё, свободное от службы время, он штудировал их более тщательно, чем те учебники истории, по которым он занимался в университете, что-то подчёркивая карандашом, делал какие-то выписки. И опять сидел вечер за вечером, день за днём.

Как-то Борис, устав от физики и математики, заглянул брату через плечо — и протяжно свистнул. Книга, которую тот с серьёзнейшим видом штудировал, называлась так: «Золотая ветвь», а внизу подзаголовок: «История древних религиозных культов и магии. В двенадцати томах».

— Какой же ты это том читаешь? — с усмешкой спросил Борис.

— Десятый, — спокойно ответил Максим.

— Что, хочешь научиться магии?

— Нет, просто так...

— Но ведь, это же глупости.

— Нет, — мотнул головой уполномоченный НКВД, — это не глупости, а сухая история. Фразер — знаменитый антрополог, а его «Золотая ветвь» — лучший в мире научный труд на эту тему.

— Какую тему?

— Не твоего ума дело, — коротко отрезал старший брат. Куча книг на полке действительно оказалась многотомной научной монографией. Но о ком и о чём?!

Здесь было всё, что угодно: огнепоклонники на заре человеческой цивилизации, жрецы солнца, древнеегипетский культ Озириса, кровожадные идолы Древней Индии и Мексики, весёлые языческие боги Древней Греции и Рима, кельтские друиды, негритянские колдуны, эскимосские шаманы и тому подобное.

А сверху, как гарантия качества, стоял штемпель «Библиотека им. Ленина».

Следом, в комнате Максима стали появляться ещё более странные книги. Например, «Исследование о чёрной магии и пактах с дьяволом, включая обряды и мистерии готской теургии, колдовства и инфернальной некромансии», учёный труд, принадлежащий перу Артура Байта.

Или «Анналы колдовства, демонологии и астрологии в Западной Европе», изданные в Нюрнберге в 1623 году. А рядом пожелтевший трактат па тему: «Магнетизм, спиритуализм и оккультные науки».

— Зачем ты тратишь время на всякую чепуху? — спросил Борис.

— Это не чепуха, — ответил брат.

— А что же это такое?

— Это совершенно серьёзные книги, написанные серьёзными учеными. Они пытались разрешить некоторые загадки.

— Как делать золото из свинца?

— Нет, совсем другое.

— А что же?

— Ты этого не поймёшь, — согнулся над своей работой Максим. — И не мешай мне.

Затем, на столе уполномоченного НКВД очутилась целая стопа протоколов. Но это не были дела о контрреволюционерах, правых и левых уклонистах и прочих врагах советской власти.

Это были средневековые манускрипты на английском языке с такими пространными названиями:

«Подробный и правдивый протокол о чрезвычайно поучительном процессе трёх отменных ведьм из селения Депфорд, в графстве Эссекс, перед судьей короны многоуважаемым сэром Фрэнсисом Пэмбертоном в замке Экзетер в пятницу 2 июня 1682 года, с собственноручными обследованиями и заключениями очень известного медика доктора Генри Хирса, как эти негодницы сознались в колдовстве и были приговорены к казни, согласно определению закона, и, как это записано, согласно показаниям достопочтенных свидетелей. Отпечатано в Лондоне в 1682 году».

Или такой протокол: «Отчёт о Маргарите Хакет, известной ведьме, которая довела одного молодого человека до смерти, разбросала его внутренности и кости во все стороны, и которая была казнена в Тирборне 19 февраля 1585 года».

Или вот такой документ: «Материалы суда над ведьмой Мэри Грин и её дочерью Эллен, которая тоже упражнялась в колдовстве, как они сознались в предумышленном отравлении нескольких почтенных людей и других нечестивых поступках, в результате пакта с дьяволом и как они, по приговору суда, были казнены в Хартфорде 4 августа 1606 года».

Перелистав эти мрачные документы, Борис, с некоторым беспокойством, посмотрел на брата, который сосредоточенно

штудировал очередной протокол 16 века.

— Скажи, Максим, чем ты, собственно, занимаешься?

— Просто, меня интересуют некоторые вещи...

— Какие вещи?

— Это тебя не касается.

— А почему это тебя касается?

— Это — моё дело.

— А ты, может быть, немного того? — Младший многозначительно постучал себе пальцем по лбу.

Старший устало потёр воспалённые глаза и зевнул:

— Нет, — об этом не беспокойся и не приставай ко мне.

Так проходил месяц за месяцем, а Максим, как одержимый, всё копался в своих средневековых трактатах.

После ведьм, словно проверяя что-то, он опять взялся за какие-то медицинские книги, которые он опять прятал ото всех. При этом, он, время от времени, бормотал себе под нос:

— Ну да... Так и есть... Только другими словами...

— Что? — спрашивал младший сквозь полуоткрытую дверь.

— Ничего, — отвечал старший.

Затем, он снова прыгнул в глубину веков, но уже не так далеко. Теперь он штудировал серию книг из области криминологии: «История необычайных преступлений 18 века» или «Порок и преступление в 19 веке» и тому подобное.

Он охотился за чем-то, как артиллерист, пристреливающийся к цели, — перелёт, недолёт, потом, всё ближе и ближе. Но цель Максима лежала где-то во тьме средневековья.

Однажды вечером, придя домой со службы и снимая шинель, он не выдержал и похвастался:

— Вот, сегодня я допрашивал интересного человека...
Чувствовалось, что он напрашивается на вопрос. Борис поднял голову от учебника по геометрии:

— Какого человека?

— Одну старую-престарую проститутку. Самую старую, какую только нашли. По всем тюрьмам искали.

— Зачем она тебе понадобилась? Да ещё такая старая?

— Нужно кое-что узнать. Есть такие непечатные вещи, которые не найдёшь ни в каких книгах. Зато, это хорошо знают опытные проститутки и не стесняются об этом говорить.

— Зачем тебе это знать?

— Потому что, порок всегда связан с преступлениями.

— Что же она тебе сказала?

— Много интересного. Сейчас я собрал по тюрьмам ряд уголовных дел, которые, по форме, совпадают с теми преступлениями, в которых обычно обвиняли ведьм.

Теперь я на практике проверяю то, что писалось во всех этих книгах. Понимаешь? Получаются очень забавные результаты... Оч-чень забавные...

— Как же ты это проверяешь?

— Расспрашиваю их про родителей, про личную жизнь... Они думают, что я сокращу им сроки заключения...

— А зачем тебе это нужно?

— Просто так... — уклончиво ответил уполномоченный.

Через полгода после самоубийства Ольги, Максим вдруг получил на службе специальный отпуск для работы над научной диссертацией.

Каким-то образом работа эта была связана с НКВД — он числился в штате, получал своё жалование и никому не показывал тему своей диссертации.

Весь день он сидел дома за закрытой дверью и рылся по библиографическим справочникам.

Он получил возможность собирать свою собственную коллекцию книг, необходимых для его научных изысканий.

На титульном листе теперь уже стоял штемпель «Научно-исследовательский спец-фонд НКВД». Через посредство НКВД, он заказывал некоторые книги даже за границей.

Это была странная коллекция на темы, казалось бы, совершенно не связанные друг с другом: трёхтомное сочинение Генри Ли «История, средневековой инквизиции», а рядом либретто оперы Пуччини «Принцесса Турандот»; философские «Диалоги» Платона, а рядом, опять, какие-то пожелтевшие трактаты о нечистой силе.

Во всех этих книгах Максим что-то подчёркивал красным карандашом, некоторые места, видимо особенно важные, он отмечал цветными заклейками с шифром и одновременно делал заметки в толстую синюю папку, которую он всегда запирал, в стол.

В этой коллекции Борис обнаружил книгу Рейдера Хаггарда «Дочь Монтесумы», которую он когда-то читал перед дракой с Максимом.

Рядом стоял роман того же автора «Она», про какую-то таинственную королеву в дебрях Африки. Увидев в обеих книгах пометки красным карандашом, он поинтересовался:

— А это тебе зачем?

— Так, нужно было...

— Ведь, это ж для детей!

— Ха, это ты так думаешь.

— А для кого же?

— Для... Для тех, кто впадает в детство.

— А какая в этом разница?

— Очень большая. Когда человек впадает в детство — это означает конец цикла, приближение смерти. Понял?

— Ничего не понимаю.

Максим махнул рукой:

— Тогда занимайся своими делами и не лезь ко мне.

В середине лета, когда на мусорной куче расцвели волчьи ягоды, Максим вдруг сам впал в детство.

В начищенных хромовых сапогах он полез в заросли сорняков на мусорной куче, насобирал там каких-то трав и принялся сушить их в духовке.

Затем, он уселся за свой стол, заваленный всякими идиотскими книгами, закрыл окна и двери, положил высушенные в духовке травы в жестянку из-под консервов и поставил её на горящую спиртовку.

Из жестянки подымался сизый дымок, а уполномоченный НКВД сидел и нюхал этот фимиам мусорной кучи.

— Ты что, совсем рехнулся? — спросил Борис.

— М-м-м...

— Что ты там нюхаешь?

— Белладонну...

— Тьфу! Ведь потом голова болеть будет.

— Ничего. Ты сейчас никуда не уходишь?

— Нет.

— Тогда на всякий случай посиди рядом. Посмотри, что со мной будет. Только не дыши этим дымом. Это, всё-таки, яд...

— Хорошо. Только сначала скажи, зачем это тебе?

— Нужно кое-что проверить. — Не отрываясь от своего странного занятия, он кивнул на раскрытые книги: — Вон, почитай!

На пожелтевших от времени страницах рукой Максима были подчёркнуты описания того, как ведьмы готовят из белладонны всякие зелья.

Рядом сцена шабаша, где весёлые ведьмы смалят листья белладонны и, наслаждаясь ядовитым смрадом, поют и пляшут вокруг костра.

Для начала Максим решил испробовать действие дыма белладонны на собственном опыте — до одурения, пока не свалится на койку.

На следующий день он держался за голову, проклинал всех ведьм и нечистую силу, но, несмотря на это, аккуратно записывал свои ощущения в синюю папку.

Дальнейшие колдовские зелья он проверял уж не на себя, а на подопытных заключённых.

— Всё это — разные наркотики, — бормотал он. — Некоторым это даже нравится. Белладонна, гашиш, марихуана.

Научная работа Максима принимала всё более необычайные формы.

Он получил специальное разрешение и, с помощью особой команды, начал разрывать заброшенные могилы на старых московских кладбищах.

Но не все подряд, а только те, которые — его, почему-то, интересовали. Из каждой такой могилы он брал берцовую кость скелета и привязывал к ней ярлык.

С надгробного памятника он списывал на этот ярлык имя, фамилию, возраст и дату смерти подопытного покойника. Затем, эти кости поступали в химическую лабораторию НКВД.

Борис сидел за своим простреленным столом с поломанными ножками и зубрил законы математики.

А у соседнего окна, отделённый только обычно полуоткрытой дверью, сидел за своим столом старший брат и, как чернокнижник, занимался своими тёмными делами.

То ли потому, что таким образом Борис был невольным свидетелем его занятий, то ли потому, что ему нужно было хоть с кем-нибудь делиться своими мыслями, но единственным, кого Максим немного посвящал в свои дела, был Борис.

— Эй ты, гробокопатель, — насмехался младший. — А зачем тебе скелеты понадобились?

— Просто я проверяю старое народное выражение — белая кость и голубая кровь, — невозмутимо ответил старший.

— Как же это ты проверяешь?

— В буквальном смысле. Я вскрыл ряд могил старой родовой аристократии и столько же могил простых людей.

Взял кости этих двух категорий того же возраста, при всех остальных равных условиях и сравнил.

— Ну и что?

— Очень любопытные результаты. У родовой аристократии, по сравнению с простыми людьми, действительно белая кость.

И химический анализ показывает существенную разницу. Нарушение фосфорно-кальциевого баланса.

— Что же это доказывает?

— Вероятно, в течение веков люди заметили эту разницу, может быть, наблюдая кости на заброшенных полях сражений. Отсюда и пошло выражение — белая кость и голубая кровь.

— Но тебе-то это зачем?

— Нужно, — односложно ответил уполномоченный НКВД.

За этими занятиями Максим даже потерял интерес к своей дочурке.

Больше того, казалось, что он избегает видеть её, будто это живое напоминание о мёртвой красавице жене стало ему теперь неприятно.

Он уже не брал её на руки, а только изредка останавливался у её кроватки и задумчиво смотрел на неё, словно и здесь изучая что-то. Потом, молча уходил и запирался в своей комнате.

Теперь горячая душа Максима безраздельно принадлежала его загадочной научной работе.

Затем, он неожиданно заявил, что отправляет ребёнка к родителям Ольги, которые жили в Березовке, дачном посёлке неподалеку от Москвы.

— Зачем ты это делаешь, Максим? — удивлённо спросила мать.

— Так будет лучше, — коротко ответил тот, избегая встречаться с матерью взглядом.

— Оставь её у нас, — вступился отец.

— Нет, завтра я отвезу её в Березовку.

— Но почему?

Старший брат нахмурился и сухо повторил:

— Так будет лучше.

Глава 3. Камень мудрецов

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным;

и ничего не бывает потаённого, что не вышло бы наружу.

Марк. 4:22

Следующим номером программы, Максим отправился в научную экспедицию. И не куда-нибудь в Крым или на Кавказ, а в самые гиблые места Северной Сибири и Заполярья.

Экспедиция была организована НКВД. В ней принимали участие ещё несколько учёных, которые имели какие-то частные задания, но командовал всем Максим.

В распоряжение экспедиции предоставили самолёты полярной авиации НКВД, но к конечным пунктам назначения добираться пришлось с помощью местных проводников на оленьих упряжках.

В сопровождении своих учёных ассистентов, Максим обследовал заброшенные в глуши Заполярья, отрезанные от мира и недоступные даже для советской власти стойбища кочевников, самоедов и тунгусов, ведущих почти первобытный образ жизни.

На память об этой экспедиции он привёз с собой в Москву расшитую бусами оленью парку, мягкие самоедские пимы и коллекцию музейных предметов: расписанный яркими красками старый туземный бубен с медными побрякушками, выдолбленные из тёмного дерева диковинные фигурки уродливых самоедских идолов, нагрудную бронзовую бляху с таинственными знаками — символ власти шамана, а также целый ворох тяжёлых ожерелий и браслетов из каких-то костяшек.

На оскаленных физиономиях божков засох слой тёмной грязи. Но именно с самым грязным, самым старым и уродливым идолом Максим обращался бережнее всего и относился к нему с видимым уважением.

— Ты хоть бы его помыл, — посоветовал Борис.

— Нельзя. В этом-то и его ценность.

— Почему?

— Это не грязь, а засохшая кровь. Во время жертвоприношений этих божков мажут кровью.

— Какой — оленьей?

— Да, теперь оленьей. Но этому идолу несколько сот лет, и химический анализ показал, что раньше его мазали человеческой кровью.

— Когда это было?

— Приблизительно в то же самое время, когда в Западной Европе жгли ведьм и колдунов. И один старый шаман рассказал мне одну интересную вещь, которую он слышал от своих предков.

Оказывается, в жертву богам приносили человека по выбору шамана и с теми же характерными признаками, по которым средневековая инквизиция определяла ведьм.

Самоедские шаманы понятия не имели об инквизициях, но делали то же самое. Разве это не интересно?

— А-а, тёмные века, — пренебрежительно сказал Борис и взял в руки туземное ожерелье.

— Века эти не такие уж тёмные, если знать, в чём дело, — возразил уполномоченный советской инквизиции и насмешливо прищурился: — А ожерелье это, между прочим, тоже из человеческих костей.

Школьник брезгливо швырнул необычайное украшение:

— Тьфу, теперь руки мыть надо. Максим невозмутимо пояснил:

— Это была главная регалия одного знаменитого шамана — кости его собственной прапрабабушки, которая тоже была шаманкой.

Искусство колдовства часто передаётся у них из поколения в поколение. Считается, что в этих костях заложены колдовские силы. С определённой точки зрения, это правда.

— Какая ж, правда?

— Колдовская... — неизвестно кому подмигнул Максим. — Когда я забрал у него эти кости, шаман так обозлился, что призвал на меня проклятие всех своих предков.

— Ну, раз ты веришь в колдовство, тогда ты должен остерегаться.

— Нет. Потому что я знаю это проклятие. Когда я поговорил с шаманом по душам, он сам убедился, что я колдун посильнее его.

По этому поводу он даже устроил специальный праздник с камланием в честь «мудрого красного шамана».

Мои профессора сидели у костра в качестве свидетелей и только хлопали глазами. Там я наблюдал шаманские пляски с бубном и припадками. Кстати, эти припадки часто фигурируют в протоколах инквизиции.

— Это что, эпилепсия?

— Нет, по средневековой терминологии — в человека вселился дьявол... Потом, я выменял у этого шамана кости всех его остальных предков. — Максим кивнул в сторону кучи ожерелий.

— Зачем они тебе?

— Кое-что проверить... с помощью спектроскопа, — опять уклонился от прямого ответа старший брат.

— Знаешь, у тунгусов есть один оригинальный обычай. Проезжего путника угощают вовсю, а потом кладут спать с женой хозяина. Если гость отказывается, то для мужа это великое оскорбление, за это могут даже убить.

— Ну, а как ты, воспользовался этими дамочками?

— Нет. Чтобы понравиться гостю, тунгусские дамочки вместо воды моются рыбьим жиром. Можешь себе представить, какая от них вонь.

— Класть собственную жену с чужим дядей — забавный обычай.

— Не забавный, а очень даже умный.

— А если ребёнок будет?

— Вот именно этого и хотят.

— Почему?

— Всё дело в том, что в этих диких местах бывает один чужой путник раз в три года.

— Ну, так что?

— Таким образом умышленно подмешивают свежую кровь. Вот что! Это же рекомендует и современная генетика. А тунгусы дошли до этого жизненным опытом.

— Это уж слишком того... — усомнился школьник.

Офицер НКВД, которого шаман признал за коллегу по профессии, загадочно усмехнулся:

— Этот интересный обычай введён шаманами, а им это подсказали бабушкины кости... Понял?

Но Борис ничего не понял. Да его и не интересовали тайны сибирских шаманов, когда на носу экзамены по истории ВКП(б).

В своих изысканиях Максим метался, месяцами упорного труда, не только по всем векам человеческой цивилизации, но и по самым, казалось бы, несоответствующим закоулкам человеческой мысли.

Вместе с тем, в этом хаосе чувствовалась какая-то определённая, известная только ему одному система.

Вскоре после экспедиции к сибирским шаманам Борис обнаружил у него на столе малоизвестную книгу мало популярного в Советском Союзе психиатра Фрейда под таким названием: «Тотем и табу: аналогии между психической жизнью дикарей и невротиков». И опять, штемпель НКВД и пометки красным карандашом.

После Фрейда, Максим снова принялся за книги о нечистой силе, на этот раз всё более концентрируясь на писаниях католических священников и отцов церкви.

Убедившись, что большинство интересующих его книг написаны по-латыни, он занялся латинским языком и, через некоторое время, достаточно овладел им, чтобы читать со словарём.

Теперь у него на столе красовались такие первоисточники по сатановедению: Acontius. «Sferatagemata Satanae», 1565; Nicolas Jacquerius. «Flagellum Daemonum Fascinariorum», 1458; Joannes Vinetus. «Tractatus contra daemonum inuocatores», 1450, и так далее, в таком духе.

Штудируя средневековый трактат «Malleus Maleficarum», изданный неким Шпренгером в 1496 году в городе Нюрнберге, он усиленно чёркал красным карандашом, что означало важные места, одобрительно мотал головой и соглашался:

— Да, так и есть... Правильно, товарищ инквизитор! Борька, знаешь, что такое по-латыни *малеус малефикарум?* Это «Молот ведьм» — руководство, как раскалывать ведьм.

— Ты, мракобес, не мешай мне учить тригонометрию, — звучало из соседней комнаты.

Наставления средневековых охотников за нечистой силой Максим изучал теперь с большим уважением, чем, в своё время, первоисточники классиков марксизма-ленинизма.

Перед сном, ложась в постель, он, чтобы отвлечься и отдохнуть, брал томик стихов Бодлера «Цветы зла», но и здесь опять что-то чёркал и ехидно комментировал:

— Ага, тоже хвостом крутит... Сразу видно... Так, так, а у этой его, прости Господи, квартеронки, на груди, значит, чёрная метка...

— Кого ты там за хвост ловишь? — спрашивал через дверь Борис.

— Дьявола, — отзывался Максим.

Младший подтрунивал:

— Когда поймаешь — покажи мне.

— Не только поймаю, но ещё на нём и покатаюсь, — невозмутимо отвечал старший.

Он много работал по ночам, часто до самого утра засиживаясь за своим столом, заваленным всякой чертовщиной.

Вставал он поздно, с воспалёнными глазами, безразлично проглатывал завтрак и сразу же опять принимался за своё занятие, которое теперь было единственным содержанием его жизни.

Когда Борис как-то спросил старшего брата, почему тот работает по ночам, Максим криво усмехнулся:

— Так удобнее... В одну смену с чертями...

После самоубийства несчастной Ольги, прошёл почти год. За всё это время Максим ни разу не произнёс имя жены, никогда не говорил об обстоятельствах её смерти или где находится её могила.

Вместе с тем, младший брат иногда замечал, как старший под утро беспокойно мечется во сне и сквозь стиснутые зубы шепчет в подушку:

— Оля... Ведь я так любил тебя... Оленька... Неужели ты не могла иначе...

Значит, он не забыл её. Значит, не зажила рана в его сердце. Иногда Борису казалось, что увлечение Максима средневековой алхимией каким-то образом связано со смертью Ольги.

В обрывках слов брата часто проскальзывали тёмные намёки о каких-то тайнах жизни и смерти.

Может быть, уполномоченный НКВД, ища забвения, пытается в глубине веков обрести потерянное счастье, как доктор Фауст, пытается найти философский камень мудрецов, источник жизни и смерти?

Или, может быть, с упорством безумца он ищет мифическое средство, чтобы оживить любимого человека?

Почему вдруг Максим с серьёзнейшим видом штудирует средневековую мистику, сочинения о спиритизме, медиумах и общении с потусторонним миром?

Уж, не собирается ли он таким образом вызвать бесплотный призрак своей мёртвой красавицы жены?

Иногда Борису казалось, что брат страдает навязчивой идеей, что он просто помешался от горя. Но в остальном, Максим вёл себя совершенно нормально.

Да и почему тогда НКВД субсидирует его сумасшедшую работу, предоставляет в его распоряжение профессоров и даже снаряжает специальную экспедицию к шаманам?

При чём здесь анализы засохшей крови людей, когда-то принесённых в жертву языческим богам, и спектрограммы шаманских костей?

В физическом кабинете Борис и сам занимался со спектроскопом, делая анализы металлических сплавов.

С помощью спектрограммы света звезды, невидимой простым глазом и удалённой от земли на сотни световых лет, можно узнать точный химический состав этой звезды. Но, что можно узнать в старых костях шаманской прапрабабушки?

Очередным номером программы, следователь по делам нечистой силы, ударился в православную веру, вернее в богословие.

Он приказал своим помощникам достать ему хоть из-под земли самого лучшего богослова, какой ещё остался в живых в Советском Союзе.

Сибирь — это склад всяких редкостей. Где-то, чуть поближе, чем шаманы, в одном из сибирский концлагерей разыскали бывшего члена Святейшего Синода и профессора богословия Высшей духовной академии, дряхлого старичка, мирно доживавшего свой век санитаром в концлагерном медпункте.

Его вдруг помыли, переодели, посадили на самолёт и доставили в Москву.

Очутившись на Лубянке, старичок не ожидал ничего хорошего. Его провели к худощавому офицеру НКВД с тонкими нервными руками и глазами фанатика, смотрящими куда-то вдаль.

Прежде всего, следователь учтиво извинился за обстановку, в которой им приходится беседовать.

На столе лежала толстая кипа бумаг: протоколы всех допросов, которым священник подвергался за долгие годы мытарства по тюрьмам и концлагерям.

Затем, начался необычайный допрос.

С карандашом в руке худощавый офицер листал протоколы и внимательно расспрашивал заключённого обо всех следователях, которые допрашивали его раньше: как они вели себя во время следствия, били ли они его, пытали, ругали, унижали физически или духовно, как именно?

Вдруг, он поднял карандаш, записал на листке бумаги одного из следователей и тихо произнёс:

— В этом человеке сидит дьявол. Вы со мной согласны, профессор?

Старичок печально потупил глаза и молчал.

— Хорошо. Я понимаю ваше положение, — кивнул офицер. — Пойдёмте дальше.

Он проверил ещё несколько папок, остановился на одной и опять стал подробно расспрашивать о методах допроса данного следователя, входя в самые мельчайшие и, казалось бы, незначительные подробности. Затем, посмотрел на своего собеседника:

— В протоколах — об этом ничего не сказано. Но ведь это было? И, как вы видите, я знаю об этом! Что вы по этому поводу думаете, профессор?

Старичок болезненно поморщился:

— Я не хотел бы вспоминать...

— Тогда я скажу то, что вы не хотите сказать... В этом человеке тоже сидит дьявол. Или, говоря точнее, помесь сатаны и антихриста.

Офицер с глазами фанатика откинулся в кресле.

— Всё это я говорю вам для того, чтобы вы поняли, что именно меня интересует, с какой точки зрения это меня интересует, и чтобы вы помогли мне разобраться в этом.

Старичок растерянно заморгал глазами, в них вспыхнул огонёк изумления, смешанного с недоверием:

— Это слишком необычайно... Я не понимаю, зачем это вам...

Тонкие пальцы офицера постукивали по столу.

— Профессор, долг богослова заключается в том, чтобы толковать слово Божие тем, кто ищет этого. Ведь, именно об этом я вас и прошу: объяснить мне некоторые места Священного писания...

— Да, но об этом говорится только иносказательно...

— Вот почему я и хочу, чтобы вы разъяснили мне, что за этим подразумевается, — спокойно повторил офицер.

Его интересовало библейское толкование Бога и дьявола, все места Библии, где упоминался дьявол и его разногласия с Богом.

Что такое дьявол? Князь мира сего — почему? Князь тьмы — почему? Падший ангел — почему? Нечистый дух — почему?

Бог века сего — почему? Ангел смерти — почему? Лжец и Отец лжи — почему? Он Никто и Ничто — почему? И почему это Ничто ничтожит?

Он учитывал даже такие технические детали, как особенности древних языков, на которых писались книги Завета, где не было многих понятий, привычных для нас сейчас.

К своему глубочайшему недоумению, в худощавом офицере НКВД профессор богословия нашёл примерного ученика, с великолепной предварительной подготовкой, глубокой эрудицией и, главное, искренним желанием вникнуть в суть предмета.

Одно только было плохо: интересы у нового адепта православия казались несколько односторонними. Когда профессор увлекался, говоря о Боге, ученик вежливо прерывал его:

— Простите, профессор. Бог интересует меня только, как антитеза дьявола. Нельзя ли поближе к теме...

Старичок укоризненно тряс седой бородкой, воздевал руки к потолку и мягко поучал:

— Молодой человек, дух дьявольский есть отрицание духа божественного. Не зная, что отрицать, не зная начала, вы не поймёте конца.

— Да, вы правы, — соглашался офицер и слегка позёвывал. — Итак, дух — это вектор мыслящей субстанции. Прошу вас продолжать.

В результате, на книжной полке Максима появилась толстая Библия в чёрном кожаном переплёте и с многочисленными цветными закладками и пометками.

Когда консультации по богословию закончились, профессора не отправили назад в Сибирь, а отпустили на волю. Он понял, что это плата за учёбу от его необычайного ученика.

Покончив с грешниками, Максим принялся за праведников. Он штудировал историю возникновения монашеских орденов, сочинения современников о суде над Жанной д'Арк и Жития святых.

Перед сном же, он зачем-то перечитывал роман Флобера «Саламбо», который он читал в юношестве, историю загадочной жрицы лунной богини Танит.

Вместе с тем, он не менее внимательно пробегал глазами какие-то дешёвые книжонки, даже без указания автора, вроде «Дневника сестры Анжелики», где, якобы, описывались пикантные тайны из жизни за монастырской стеной.

После этого, он возвращался к папским эдиктам, касавшимся охоты на ведьм, и одобрительно бурчал:

— Умный старик, этот товарищ папа... Следовательно, для грешников был выбор — костёр или монастырь... Это довольно либерально...

— Что такое? — вопрошал из-за двери Борис и получал обычный ответ:

— Ты, болван, этого не поймёшь.

Увлечение Житиями святых не помешало Максиму заняться раскопками на монастырских кладбищах.

С останками праведников он проделал ту же серию экспериментов, что и с белыми костями старой аристократии. Получив результаты лабораторных анализов, он сидел за столом и подводил баланс.

Младший брат поднял голову от учебника по биологии и, чтобы развлечься, подсмеивался:

— Эй, звездочёт, а мощи тебе зачем понадобились?

Старший, как и положено чернокнижникам, давал ответ неясный и расплывчатый:

— Гони чёрта в двери, он придет в окно — в образе праведника. Это и у Фрейда есть — сублимация. Вот ты лучше скажи, почему это люди идут в монастырь?

— Значит, так им нравится.

— Но ведь, жизнь в монастыре довольно тяжёлая. Обеты. Посты. Дисциплина. Так вот — зачем люди туда идут?

— Не знаю, — сказал Борис. — А ты знаешь?

Уполномоченный по делам нечистой силы медлил, подбирая слова:

— Это их совесть говорит. Высшая совесть. Подвижничество настоящих праведников заключается в том, что они преодолели грешную плоть, устояли перед дьяволом с его искушениями и смирились перед Богом. И это — большой подвиг.

Он говорил так серьёзно, что Борис едва удержался от смеха.

— Ну, а тебя дьявол искушал?

— Нет. Дьявол искушает только грешную плоть.

— Но ведь, мы все — грешники.

— Э-э-э, нет... Некоторые вещи нужно понимать не в переносном смысле слова, а в совершенно прямом смысле, как это понималось раньше. В этом-то и весь секрет.

— Как так?

— Всё дело в том, что во времена крещения Руси, в десятом веке, русское слово «грех» произошло от слова «грек».

— А при чём здесь греки?

— Потому что, во времена распада Эллады они были язычниками. Понял?

— Ничего не понял, — признался младший.

Тогда старший криво усмехнулся:

— А слово «язычник» знаешь откуда произошло?

— Откуда?

— От слова «язык» — «лингус», — тут он сослался на Фрейда и пробормотал ещё какое-то слово, которое обычно употребляется в пикантных французских анекдотах.

Это один из грехов, которыми занимались греки. Потому, от Древней Греции и осталось одно воспоминание.

За туманными речами и намёками Максима, проскальзывало что-то совершенно определённое, что он знал, но до конца никогда не договаривал.

Это было тем более странно, поскольку, вообще, он очень любил похвастать своими знаниями.

Если он молчал, значит, у него была серьёзная причина хранить эту тайну. Однажды, когда ему слишком уж надоели иронические реплики Бориса, он неохотно сказал:

— Ты про Троянскую войну слышал? Так вот, археологи уже давно разыскивали остатки Трои и никак не могли найти.

Тогда одному археологу-любителю пришла в голову простая мысль: для раскопок воспользоваться описаниями Троянской войны в «Илиаде» у Гомера. И что же? Так он нашёл остатки сожжённой Трои!

В Библии упоминаются некоторые города, от которых теперь не осталось и следа. Пользуясь Библией, стали копать в голой пустыне — и нашли эти города.

Он устало потянулся, как археолог после раскопок.

— Так вот и я нашёл в старых книгах некоторые забытые истины.

Вместо Трои, Максим вскоре снарядил вторую научную экспедицию — в республику немцев Поволжья, в немецкие колонии вокруг Одессы, существующие со времен Екатерины II, и, наконец, в какие-то дикие аулы, затерявшиеся в горах Кавказа. Что искал он там, по следам Прометея, неизвестно.

На этом следователь по делам нечистой силы поставил точку. После загадочной научно-исследовательской работы он защитил свою диссертацию.

Когда Борис, частью из вежливости, частью из любопытства, выразил желание пойти послушать эту процедуру, Максим отрицательно покачал головой:

— Нельзя. Это спец-проект, и защита закрытая.

Для кандидатской диссертации обычно полагается триста страниц. Вместо этого Максим представил три толстых тома, где одна библиография источников занимала более пятидесяти страниц.

И, вместо кандидата наук, в порядке редкого исключения, что делается, только в случае каких-либо необычайных заслуг, — сразу получил высшую учёную степень доктора социальных наук и философии.

Для больших открытий, как правило, необходимы два условия.

Первое — чрезвычайная, сверхчеловеческая концентрация на данном предмете. И второе — способность найти за частностями закономерность и сделать из этого практический вывод.

Смерть любимого человека так подействовала на Максима, дала ему такой толчок, так сконцентрировала его на какой-то, только ему одному известной цели, что, ради этого, он забыл обо всём остальном на свете.

В поисках ответа, он перебрал все частности, перерыл всю сокровищницу человеческой мысли от Библии и до Фрейда, всю историю человеческой цивилизации от первобытных тунгусов с их шаманами до бренных останков утончённой аристократии — и он нашёл какую-то закономерность. Причём, что-то важное. Иначе ему не дали бы так сразу диплом доктора.

Мельком Максим заметил, что его работой заинтересовался сам Сталин.

Какой практический вывод сделал для советской власти доктор социологии Руднев из своего увлечения средневековой алхимией: научился он делать золото из свинца?

Нашёл философский камень мудрецов? Или открыл секрет материализации духов?

Ведь, в газетах как-то писали, что и Адольф Гитлер тоже субсидировал подобные странные начинания, где учёные занимались телепатией, спиритизмом и парапсихологией.

— Макс, что ты изобрёл? — спросил Борис.

— Формулу дьявола, — ответил тот и даже не улыбнулся.

Так или иначе, с этого момента доктор Руднев стал делать головокружительную карьеру, о которой он раньше и мечтать не мог.

Вместе с докторским дипломом он получил чин полковника НКВД. Вскоре у него на груди появился первый орден, и ни какой-

нибудь так себе, а сразу орден Ленина — высшая награда Советского Союза.

В «Правде» стояло коротко: «...за выполнение специальных заданий партии и правительства».

Теперь Максим шагал вверх семимильными шагами. Но поразительнее всего было то, что ко всем этим почестям он относился с абсолютным безразличием.

В качестве профессора социологии, Максим руководил каким-то чрезвычайно засекреченным Научно-исследовательским институтом НКВД, где у всех научных сотрудников из-под белых халатов, как хвост у чёрта, выглядывали малиновые петлицы НКВД.

Одновременно Максим был начальником какого-то оперативного отдела НКВД, где теоретическая работа его института находила своё практическое применение.

— Что это у тебя за отдел? — полюбопытствовал Борис.

— Тринадцатый, — ответил Максим.

— Это по каким делам?

— По делам нечистой силы. Потому он и тринадцатый.

— Э-э, врёшь ты всё.

Максим вынул из стола служебный бланк. Там действительно стояло: «13-й отдел Главного управления НКВД СССР».

Борис пренебрежительно махнул рукой и пошёл заниматься своими делами. Всё равно от Максима ничего путного не добьёшься.

Потом... Потом доктор, профессор и полковник НКВД, вдруг, запил горькую. Хотя, раньше он никогда не злоупотреблял алкоголем, теперь он пил, как самый последний алкоголик, — в одиночку.

Он запирался у себя в комнате, напивался до одурения, затем начинал разговаривать сам с собой. Или, может быть, он беседовал с привидениями, про которых он начитался в своих средневековых трактатах о нечистой силе?

Занявшись алхимией, Максим попутно коллекционировал соответствующие этому ремеслу предметы.

Так он приобрёл где-то оригинальный кубок немецкой работы тех времен, когда в Германии охотились за ведьмами, из тонкого, раскрашенного от руки матового фарфора.

Это была мастерская имитация человеческого черепа. Немецкий мастер так постарался и достиг такого сходства с оригиналом, что это произведение искусства было даже неприятно брать в руки.

Максим же, сидел и пил из этого кубка водку.

Как-то, проходя в свою комнату, Борис укоризненно сказал:

— Макс, зачем ты пьёшь?

— Зачем? — Полковник медленно поднял голову и посмотрел на брата мутными глазами. — Так, поговорить надо...

— С кем?

— С тем, чего не могут вернуть даже боги... С собственным прошлым... которому я обязан своим настоящим...

— Зачем тебе это?

— Зачем?.. Душу облегчить... Впрочем, ты, безбожник, в этом ничего не понимаешь...

— Пойдём лучше в воскресенье рыбу ловить, — предложил безбожник.

— Воскресение... Это реинкарнация души... Перевоплощение души страданием, как говорил Достоевский.

В углах рта Максима скользнула нехорошая усмешка.

— Нет, теперь я другую рыбку вылавливаю...

— Что, людей мордуешь? Эх, ты...

В голосе младшего звучала неприязнь. Старший нахмурился:

— Ничего ты не понимаешь... И не поймёшь...

— И так всё ясно. Потому ты и запил.

— Это только кажется, что это люди... А на самом деле, это не люди...

— А кто же это?

— Ты, Бобка, меня лучше не спрашивай. — Полковник поморщился, как от тошноты. — А если я тебе даже и скажу... так ты этому не верь... и, смотри, никому это не рассказывай...

— Да ты, всё равно, ничего умного и не скажешь, — согласился младший.

Старший качался на стуле и бормотал себе под нос:

— Да-с, правильно... Ты, Бобка, счастливое животное, млекопитающееся, гомо-сапиенс... мезоморфического типа... А ведь, собственно говоря, хотя ты ничего не понимаешь... ведь, это тебя нужно благодарить.

— За что?

— За это! — Максим ткнул себя пальцем в грудь, где у него поблескивал орден Ленина. — Да, за это самое... Вот видишь, я тебе говорю, а ты ничего не понимаешь...

Он тяжело опёрся локтями о стол и отхлебнул водки из своего мерзопакостного кубка.

— Ладно, так и быть, открою тебе тайну... Хочешь?

— Ты лучше меньше пей, а то нос красный будет.

— Я тебе серьёзно говорю... А ты, дурак, смеешься... Это — больша-ая тайна... Госуда-арственная тайна... — Полковник понизил голос, словно опасаясь, что кто-нибудь подслушает его тайну: — Так слушай... Вот ты, безбожник, думаешь, что чертей нет... А я вот тебе скажу, что черти есть!

— Так все пьяницы говорят. Когда перепьются до чёртиков.

— Болван, — беззлобно сказал полковник госбезопасности. — Черти есть... И оборотни есть, и лешие... А ведьмы и ведьмаки, так на каждом шагу... Ведь, я каждый день с ними дело имею...

— Понятно, если ты каждый день пьёшь, — скептически заметил младший.

— Не веришь? — Старший, пошатываясь, встал, взял с полки какую-то толстую книжку, утыканную разноцветными закладками, по этим закладкам нашёл нужное место и стал медленно и торжественно читать:

«... ведьмы и ведьмаки — это порождение зла, социальная зараза и паразиты, поклонники отвратных и непристойных убеждений, приверженцы яда, шантажа и других ползучих преступлений...

Ведьмы и ведьмаки поднимают ссоры, ревность, споры, сердечные разногласия...

Их пагубная деятельность простирается от семейных неприятностей и столкновений, в отдельности, может быть, и незначительных, но в целом, чрезвычайно неприятных и мучительных, до самых серьёзных преступлений... — гибели имущества, внезапной болезни и гложущей смерти и, наконец...» — Здесь полковник НКВД, специализировавшийся на нечистой силе, многозначительно поднял палец: — Обрати внимание...

«и, наконец, до столкновения наций, анархии и красной революции, поскольку, ведовство всегда было и будет политическим фактором...

В результате, ведьмы и ведьмаки являются постоянной опасностью для всякого упорядоченного общества». Знаешь, кто это сказал?

— Кто?

— Это сказал сам папа Иннокентий Восьмой! — с глубоким уважением произнёс советский доктор социологии, как ученик, говорящий о своем наставнике. — Это написано в его знаменитой булле от 1484 года! И я подпишусь под каждым его словом!

— Мало ли какие глупости пишут, — возразил Борис. — Бумага всё терпит.

— Нет, это вовсе не глупости. — Максим любовно погладил рукой переплёт книги. — Это «История ведовства и демонологии» Монтегю Саммерса... Из сугубо научной серии «История цивилизации»...

Саммерс — учёный теолог, а книга эта издана в Лондоне в 1926 году... Так что, это — вещь серьёзная и современная... Надо только понимать, что за этим подразумевается...

— Эх, ты, мракобес, — сказал Борис. — И за что только тебе доктора дали.

— Вот за это самое... Но, с точки зрения диалектического материализма...

— Значит, квалификационная комиссия тоже пьяная была?

— Никакой комиссии не было, — ученик папы Иннокентия Восьмого поставил книгу на место. — Мне доктора дал собственноручно сам Сталин!

— Врёшь ты, — сказал младший.

Старший сделал большой глоток из своего отвратительного кубка-черепа, мотнул головой. Навалившись грудью на стол, он тупо уставился в кубок, словно рассматривая что-то на дне человеческого черепа.

— Всё очень просто... Я разб-бил свою диссертацию на несколько назависимых частей — по истории, по антроп-пологии, по псих-хологии и ещё некоторым специальным предметам...

Каждая часть была аннотирована лучшими специалистами Советского Союза в данной области... Каждая часть в отдельности, сама по себе, ничего особенного не говорит...

Но, когда сложить все части вместе, то получается то, что говорил папа Иннокентий, — нечистая сила, как политический фактор... Всё апробировано и подписано академиками, но как это сложить — это знаю только я... Да ещё, товарищ сатана...

— Ну и что толку, что ты знаешь?

— Как — что? Эти черти — есть социальная зараза, пар-разиты... Опасность для всякого упорядоченного общества... А раз так, то это уже по линии НКВД...

Полковник государственной безопасности оживился и заёрзал на стуле так, будто он сидел верхом на сатане.

— Я Сталину говорю: «Смотрите, Иосиф Виссарионович, это источник анархии и рев-волюции...» Он не верит.

Тогда я беру мои материалы, складываю как нужно — и, на основании документальных фактов, подтверждённых академиками, доказываю, как эта нечистая сила сначала способствовала анархии в царское время, а потом участвовала в

Октябрьской социалистической революции... Всё в точности, с именами, с фамилиями...

— И с адресами? — насмешливо вставил Борис.

— Конечно, — увлёкшись, продолжал ученик папы Иннокентия. — Сталин сначала обозлился, а я ему говорю: «Минуточку, Иосиф Виссарионович... Всё дело в одном слове...

Это опасность для вся-ко-го упорядоченного общества... Понимаете, вся-ко-го! Так что если вы счи-таете советскую власть уп-порядоченным обществом, то теперь эта же самая нечистая сила будет заниматься революцией против вас, то есть, контрреволюцией...» И вот тут-то, он призадумался...

Максим приложился к своему сосуду с водкой и икнул.

— После этого, Сталин назначил меня... ик-ка... особоуполномоченным по делам нечистой силы... ик-к... в составе Народного комиссариата внутренних дел... ик-и... по всему Союзу Советских Социалистических Республик... Понял?

Сидя верхом на стуле, он погрозил пальцем:

— Только ты, Бобка, смотри... Никому это не говори... Это — государственная тайна... А теперь знаешь что?.. Я что-то со стула встать не могу... Положи-ка меня в постель и сними сапоги...

— И не подумаю.

— Поч-чему?

— Раз ты напился до чёртиков, так пусть они тебе и сапоги снимают.

Про себя Борис решил, что брат, всё-таки, помешался. Однако, умопомешательство Максима, казалось, помогало его карьере.

Вскоре он получил звание комиссара госбезопасности 3 ранга, что соответствовало чину генерал-майора НКВД.

Глава 4. Князь и комиссар

Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть,

что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

Лука. 10:24

Вскоре, после того как доктор социальных наук Максим Руднев стал особо уполномоченным Сталина по делам нечистой силы, в Ленинграде произошло убийство Кирова, второго, после Сталина, человека в партии. Убил его молодой коммунист Николаев.

Было холодное зимнее утро. По радио беспрерывно передавали траурные марши Шопена. Максим сидел за своим столом, вместо утреннего чая пил водку, листал личное дело Николаева и бормотал:

— Ага-а, у него лошадиная стопа... Как у Байрона... Знаем мы эти байроновские типы... Герои нашего времени... Тамерлан, Талейран, вождь меньшевиков Мартов, Роза Люксембург, батька Махно, Геббельс... Все эти хромоножки и хромые учителя у Достоевского...

Борис сидел в соседней комнате и учил историю партии, потом приоткрыл дверь и спросил:

— Эй, ты, чернокнижник, что там такое?

— Что... что... — бормотал Максим. — Кроме того, у него эпилепсия... И жена у него гораздо старше его... Но даже и она его бросила... Типичный легионер!

Стол у Максима был старенький и простенький. Но теперь на этом облезлом столе стояло три телефона: белый для простых разговоров, красный — прямой провод в Кремль и чёрный — специальный провод в 13-й отдел НКВД.

— Та-ак, дело ясное. — Он потянулся к чёрному телефону. — Потому и говорят — хромой чёр-р-рт... Или косой чёрт...

Прихлебывая водку, доктор социальных наук стал диктовать в трубку приказ о взятии на спец учет 13-го отдела НКВД всех хромых и косых в Советском Союзе. В первую очередь тех, кто члены компартии. Но только хромых и косых от рождения.

Убийство Кирова послужило, как бы, сигналом, после которого началась Великая Чистка.

Сначала со стен исчезали портреты знаменитых людей — героев революции, старых большевиков, вчерашних руководителей партии и правительства.

Потом их имена появлялись в газетах, в качестве врагов народа, предателей, вредителей и иностранных шпионов. Затем, бывших героев отправляли на конвейер смерти в подвалах НКВД.

Комиссар госбезопасности Руднев стал на стахановскую вахту: он работал в две смены, по шестнадцати часов в сутки, и часто оставался ночевать на службе.

А если приходил домой, то от него всегда несло водкой. За ужином он сидел молча, не глядя по сторонам.

Просматривая «Известия» с отчётом об очередном процессе врагов народа, отец Руднев недовольно ворчал:

— Это чёрт знает что...

— Да, чёрт знает своё дело, — кивнул комиссар госбезопасности, не поднимая глаз от тарелки. — Есть такая старая сказка: чёрт обещает власть и славу, но нужно подписать с ним контрактик... Так вот, теперь чёрт требует уплаты по векселям... А я подвожу бухгалтерию.

— Но ведь, эти революционеры боролись за лучшее будущее, — сказал отец.

— История уже много раз показала, что тот рай, который обещают революционеры, — это потерянный рай, — сказал комиссар. — А красивыми обещаниями выложена дорога в ад. И первыми туда попадают сами революционеры.

— Но ведь, процессы-то эти дутые!

— Как сказать... Ведь, это они затеяли братоубийственную гражданскую войну... Ведь, это они напустили на Россию разруху, голод и мор... А знаешь ли ты, что это стоило России больше человеческих жизней, чем вся мировая война?.. Ну вот, теперь пришло время за всё это расплачиваться.

Тем временем, чистка принимала всё более фантастические формы.

На показательном процессе, в присутствии международной прессы, кремлёвские врачи, во главе с доктором Левиным, публично и со всеми подробностями признавались, как они потихоньку отравляли своих кремлёвских пациентов.

Подбивал их на это верховный охранник Кремля — сам начальник НКВД Ягода. И идеологическое руководство отравлениями принадлежало тихоням-идеалистам из ленинской гвардии, прославленным свободолюбам и человеколюбам.

Прямо из зала суда бывших героев революции отправляли на живодёрню НКВД. Казалось, что над Москвой потело какое-то кровавое безумие.

Вечером отец недоверчиво читал вслух газету:

— «Отравления производились при помощи распыления через пульверизатор медленно действующих ядов, преимущественно солей ртути. Ими опрыскивали ковры, занавеси, мягкую мебель.

Через лёгкие, эти яды попадали в кровь и постепенно разрушали организм жертвы в самом слабом месте, вызывая смерть, как будто, от естественных причин...»

Комиссар госбезопасности хлебал суп и бормотал в тарелку:

— Я Сталину открыл книжечку и показываю: «Видите, те же методы, что и в шестнадцатом веке. Ренссса-а-анс-с!» Он поболтал ложкой в супе и протянул руку к солонке:

— Между прочим, вот этой самой рукой я пристрелил сегодня цареубийцу Белобородова...

— Послушай, Максим, — сказал отец, — но, неужели же, ближайшие сотрудники Ленина были иностранными шпионами? Ведь, этому нельзя поверить!

— Что уж тут такого особенного? — угрюмо уставился в тарелку Максим. — Ведь, сам Ленин был немецким шпионом. Ведь, немцы прислали его в Россию в запломбированном вагоне. А каков поп, таков и приход.

Отец читал заключительные слова государственного обвинителя Вышинского: «Всех этих врагов народа нужно расстрелять, как бешеных собак!»

— Глупая риторика прокурора, — сказал отец.

— Это не риторика, а правда, — буркнул Максим. — Эти люди куда хуже, чем бешеные собаки. Тех сразу видно, а этих не сразу.

— Но, неужели эти заслуженные революционеры, — тихо сказала мать, — одновременно были осведомителями царской охранки?

— Конечно, — кивнул Максим. — При обысках в архивах оппозиции нашли даже доносы в охранку, написанные рукой самого дражайшего товарища Сталина.

Оппозиция хранила это в своём арсенале, как последнее оружие. Но этих воспоминаний молодости я Иосифу Виссарионовичу не показал.

— Боже мой! — вздохнула мать. — Какой ужас.

— Революционеры после революции — это пауки в банке, — сказал доктор социальных наук. — И они будут грызться за власть, пока не перережут друг друга.

Ведь, если почитать архивы охранки, то ясно видно, что в подготовке революции самыми активными были эсеры. А после революции, они первые же попали под расстрел.

А потом, большевики сожрали меньшевиков. А теперь, большевики ликвидируют друг друга. То же самое было с якобинцами и жирондистами.

А кто привёл к власти Гитлера? Штурмовики. А где эти штурмовики сейчас? Гитлер их всех перестрелял.

В результате, всегда остаётся один большой паук — Наполеон, Гитлер или Сталин. Это — историческая закономерность. И чем это скорее закончится, тем лучше.

Покончив с ужином, Максим налил себе чайный стакан водки, отпил половину и устало откинулся на стуле. Отец свернул газету и вздохнул:

— А я, всё-таки, этим обвинениям не верю.

— Да, правды там только частичка, — криво усмехнулся Максим. — А если я скажу тебе всю правду, то ты поверишь ещё меньше.

В своё время Ленин требовал, чтобы его партия была «партией профессиональных революционеров».

Но весь секрет в том, что настоящие революционеры, профессиональные революционеры — это не простые люди. Это *специальные* люди.

— Какие такие специальные?

— Такие... Это совершенно специфическая категория людей... С такими особыми комплексами...

— Странно. Что ж это за комплексы?

Доктор социальных наук допил свой стакан с водкой и поучительно поднял палец.

— Вот тут-то оно и начинается... Это то самое, что когда-то называли бесами. Если в человеке появляется этот комплекс, то этот человек сам превращается в беса... или в чёрта... и начинает заниматься чёрт знает чем... Понимаешь?

Видя, что Максим перепился и опять начал бредить про нечистую силу, отец осторожно сказал:

— Хм, этому действительно трудно поверить.

— Да, но это так... Когда этих чертей арестовывают, я пропускаю их через строжайшие медицинские экспертизы... ана-а-ализы...

— Какие анализы?

— Всякие... В том числе и внутренней секреции... И почти у всех та же самая история. То самое, что раньше называлось бесовской одержимостью.

А одно из самых опасных проявлений этой одержимости — это неудержимая, болезненная жажда власти. Это — специальный комплекс власти.

То, что создаёт, так называемых, прирождённых вождей. Потому, одержимые этим комплексом люди, ради власти, идут на всё... на любое преступление.

Советский доктор Фауст щёлкнул по бутылке с водкой:

— Для настоящих, прирождённых революционеров, революция — это борьба за власть. А всё остальное — только средство к цели.

И никто не ненавидит друг друга так, как эти комплексные бесы, грызущиеся за власть или видимость власти.

Ведь, Ленин занимался фракционной борьбой больше, чем борьбой с царизмом.

Потому эти черти и стучали друг на друга в охранку. И наперебой сотрудничали с иностранными разведками.

Максим постучал кулаком по столу.

— Потому в Библии и сказано, что их хозяин — дьявол, всегда стремится к власти.

На следующий вечер, читая новые покаянные речи врагов народа, отец опять качал головой и ворчал:

— Но ведь, это ж старые большевики. Прошли все царские тюрьмы и ссылки и никогда не раскаивались. А теперь такие невероятные самообвинения?!

— Говорят, им делают какие-то одуряющие впрыскивания, — заметила мать.

— Не одуряющие, а, наоборот, проясняющие, — возразил комиссар госбезопасности. — Я вспрыскиваю им такие штучки, которые изгоняют то, что раньше называлось бесами.

Тогда они временно становятся обычными людьми, осознают свои грехи — и признаются. А для публичных процессов я впрыскиваю им штучки посильней. Тогда их даже тянет к покаянию — и они занимаются самобичеванием.

Доктор социальных наук потянулся к своему стакану с водкой:

— Впрочем, всё это полностью соответствует основному закону диалектического материализма — насчёт единства и борьбы противоположностей, как двигателей исторического процесса. Борька, ты этот закон знаешь?

— Знаю.

— Но ведь, это абсолютно противоречит закону о классовой борьбе, как основном двигателе истории. Где же в классовой борьбе единство?

— Не знаю.

— Вот в том-то и дело. Это противоречие не объяснит ни один профессор марксизма-ленинизма. А если объяснит, его расстреляют.

— Почему? — спросил отец.

— Да потому, что это марксистское единство и борьба противоположностей... Ха-а!.. Да ведь, Маркс просто перефразировал старую формулу средневековых чёртопоклонников... Но, меня не проведёшь... Я-то всё это знаю.

— Что же это за формула? — заинтересовался Борис.

— In daemone deus, — процедил сквозь зубы комиссар госбезопасности. — ***В дьяволе бог...*** Вот вам и весь секрет этого единства и борьбы противоположностей.

— Да, но что это такое?

— Это философская загадка, философский камень, о который ломали себе голову лучшие умы человечества. Некоторые даже свихнулись. Потому что эта загадка — неразрешимая.

— Ну, а ты эту загадку разгадал? — подмигнул Борис.

— Конечно, — уверенно сказал ученик папы Иннокентия. — Бог есть Бог, а дьявол есть дьявол!

— Послушай, Максим. — Отец снял пенсне и со смущённым видом принялся протирать его носовым платком. — Вот, ты сам говоришь, что кое-кто свихнулся над этими проблемами.

А ты знаешь, что есть ещё такое, религиозное помешательство?.. Может быть, на тебя слишком подействовали эти твои книги про нечистую силу?..

Доктор социальных наук презрительно фыркнул:

— Если к кому применима поговорка «Врачу — исцелился сам!», то, в первую очередь, это относится к психиатрам. Ведь, многие психиатры становятся психиатрами, чтобы быть поближе к собственной среде. Но мы это тоже знаем.

Отец сделал вид, что полирует своё пенсне. А Максим самоуверенно усмехался:

— Ты лучше пошли этого психиатра ко мне. Я скорей найду у него что-нибудь такое, ненормальное.

Пока старший брат был на службе, Борис обнаружил на его столе книгу Макиавелли «Князь», на которую обычно ссылаются, как на образец политического цинизма.

Эта книга была написана в Италии времён Цезаря Борджиа, когда там шла ожесточённая борьба между удельными князьями, которые пускали в ход всё — убийства, отравления, предательство и подлоги.

А Макиавелли полностью оправдывал все преступления князей и составил, как бы, философскую рецептуру политического вероломства и беспринципности, всех видов подлости и коварства.

Книга, лежавшая на столе Максима, была выпущена в Москве незадолго до убийства Кирова. Прекрасное издание «Академии». Старинные гравюры. И даже новый перевод.

Но самое удивительное было то, что предисловие к «Князю» было написано Каменевым. Это был культурный и мягкий человек, типичный тихоня-идеалист из ленинской гвардии.

Но в предисловии он восхищался философией Макиавелли и всячески рекомендовал её, как практическое руководство к политике.

Вскоре Каменев был арестован по делу «Троцкистско-зиновьевского террористического центра» и сам попал под ту рецептуру, которую он так усердно расхваливал. Вслед за этим, был арестован и «Князь» Макиавелли — его запретили и изъяли из обращения.

На заглавном листе рукой Максима была приписка: «Характерно, что философия Макиавелли подразделяется на 13 принципов. Это, конечно, не случайно, а нарочно. Проверить его «Мандрагору». Растёт под виселицами».

Когда Борис поступил в индустриальный институт, на форме работников госбезопасности появилась новая эмблема НКВД: змея, поднявшаяся на хвост и пронзенная мечом. Увидев на рукаве Максима эту овальную, шитую золотом и серебром эмблему, Борис спросил:

— А что это за змеюка?

— Это гидра р-революции, — ответил Максим.

Поймав недоверчивый взгляд младшего брата, он полез в стол и достал пачку фотографий, подшитых в специальную папку НКВД.

Это была обширная коллекция значков, гербов, флажков и символов всяких революционных террористических и тайных обществ, начиная от египетских пирамид и кончая Великой Октябрьской революцией.

На многих фотографиях была изображена точно такая же поднявшаяся на хвост змейка, которую пронзил меч на рукаве комиссара госбезопасности.

— Что же это значит? — спросил студент.

— Это значит, что змея меняет кожу, но сама от этого не меняется, — устало потянулся Максим. — Я эту эмблему нарочно придумал... Чтобы они знали, что я их тоже знаю.

— Кто это — они?

— Те самые, — ответил комиссар, — кого раньше называли бесами, чертями и ведьмаками.

— Хорошо, — сказал Борис. — Значит, вы расстреливаете революционеров и брешете, что они контрреволюционеры.

— Дело в том, — ухмыльнулся доктор социальных наук, — что, согласно диалектическому закону о единстве противоположностей, — революционеры и контрреволюционеры — это одно и то же.

— Как же так?

— Очень просто. Настоящие революционеры — это перманентные революционеры. После революции они продолжают беситься, но, на этот раз, уже против нового революционного режима, и, таким образом, становятся контрреволюционерами.

Потому, после революции, согласно второй части марксистской диалектики — насчёт борьбы противоположностей — всех революционеров нужно сразу же перестрелять, как бешеных собак! Понял?

— А сколько ты сегодня водки выхлестал? — спросил младший.

— Ну вот, — обиженно бормотал старший. — Я растолковываю ему сущность марксизма, а он не понимает... Мне сам Сталин верит... А этот дурак не верит.

Постепенно кровавый разгул НКВД охватил всю страну. Хватали всех, но больше всего хватали партийцев.

Ежовые рукавицы нового наркома НКВД Ежова подметали почти подряд всех руководителей партийных и советских органов в областях, городах и районах.

Назначат новых начальников. А потом, глядишь, уже и этих, новых, арестовали. Казалось, что советская власть не то кусает себя за хвост, не то меняет кожу.

Вместе с врагами народа, нередко арестовывали и членов их семей. Чем выше к власти стоял арестованный, тем чаще вместе с ним исчезали его жена и дети. Жён ссылали, а детей отправляли в специальные детдома.

Отец Руднева был на редкость добрым человеком. По вечерам он любил долго пить чай и читать газету.

В открытое окно на свет летели мухи, и падали ему в чай. Отец вылавливал муху ложечкой, выносил на балкон и делал мухе искусственное дыхание: дул на нее до тех пор, пока она не улетала.

Это был действительно человек, который мухи не обидит. Теперь же, читая газеты с описаниями кровавых подвигов НКВД, он старался не смотреть на Максима, сидевшего напротив него в генеральской форме НКВД.

— А в чем виноваты жёны арестованных? — бормотал отец в седые усы. — Или маленькие дети?

Комиссар госбезопасности посмотрел на отца красными от бессонницы и водки глазами:

— Послушай, ты вот доктор-гинеколог, а я — доктор социологии... Скажи, неужели ты, гинеколог, не знаешь, что эти... так сказать, черти могут жениться только на этих... так сказать, чертовках?

Он поморгал белесыми ресницами.

— Неужели ты, гинеколог, не знаешь, что вместо детей у них рождаются эти... так сказать, чертенята?

Отец сидел и делал вид, что не слышит его слов.

— Потому, в своё время, инквизиция и жгла эту нечисть целыми семьями, — сказал Максим. — Ну вот, и сейчас та же история...

Доктор гинекологии недовольно хмурился, а доктор социологии доказывал:

— Вот, например, старший брат Ленина, Александр, был повешен за покушение на Александра Третьего. Если бы тогда своевременно почистили всю эту семейку, то не было бы потом и Ленина.

Кстати, в этом же самом заговоре участвовал и некий Бронислав Пилсудский. Если бы тогда почистили всю семью этого Бронислава, то... в общем, не было бы маршалека Иосифа Пилсудского, который был младшим братом этого Бронислава.

А поскольку этого не сделали, то во время русско-японской войны этот Иосиф стал вождем польских социалистов, попрошайничал деньги у японцев, занимался бандитизмом и, в конце концов, стал диктатором Польши.

Сначала он гадил царю, а потом и Ленину, и Сталину. Потому мы теперь стараемся не повторять ошибок царского правительства.

У нас подход сугубо научный. Социальные болезни нужно не только лечить, но и предупреждать их. В превентивном порядке.

Вскоре прокатилась волна арестов среди руководителей животноводческих совхозов, зоотехников и ветеринаров. Их обвиняли в организации массового падежа скота.

— Эй, ты, чернокнижник, — сказал Борис. — Неужели ветеринары травили коров?!

Вместо ответа Максим достал с полки книжку и ткнул пальцем:

— Читай!

«Многие особы... предались дьяволам... и путём колдовства, — читал Борис, — путём отвратительных деяний и ужасных преступлений, убивали... вьючных животных, стадных животных, а также других животных...»

— Откуда это?

— Это булла папы Иннокентия Восьмого.

Дальше стояло: «Эти негодники причиняют страдания и мучают... животных ужасными и достойными сожаления муками и скорбными болезнями, как внутренними, так и внешними».

— Видишь, — сказал комиссар. — Нужно только знать историю.

Недалеко от их дома был парк ДКА. А в этом парке был старичок-сторож и ослица, на которой он возил дрова и опавшие листья.

Теперь арестовали и этого сторожа. Говорили, что он с этой ослицей немножко блудничал. Ну, ему и пришили подрыв социалистической экономики.

Официально в НКВД числилось двенадцать отделов. Перепившись, Максим хвастался, что его 13-й отдел настолько засекречен, что о нём не должны знать даже работники остальных двенадцати отделов.

Решение о чистке было принято на заседании Политбюро 13 мая 1935 года. Но Максим уверял, что все планы чистки были подготовлены его Научно-исследовательским институтом, а общее руководство возложено на его 13-й отдел НКВД.

— Уж слишком многих вы хватаете, — укоризненно говорил отец.

— Это сложная социальная операция, — оправдывался доктор социальных наук. — Как гангрена. Или рак. Приходится вырезать по живому мясу.

— Боже, — вздыхала мать. — Какой ужас!

Видя, что отец и мать против него и что их не переубедишь, Максим больше всего откровенничал с младшим братом. Потому, чем дальше развивалась чистка, тем больше Борис убеждался, что Максим явно помешался.

Когда, после революции, составляли новый Уголовный кодекс СССР, то все политические преступления подвели под 58-ю статью этого кодекса. Таким образом, все жертвы чистки, все враги народа теперь попадали под эту 58-ю статью.

А Максим, помешавшись на своей средневековой кабалистике, говорил:

— Бобка, а ты знаешь, что означает 58-я статья?

— Что?

— А вот сложи пять плюс восемь... Сколько это будет?

— Пfive плюс восемь... Тринадцать.

— Ну вот видишь... Тринадцать! Это не случайно, а нарочно — символика. Те, кто составляли этот кодекс, знали, что почти все политические преступления идут от этого корня.

— Какого корня?

— От луны.

Конечно, такую вещь может сказать только сумасшедший. Но уполномоченный Сталина по делам нечистой силы спокойно доказывал своё:

— Смотри, Бобка... Ведь, в нашем теперешнем календаре двенадцать месяцев взяли искусственно, просто, ради удобства.

А раньше существовал, как бы, естественный лунный календарь — из тринадцати месяцев. Так как в году тринадцать новолуний. Примитивные народы так и говорили: не пять месяцев, а пять лун. Да и русское слово «месяц» по календарю одновременно означает месяц — луна.

— А при чём здесь 58-я статья?

— А ты, дурак, слушай и не перебивай... Сначала люди поклонялись солнцу. Как животворящему началу. Как символу жизни.

А потом, — тут советский доктор Фауст поднял палец, — а потом некоторые люди пошли в оппозицию и стали поклоняться луне. Как началу неживотворящему, холодному, мёртвому.

Борис согнулся над учебником по политэкономии и сказал:

— Ну и пусть себе поклоняются.

— Да, но дело не так просто, — сказал комиссар госбезопасности. — Луна была для них символом не жизни, а смерти. И у них были особые причины интересоваться не жизнью, а смертью.

А поскольку в году тринадцать лун, то они стали собираться в кружки из тринадцати человек. Отсюда и пошла вся эта символика про чёртову дюжину.

— Ну и чёрт с ней! — сказал Борис.

— Э-э, не-е-ет, — покачал головой начальник 13-го отдела НКВД, — это не просто люди, это специальные люди...

Это те самые, кого в средние века жгли, как ведьм и колдунов... И это те же самые, которых теперь ликвидируют, как врагов парода.

Ведь, это я посоветовал Сталину этот термин — враг народа. А ты думаешь, я этот термин с полки взял? Не-еет...

Максим полез в кучу какой-то библейской литературы и стал показывать. Там часто встречались отчёркнутые красным карандашом слова: «враги рода человеческого».

— Видишь! — сказал комиссар. — Вот откуда эти враги народа. Ничто не ново под луной. Нужно только знать историю.

Потом доктор социальных наук опять принялся бредить, что самым главным врагом рода человеческого является сам сатана, что он виновник почти всех зол и бед рода человеческого, начиная от простейших разводов мужа с женой и кончая кровавыми войнами и революциями.

— А где же он обитает, этот сатана? — спросил Борис.

— Вот тут! — Максим похлопал себя по лбу. — И тут. — Он похлопал себя ещё по другому месту. По такому, что и говорить неудобно.

Потом он тяжело вздохнул:

— Это величина сугубо философская. Но если знать этот секрет, то можно разгадать все тайны человеческой души. Можно читать прошлое и будущее.

Когда-то Борис слышал, что есть какая-то связь между гениальностью и безумием. Теперь он смотрел на Максима и думал: гений он или сумасшедший?

Весной от родителей Ольги пришло из Березовки письмо, где они с прискорбием сообщали, что маленькая дочурка Максима заболела воспалением лёгких и умерла. Узнав печальную новость, мать заплакала:

— Боже мой, ведь такой хороший ребёнок был, такой здоровенький.

Максим хмурился и молчал.

— Ты на похороны поедешь? — спросила мать.

— Нет.

— Неужели тебе не жалко твоего собственного ребенка?!

— Конечно, жалко, — горько сказал Максим. — Но, так лучше...

— Что — лучше?

— То, что она умерла ребёнком.

— Максим, как тебе не стыдно! — воскликнула мать.

— Уже при рождении она была обречена на смерть, — тяжело вздохнул комиссар и закрыл рукой глаза. — Так лучше для неё и для всех...

Несколько минут он сидел молча. Потом, не поднимая головы, глухо спросил:

— Мать, когда я родился... вы меня крестили?

— Конечно, — ответила мать.

— А я её не крестил... Я дам тебе мою машину... Поезжай в Берёзовку... Покрести её хоть после смерти... — Сквозь пальцы комиссара на стол упала тяжелая мужская слеза. — Закажи панихиду... Сделай всё, чтобы спасти хоть её душу...

Глава 5. Где ничто ничтожит

Когда говорит он ложь, говорит своё,

ибо он лжец и отец лжи.

Иоанн 8:44

Когда Максим только ещё начинал свою карьеру в НКВД, он частенько хвалился, что работает вместе со знаменитой чекисткой Зинаидой Генриховной Орбели.

Прославилась она тем, что, будучи из старого дворянского рода, не то княжна, не то полукняжна, в возрасте 17 лет она сбежала из Смольного института благородных девиц и пошла работать в ЧК, где собственноручно занималась расстрелами.

Да так, что про неё распевали песню:

Эх, яблочко, куды котишься?
В лапы к Зинке попадёшь — не воротишься!

Одно время она была начальником губернского ЧК и, в порядке классовой сознательности, расстреляла даже собственных родителей. Причём, собственноручно.

Потом, её жестокости оказались слишком даже для ЧК, и её саму чуть не расстреляли. Но, за неё вступился сам Троцкий, и, ссылаясь на пролетарскую гуманность, это дело как-то замяли.

Наслышавшись про её подвиги, Борис очень удивился, когда встретил Зинаиду Генриховну в первый раз.

Это была очень приятная молодая женщина с красивым лицом и умными глазами, высокая и стройная, с быстрыми и уверенными движениями холёных рук и с энергичной пружинистой походкой.

Даже чувствовалось, что она действительно что-то вроде княжны из института благородных девиц.

Но эта девица была в военной форме, а на малиновых петлицах хищно поблёскивали остренькие ромбы — генерал НКВД.

Потом Борис часто встречал её на новой квартире Максима. Она заботливо помогала Ольге по хозяйству или трогательно нянчилась с ребёнком.

Иногда Ольга возила ребёнка в коляске по Петровскому парку, а рядом прогуливалась Зинаида Генриховна и несла бутылочку с молоком.

Иногда вместе с ними прогуливался и брат Зинаиды Генриховны — чудаковатое существо, которого все называли героем Перекопа.

Говорили, что во время гражданской войны он был командиром кавалерийской дивизии или корпуса и прославился невероятной храбростью.

Но, при взятии Перекопа, его контузило в голову и повредило мозги. С тех пор он жил на особой пенсии Совнаркома и чудил. Другого за такие фокусы давно бы посадили, но ему, как герою Перекопа, всё сходило безнаказанно.

За особые заслуги перед советской властью, ему подарили целый барский особняк, где он жил один в двадцати пяти комнатах.

Правда, в одной из комнат он держал своего старого боевого друга — белую кобылу.

Кроме того, он заставлял всех обращаться к нему не по имени и отчеству, а звать его героем Перекопа, говоря, что это его титул, пожалованный ему советской властью. На другое имя он просто не отзывался.

Когда герой Перекопа вышагивал по улице, его всегда сопровождала стайка любопытных мальчишек в ожидании, что он выкинет какое-нибудь новое антраша.

В своё время, этим занимался и Борис. Зато взрослые, наоборот, недолюбливали героя Перекопа и старались не замечать его.

Если Зинаида Генриховна выглядела очень красивой, то её братец был, зато, на редкость безобразен. Это была точная копия батьки Махно, как его показывали в фильме «Красные дьяволята».

Ростом он был с карлика и потому всегда носил специальные, сделанные на заказ, сапоги с высокими, почти как у женщин, каблуками и лакированными голенищами.

После фронтовых ранений, одна нога была у него короче другой и не сгибалась. Потому, он весь был какой-то перекошенный и сильно хромал.

Лицо у него было такое бледное и бескровное, как у покойника. А на этом белом лице — глаза чёрные и колючие, как гвозди.

Голову героя Перекопа украшала высоченная копна чёрных, как сажа, и жёстких, как проволока, волос, которые спадали ему до плеч, как львиная грива.

Одни говорили, что после контузии, малейшее прикосновение не только к черепу, но даже и к волосам вызывает у него мучительные головные боли. Потому он не стрижётся и даже зимой ходит без шапки.

Другие же уверяли, что герой Перекопа, наоборот, целые дни просиживает в парикмахерской, и что его необычайная шевелюра всегда тщательно расчесана, напомажена и надушена, и что у него даже шестимесячная завивка — перманент.

Потому, некоторые считали, что он отпустил себе такую гриву нарочно, чтобы казаться выше ростом.

Помимо всего прочего, герой Перекопа ещё изобрёл себе свою собственноручную фантастическую военную форму: ярко-красные кавалерийские галифе с кожаной серёдкой и ярко-синяя гимнастёрка с кавказским наборным пояском из чернёного серебра и перекрещенными на груди ремнями.

Слева у него болталась кривая кавказская латка в серебряных ножнах, а справа — огромный маузер в деревянной кобуре и с золотой дощечкой — Почётное золотое оружие Реввоенсовета.

В общем, когда герой Перекопа шёл по улице, то на него было страшно смотреть. Но, после того, как он несколько раз поднимал пальбу из маузера по воробьям и гонялся за мальчишками с обнажённой шашкой, его потихоньку разоружили.

Маузер у него отобрали и оставили только пустую кобуру с золотой дощечкой. А шашку заклепали так, что она не вынималась из ножен.

Когда у героя сдохла его старая боевая подруга — белая кобыла, он устроил ей похороны с военным духовым оркестром, похоронил её у себя в саду и поставил мраморный памятник, на котором были лавровые венки и приспущенные знамёна.

Памятник этот он привёз с какого-то подмосковного кладбища, с могилы какого-то царского генерала.

Потом взамен белой кобылы герой Перекопа купил себе огромный мотоцикл, отвинтил глушители и носился на нём с таким шумом и грохотом, что окрестные старушки только крестились: «О Господи, опять этот чёр-р-рт на своём трандулете катается!»

Мотоцикл у него отбирать не пришлось, так как, вскоре, он разбился в лепёшку вместе с мотоциклом.

Окрестные старушки надеялись, что герой Перекопа, наконец-таки, околеет. Но он выжил.

Выходила его Зинаида Генриховна, которая ухаживала за своим прославленным братцем, как за малым ребёнком, и кормила его с ложечки до тех пор, пока он опять не встал на ноги.

А как только встал, опять принялся чудить ещё пуще прежнего.

Когда началась Великая Чистка, герой Перекопа стал выходить из моды. Сначала у него отобрали дом.

Тогда он переселился в соседнюю гостиницу и привёз туда с собой только две вещи: огромный концертный рояль, на котором он не умел играть, и свой собственный портрет размером во всю стену, верхом на белой кобыле и с шашкой наголо.

Весь день он сидел у рояля, бренчал двумя пальцами что-то никому не понятное и любовался на свой портрет.

Потом герой Перекопа вдруг исчез. Поговаривали, что его посадили за портрет. Нельзя вешать такой большой собственный портрет в стране, где есть более великий человек.

В этом усмотрели оскорбление Сталина. Вместе с героем Перекопа исчезла и его сестра Зинаида Генриховна.

Говорили, что она занималась в НКВД вредительством: расстреливала не тех, кого надо, а наоборот, то есть, по заданию троцкистско-зиновьевского террористического центра.

— Макс, — сказал Борис, — а за что посадили героя Перекопа?

— За дело, — буркнул комиссар госбезопасности.

— Значит, ты сам не знаешь, — поддел младший.

— Я — и не знаю?! — вскипел тот. — Так ведь это ж я его и посадил.

— А за что? — допытывался младший.

И тут Максим рассказал довольно невероятную историю. Оказывается, герой Перекопа никаким героем не был, а Перекопа он и в глаза не видел.

В действительности, он когда-то был парикмахером и актёром-любителем и страшно любил выступать на сцене в героических ролях. А потом он взял и выдал себя за героя Перекопа.

— Ну, значит, хороший артист, — сказал студент. — И глупая ваша советская власть, если её так просто обмануть.

— Всё это далеко не так просто, — сказал комиссар.

Оказывается, когда-то герой Перекопа действительно существовал. Но это был совсем другой человек. И человек действительно безумной храбрости.

Такой храбрости, что даже когда гражданская война окончилась, герой всё продолжал воевать и громил всё направо и налево, до тех пор, пока его не посадили в ЧК.

Там выяснилось, что когда-то он принадлежал к партии анархистов-максималистов, которые имели свою штаб-квартиру в Швейцарии. Потом он, в процессе революции, примкнул к большевикам.

Во время гражданской войны про этого героя ходили легенды. Он был болен диабетом и потому должен был постоянно делать себе впрыскивания лекарств.

Но, несмотря на эту тяжёлую болезнь, он был настолько предан революции, что, не вылезая из седла, вынимал из кармана шприц, прямо через штаны делал себе укол и вёл свои дивизии в лоб на белогвардейские пулемёты.

В ЧК же выяснилось, что он был просто наркоманом и вкалывал себе через штаны не что-либо, а морфий.

А безумная храбрость героя объяснялась тем, что это был просто полусумасшедший, который уже несколько раз пытался покончить жизнь самоубийством.

Вот он и искал смерти в бою. Когда его расстреливали, он счастливо улыбался и распевал марш анархистов:

Цыплёнок жа-ареный, цыплёнок ва-ареный,
Цыплёнок тоже хочет жить!
Его пойма-али, арестова-али,
Ему не да-али долго жить!

Это было на юге России. Несколько лет спустя, Зинаида Генриховна нашла дело расстрелянного героя Перекопа в Центральном архиве ЧК в Москве и заметила, что он очень похож на её брата.

Вплоть до того, что тоже хромой. И тут ей пришла в голову идея. Все чекисты, имевшие отношение к делу героя Перекопа, за это время уже сами погибли. Значит, свидетелей нет.

Кроме того, это дело было сугубо секретное и о расстреле героя нигде не сообщали. Зато, о его подвигах писали много и во всех газетах.

Зинаида Генриховна посовещалась со своим братцем, и тому эта идея очень понравилась. В архиве ЧК хранились все документы и революционные регалии расстрелянного героя. Зинаида Генриховна передала всё это братцу, а остальное дело уничтожила.

По фотографии мёртвого героя братец соответственно изменил свою внешность: отпустил себе дикую шевелюру, которую носил герой, заказал себе такую же живописную военную форму, какая была у героя.

В то смутное послереволюционное время было много всяких чудаков, и никто ничему не удивлялся. Так актёр-любитель, мечтавший о героических ролях, перевоплотился в настоящего героя Перекопа.

— Что же вы теперь с этим героем сделали? — спросил Борис.

— Я положил перед ним все доказательства и говорю:

«Ну, сознавайся!» А он говорит: «Не-ет, я жил героем — и умру героем!» Я говорю: «Довольно играть. Ты, дурак, не на сцене, а в НКВД. Я тебя в Сибирь законопачу».

А он своё: «Я лучше в Сибирь пойду. Но зато все будут знать, что я герой Перекопа. Пострадал за правду!» — Комиссар госбезопасности беспомощно развел руками:

— Вот и поговори с ним. Этот идиот так вжился в свою роль, что уже сам не понимает, где правда, а где фантазия. А ведь, в действительности, это совершенно безобидное существо.

Он только на вид страшный. А на самом деле, он жалкий трусишка. Но ради маски героя, готов хоть в Сибирь. А во всём виновата эта проклятая Зинка. Та выглядит, как ангел, а на самом деле — это сатана в юбке.

— А как же это дело раскрыли? — спросил Борис.

— У меня новый метод. Я иду не от преступления к преступнику, а наоборот — от преступника к преступлению.

— Как так?

— Очень просто. Беру человека. Даю ему лист бумаги и говорю: «Ну, пиши — признавайся!»

— Здорово, — сказал студент. — Этак и я что-нибудь напишу — что воровал у соседей яблоки.

— Дурак, — сказал доктор социальных наук. — Это метод научный. Я беру не просто людей, а таких людей, где я знаю, что за ними есть какие-то преступления. Я только не знаю, какие именно. Вот такому типу я и говорю: «А ну, признавайся!»

— А если он ничего не делал?

— Если сейчас не делал, так потом сделает.

— Ну и метод, — сказал студент.

— Да, вот этим самым методом, — сказал комиссар госбезопасности, — я и раскрыл дело героя Перекопа. Я знал, что за Зинкой будет куча преступлений. Порылся — и нашёл.

— Значит, за это её и посадили?

— Нет, это шелуха... За ней много делишек похуже...

— А что ещё?

— Это служебная тайна, — сухо сказал комиссар. За спиной Максима лежала на полке большая плоская коробка, а в ней коллекция каких-то значков с нумерованными табличками.

На одном из значков поблёскивала маленькая золотая эмблема — череп и скрещённые кости. Как на пиратском флаге. Значки — определённо не пионерские.

Рядом пятнистая коричневая ракушка размером с половинку грецкого ореха. Ракушка в оправе из тонкой платиновой проволоки в форме подвески или кулона.

К ней прикреплена табличка, заполненная каллиграфическим почерком военного писаря НКВД: «Дело «Голубой звезды». Экспонат, №127-Д. Конфисковано при обыске у г-ки Орбели Зинаиды Генриховны».

— Макс, что это за игрушка? — спросил Борис.

— Это жук, — ответил комиссар.

— Какой же это жук, если это ракушка?

— Это их тайный жаргон. Эта ракушка заменяет скарабея, который изображал навозного жука.

— А на чёрта он тебе сдался, этот жук?

Комиссар-чернокнижник поморщился, словно ему надоело растолковывать высшие премудрости всяким идиотам.

Потом, он стал бормотать, что в Древнем Египте были особые тайные секты, у которых навозный жук с шариком служил символом солнцеворота и жизневорота. Чтобы узнавать друг друга, члены этих сект пользовались скарабеями, как тайным значком.

Но главная тайна заключалась в том, что, в своё время, эти тайные секты представляли собой нечто, вроде древнеегипетских врагов народа.

Потому они прятались по заброшенным пирамидам, а древнеегипетское НКВД охотилось за ними. Когда их ловили, то, согласно тогдашней технике, их забивали до смерти камнями.

Позже подобные тайные секты существовали и в Европе, но, в качестве условных значков, они пользовались ракушками, которые сверху напоминают жука.

Позже эти ракушки стали условным значком только для женщин, балующихся всякими дианическими культами.

— Ладно, — сказал Борис. — Так что же там за тайна?

— Переверни эту ракушку на спину, — буркнул комиссар госбезопасности. — Видишь, что это напоминает? По женской части...

— Да-а-а, похоже на то, — согласился Борис. — Ну и символика!

Таинственная ракушка изображала собой женский символ, который обычно рисуют на стенках общественных уборных.

Как-то Борис нашёл в комнате Максима книгу некоего Джорджа Синклера под названием «Невидимый мир сатаны», которая была издана в Эдинбурге в 1875 году.

На полях стояли пометки со ссылками на героя Перекопа и его сестру — генерала НКВД Зинаиду Генриховну в связи с каким-то делом «Голубой звезды». А в этой книге описывалось следующее:

«...Томас Вэйр, который был лицемерным пуританином и даже возглавлял строгую пресвитерианскую общину, и которого в Эдинбурге считали почти святым, всё это время тайно вёл жизнь отвратительного разврата и погряз в самых мерзостных и противоестественных преступлениях.

В 1670 году, когда ему исполнилось семьдесят лет, его обуяли ужасные припадки раскаяния и отчаяния, угрызения его нечистой совести довели его до грани умопомрачения, и его муки могло облегчить только полное, откровенное и публичное покаяние в своих злодеяниях.

В течение нескольких месяцев его община, чтобы избежать скандала и позора, пыталась замять всё дело, но его духовник раскрыл тайну лорду — мэру города, и тот распорядился учредить дознание.

Несчастный старик, настоятельно заверявший, что “ужасы Господни, которые тяготят его душу, заставили его сознаться и принести повинную”, Томас Вэйр был арестован вместе со своей слабоумной сестрой Джин, которая была замешана в его отвратных делах».

Борису вспомнилось, как герой Перекопа торжественно вышагивал по улицам в своих красных галифе, с кривой шашкой и огромным маузером — золотым оружием Реввоенсовета. А в книжке дальше стояло:

«...Всё время, пока Томас Вэйр находился в застенке, он болезненно ощущал на себе тяжёлый гнев Божий, что приводило его в отчаяние, и нескольким исповедникам, которые навещали его, он признавался:

“Я знаю, что я осуждён на вечное проклятие и мой приговор уже подписан небом... Потому я не нахожу в моей душе ничего, кроме темноты, мрака, пепла, и это жжёт меня, как на дне ада”.

Столь неожиданное возмущение чувств, ненависть к мерзким делам, в сочетании с полной неспособностью отречься от них, вполне понятны в семидесятилетнем старце, чья плоть изъедена годами излишеств, а разум ослаб от тяжёлого напряжения, когда приходилось постоянно играть искусственную и трудную роль».

Борис вспомнил, как он встречал Зинаиду Генриховну на квартире Максима, как она трогательно помогала Ольге по хозяйству. Или как они гуляли с ребёнком в Петровском парке. А

рядом шкандыбал колченогий герой Перекопа и заботливо нес бутылочку с молоком.

А «Невидимый мир сатаны» сообщал:

«Сестра Томаса Вэйра отчаянно обвиняла своего брата в колдовстве. Хотя, за ним уже давно шла подобная дурная слава и люди передавали необычайные истории о его занятиях магией и заклинаниями, но колдовство не было главным обвинением, предъявленным ему в официальном суде.

Он был признан виновным в прелюбодеянии, блуде, кровосмесительстве и содомии и, по этим пунктам, осуждён к удушению петлёй с последующим сожжением на костре между Эдинбургом и Лейтом в понедельник 11 апреля 1670 года, чтобы его тело превратилось в пепел.

Его юродивая сестра Джин Вэйр была осуждена за кровосмесительство и колдовство и 12 апреля повешена на рыночной площади в Эдинбурге».

Когда Борис спросил, какое это имеет отношение к герою Перекопа и Зинаиде Генриховне, Максим уклончиво ответил:

— Сравнительный психоанализ. Судьи инквизиции разбирались в этих делах лучше, чем судьи в наше время.

Хотя, герой Перекопа и был на редкость безобразен, но, в своё время, Зинаида Генриховна частенько говорила, что он, как это ни странно, пользуется огромными успехами у женщин.

Да и по городу тоже ходили слухи, что герой Перекопа страшный сердцеед и у него постоянно какие-то романтические истории.

Ведь, говорят же, что некоторые женщины специально любят уродливых мужчин. Так, герцогиня Альба любила художника Гойю за его безобразие, чтобы этим подчеркнуть свою собственную красоту.

Вспоминая загадочное самоубийство Ольги, Борису иногда казалось, что, может быть, у неё был просто романчик с героем Перекопа.

А когда Максим узнал об этом, то... Потому он и избегает об этом говорить, а выдумывает всякие средневековые психоанализы.

Ведь, красавица Ольга, хотя и выглядела, как мадонна, но тоже была какая-то странная. Ведь, недаром из-за неё уже было два самоубийства.

Пока начальник 13-го отдела НКВД был на службе, Борис сделал у него в комнате маленький обыск. Надеясь, что в его чертовщине никто не разберётся, Максим теперь уже не прятал свои бумаги, а прятался за всякими условными шифрами.

Под коробкой, в которой хранились странные значки с символами смерти, Борис нашёл папку с именем Зинаиды Генриховны Орбели.

Вместо обычной анкеты о социальном происхождении, сверху лежала схема семейного дерева Орбели. А сбоку были пометки карандашом: «Один дед был алкоголиком и повесился, а бабушка ушла в монастырь. Второй дед был известным доктором-психиатром, а бабушка была нигилисткой».

Дедушка-психиатр и бабушка-нигилистка организовали в Москве какое-то религиозно-философское общество «Голубая звезда».

Но общество это, хотя сугубо гуманитарное и либеральное, было почему-то тайным. Потому одни называли их гуманистами, а другие — сатанистами. Этому-то деду и принадлежала коллекция таинственных значков с символами смерти.

Позже, в этом самом тайном обществе гуманистов-сатанистов, сиятельный князь Орбели и познакомился со своей будущей женой, которая была дочкой психиатра и нигилистки.

Если папа Орбели был самым настоящим князем, то мама была зашифрована под странным обозначением — марсианка.

Итак, бывшая героиня революции и прославленная чекистка Зинаида Генриховна по крови была полукняжна, полумарсианка. А сбоку приписка карандашом: «Полукровка помесь сатаны и антихриста. Типичное явление».

Видимо, Максим начитался фантастических романов про марсиан, которые хотят захватить власть на земле, и перенёс этих марсиан, как шифр для 13-го отдела. Ну и добавил ещё библейский персонал в лице антихриста. Но что это за коктейль из сатаны и антихриста?

А сбоку деловая приписка: «Этот процесс мы имеем в семьях Ленина и, по-видимому, Гитлера и Гиммлера. А в семье Сталина

— этот процесс идёт в обратном порядке».

В религиозно-философском обществе «Голубая звезда» занимались философией Соловьёва и Бердяева, которых называли богоискателями.

А рядом лежала справка специалистов 13-го отдела. Богоискатель Соловьёв жаловался, что его искушают бесы, и лечился от этих бесов скипидаром. Умер он в результате отравления самодельными леденцами со скипидаром.

На полях заключения доктора философии Руднева: «Этому богоискателю нужно было не глотать скипидар, а мазать этим скипидаром задницу».

А о философе Бердяеве, которого некоторые считают крупнейшим русским философом 20 века, специалисты 13-го отдела давали такую справку.

Начал он с марксизма, за что побывал в ссылке. Потом, ударился в богоискательство. За это богоискательство в 1915 году был отдан под суд юрисдикции Святейшего Синода, который приговорил его к вечной ссылке в Сибирь, явление в русской истории совершенно исключительное.

От Сибири его спасла Февральская революция. Но вскоре и правительство Керенского посадило этого философа за решётку.

Из-за февральской решётки его освободила Октябрьская революция. Но вскоре и большевики решили избавиться от неугомонного богоискателя и в 1922 году выслали его вместе с группой собратьев за границу.

Резюме философии Бердяева. Рассуждения о человекобоге и богочеловеке. Философия доброго зла и злого добра: «Иногда хорошо идти по пути зла, так как это приведёт к высшему добру».

Проповедь «товарищества в Антихристе, царства князя мира сего». Метафизика трагической свободы, которая «коренится в Ничто». Писал Дьявол и Антихрист с большой буквы.

Был экзистенциалистом, то есть, утверждал экзистенцию сатаны. Лизал зад антихристу. Расхваливал тайные общества, вроде «Голубой звезды». Является создателем раскола в православной церкви за границей. Смотри дело: Свято-Бердяевская духовная академия.

На полях заключение доктора философии Руднева: «Философия Бердяева — это типичное философское 69, например, его доброе зло и злое добро. Прав был Святейший Синод, когда приговорил его к вечной ссылке в Сибирь».

Затем, шёл отпечатанный на старомодной пишущей машинке список членов тайного общества «Голубая звезда». Список этот был составлен в ЧК в 1918 году.

Рядом протокол допроса одного из членов этого религиозно-философского общества. Помимо философии Соловьёва и Бердяева, они интересовались антропософией Штейнера, оккультной теософией мадам Блаватской, поисками счастья по методу Гурджиева, культом йогов и всякой мистикой.

А в области религии, в поисках нового бога, эти богоискатели экспериментировали с тем, что когда-то называлось чёрной мессой.

Они устраивали подобие алтаря. Но вместо распятия распинали в алтаре голую женщину, обязательно девственницу, которая символизировала Деву Марию.

Потом богоискатели становились в очередь и прикладывались к модернистическому распятию — взасос целовали и лизали голую деву в святая святых.

Сбоку выцветшими от времени фиолетовыми чернилами приписка рукой чекиста, который снимал этот допрос в 1918 году. С грубой откровенностью варвара он писал: «Да ведь это просто шайка каких-то выродков. Это не философы, а плизы...»

Таинство причастия богоискатели тоже модернизировали по-своему. Христиане причащались из чаш со святыми дарами, наполненными вином и просфорой, что символизировало кровь и плоть Спасителя.

А богоискатели-модернисты, по правилам чёрной мессы, наполняли эти чаши мочой и экскрементами, становились в очередь и вкушали их.

Рядом выцветшими фиолетовыми чернилами приписка варвара-чекиста: «Да ведь это просто г...еды. Вот же чёртова гнилая интеллигенция. А потом прячутся за всякую философию».

Внизу, более позднее и более культурное примечание специалиста из 13-го отдела НКВД: «Куннилингус. Уринофилия.

Копрофилия. Имитация чёрной мессы средних веков (см. приложение № 8)».

Тут же приложение №8: фотокопия какого-то протокола средневековой инквизиции с описанием чёрной мессы, где сатанисты 16 века жгут чёрные свечки и занимаются тем же самым, что и богоискатели 20 века.

В списке тайного общества «Голубая звезда» имена князя Орбели и его жены были помечены крестиком. А рядом красными чернилами ровным и красивым почерком написано: «Расстрелять». И внизу тем же красивым почерком надпись: «Председатель Губ-ЧК — Зинаида Орбели».

Одновременно воспитанница института благородных девиц рекомендовала высшему начальству поставить раком и перестрелять всех остальных богоискателей. Но за них вступился сам Троцкий.

Его поддержали нарком просвещения Луначарский, который, в своё время, тоже интересовался богоискательством, и управделами Совнаркома Бонч-Бруевич, который, до революции, занимался богоискательством вместе со Львом Толстым, а после революции стал управделами у самого Ленина.

Затем, следовала справка специалистов 13-го отдела НКВД. Когда молодой революционер Троцкий сидел в жандармской тюрьме в Одессе, он использовал это время для самообразования и читал массу книг, которые он получал по спискам.

Позже, из архивов царской жандармерии, списки этих книг, написанные рукой Троцкого, попали в руки 13-го отдела НКВД.

Но всё это были не труды Карла Маркса, над которыми Троцкий только насмехался, и не книги по истории коммунизма, а книги по теории и практике тех самых эзотерических тайных обществ, которые одни называют гуманистами, а другие — сатанистами.

Троцкий тщательнейше штудировал эти книги и, чтобы не забыть, даже составил себе объёмистый конспект в 1000 страниц. Об этом таинственном конспекте, который позже бесследно исчез, упоминали и заграничные биографы Троцкого.

Хотя в 1918 году дело «Голубой звезды» было закрыто по приказу гуманиста Троцкого, но в 1936 году, НКВД снова взялось за это дело. В списке было несколько сот человек.

Часть из них была выслана за границу, опять-таки, при помощи гуманиста Троцкого, часть умерла. Но теперь 13-й отдел тщательно проверял всех родственников, детей и даже знакомых этих богоискателей.

В этом списке Борис нашёл несколько знакомых имён. Здесь были отец Ивана Странника, с которым Борис учился в одном классе. Отца этого тоже звали Иваном, и специалисты 13-го отдела давали о нём такую справку.

До революции он был мелким поэтом-футуристом и писал под псевдонимом Иван Морт.

Но специалисты 13-го отдела были более образованны, чем варвары-чекисты 1918 года, они даже знали латынь, и потому их заинтересовало следующее: почему это Иван Странник-Морт выбрал себе псевдоним, который по-латыни означает смерть?

Если богоискатель Бердяев утверждал, что сатана и антихрист существуют — конечно, с точки зрения абстрактной философии, — то следователи 13-го отдела подходили к этому, с точки зрения диалектического материализма и всерьёз считали, что сатана и антихрист не только существуют, но даже и женятся.

Да, они писали о каких-то смешанных браках... между сатаной и антихристом!

Такой странный смешанный брак был у поэта Ивана Странника-Морта. Кроме того, он был наркоманом. Кроме того, у него жена — хромоножка.

Кроме того, после революции, эта хромоножка работала в ЧК. А потом, от этой нервной работы, её разбил паралич, и, с тех пор, она прикована к постели.

Затем, шла всякая достоевщина. Жена-марсианка годами лежала в постели и делала под себя. А любящий муж-футурист бегал кругом с ночным горшком. А потом, чтобы отдохнуть, нюхал кокаин.

Но это ещё не всё. Хотя и разбитая параличом, эта жена, в довершение всех благ, ещё страдала нимфоманией.

А любящий муж самоотверженно водил к ней любовников. А потом, чтобы успокоиться, опять нюхал кокаин.

Среди постоянных клиентов этой нимфоманки был какой-то армянин. А рядом примечание 13-го отдела: «Потому эти фокусы и называют — армянские шутки. Знаем мы эти шутки».

Вслед за шутливым армянином, на очереди стоял какой-то бывший монах-расстрига, которого выгнали из монастыря за блуд.

А 13-й отдел всё это аккуратно регистрировал. Дело в том, что специалисты 13-го отдела подозревали, что Иван Странник немножко странный, немножко ненормальный.

Но сам он, начитавшись Бердяева, считал себя не то человекобогом, не то богочеловеком, на которого возложена какая-то особая миссия.

Потому, работая цензором в отделе печати горсовета, так же как и в своей личной жизни, он делал там всё наоборот.

Он пропускал через цензуру вредную декадентскую писанину своих собратьев, говоря, что это — его партия, и зажимал здоровую пролетарскую литературу, говоря, что это — бред сивой кобылы.

Потому, специалисты 13-го отдела поставили его в список вредителей. И за подписью доктора Быкова, майора медслужбы НКВД, такое заключение: «Лечить его трудом по методу Толстого. Кстати, Достоевскому это лечение очень помогло».

Тут же медицинская справка о его сыне Иване Страннике-младшем. У сына, оказывается, какой-то странный физический дефект, который по-учёному называется «фимозис», а по-русски — «незалупа».

А посему Ване, когда он достигнет половой зрелости, хочешь не хочешь, придётся сделать обрезание.

Справка из школы. По всем предметам Ваня учится настолько плохо, что одно время его думали перевести в спецшколу для дефективных детей.

Но, одновременно, Ваня пишет очень хорошие стихи. Настолько хорошие, что его решили перевести в спецшколу для особо одарённых детей.

Борис листал дальше. Опять фотокопия с какого-то средневекового трактата, где учёные монахи совершенно

серьёзно сообщают, что если христианка совокупляется с антихристом, то это приравнивается к совокуплению с собакой, и таковую пару, после соответствующих молитв, следует сжечь на костре.

Но не собаку, которая не виновата, а людей, так как, подобный союз с антихристом — это верный признак пакта с дьяволом. Тут же ссылка на какого-то французского дьякона, который грешил с антихристианкой и за это попал на костёр.

Странно, подумал Борис, богоискатель Бердяев бредит по сатане и антихристе, и монахи тоже. Но почему 13-й отдел идёт по этому же пути? Да в этой чертовщине и сам чёрт не разберётся.

В деле «Голубой звезды» упоминался и Федька Косой, который считался самым отъявленным хулиганом на всю округу.

Тот самый, после драк с которым Максим молился Богу и просил сделать его большим и сильным. Оказывается, Федька Косой был родным братом поэта Ивана Странника-старшего.

А поэт Иван Странник-младший был двоюродным братом Завалишина, с которым Борис когда-то ходил на охоту и который потом застрелился из-за Ольги. А мать этого Завалишина стоит в списке «Голубой звезды». Опять какие-то родственные связи.

Тут же и мать Ирины, в доме которой Борис часто бывал на вечеринках и где ангелоподобная Ольга жила, в качестве квартирантки.

В молодости, ещё до революции, мать Ирины и мать Завалишина были неразлучными подругами, писали стихи, увлекались мистицизмом и теориями третьего глаза, который видит то, что не видят другие.

Кроме того, они ходили в какой-то кружок, где занимались поисками счастья по методу Гурджиева. Кружок этот был, своего рода, филиалом «Голубой звезды».

В этом кружке неразлучные подруги и нашли своё счастье, то есть, своих мужей — Коряковича и Завалишина, которые тоже были большими друзьями.

Но мужья эти путались с революционерами-меньшевиками. Потому, после революции большевики расстреляли Коряковича за контрреволюцию, а на Завалишина это так подействовало, что он, с горя, сам застрелился.

Помимо кружка Гурджиева, у тайного общества «Голубая звезда», как лучи у звезды, был ещё одни филиал — кружок теософов, которые занимались поисками счастья, при помощи верчения столиков и вызывания духов.

Одним из членов этого кружка был отец красавицы Ольги — Жорж Гайер, из прибалтийских немцев. Тут же его фотография в молодости: очень красивый, похожий на херувима, молодой человек в форме царского Пажеского корпуса.

Зато, жена этого херувима Дора Мазуркина была настоящая бой-баба, чистая разбойница с большой дороги. Кроме того, она была старше своего мужа.

Если папа-херувим больше интересовался верчением столиков, то зато мама-разбойница была заядлой большевичкой и даже лично знала самого товарища Ленина, с женой которого она когда-то дружила.

Внизу обстоятельное заключение рукой Максима.

Во-первых, согласно шифру 13-го отдела, его тёща — Дора Мазуркина была какой-то перебежчицей. Но бегала она лишь между красными и белыми. И не между большевиками и меньшевиками.

Нет, пользуясь терминологией богоискателя Бердяева и 13-го отдела НКВД, эта тёща-перебежчица бегала между антихристом, Христом и сатаной.

Точнее, она была даже двойная перебежчица: её родители перебежали от антихриста к Христу, а Дора перебежала от Христа к сатане.

И красным карандашом примечание: «Типичное явление. То же самое было в семье Ленина. Когда припечёт, так начинают бегать. Не нужно было нарушать первый закон диалектического христианства — что все люди — братья. А задним числом этот закон не работает».

Во-вторых, идя дальше по этому пути, Максим обнаружил, что брак его тестя-херувима и тещи-разбойницы — это опять смешанный брак, помесь сатаны и антихриста.

И в-третьих, продукт этого брака, ангелоподобная Ольга, жена Максима, которая завела его по ту сторону добра и зла, по ту

сторону жизни и смерти, — это была не просто женщина, а полуангел и полумарсианка.

И печальный крик души Максима: «Эх, если бы я знал это раньше! Как много горя и несчастья — и только потому, что я не знал этого».

И деловое примечание: «Но почему, чёрт побери, об этом так мало пишут в печати? Почему молчат писатели? Или, в лучшем случае, недоговаривают. Поручить доктору Быкову расследование писателей вообще и Союза советских писателей в частности».

Ещё одно заключение по делу «Голубой звезды». Похоже на то, что кружок теософов, помимо верчения столиков и вызывания духов, в порядке поисков счастья, занимается скрещиванием сатаны и антихриста.

Но, иногда, они сами боятся результатов такого скрещивания и потому частенько применяют искусственное осеменение, где мама зачинает ребёнка не от папы, а от чужого дяди.

Конечно, 13-й отдел заинтересовался: как же это делается? Очень просто: эти красотки, бегающие между сатаной и антихристом, просто покупают у проститутки использованный презерватив с семенем и делают себе осеменение пальцем.

Это — одна из тайн мистического третьего глаза и диалектического 13-го отдела, который видит, то, что не видят другие.

Красным карандашом подчёркнуто: «Потому, в русском языке и появилось такое странное, на первый взгляд, выражение, когда видят какого-нибудь идиотика, — пальцем деланный. Устами народа глаголет мудрость. Этот метод анализа называется семантической философией».

Идя по пути мистического третьего глаза, любопытный 13-й отдел деловито регистрировал, что в тех семьях, где скрещивают сатану и антихриста, помимо искусственного осеменения, часто можно встретить приёмных детей, которых часто выдают за своих родных детей.

И конкретный пример: «Сестра Ленина Анна — единственный её ребёнок — приёмный сын Георгий Лозгачёв. У всех остальных братьев и сестер Ленина, так же, как и у самого Ленина (всего 6

человек), детей не было. Потому в Библии и говорится: узнаешь их — по плодам их».

Тут специалисты 13-го отдела ещё вспомнили, что, перед революцией, в русском языке, когда говорили о революционерах или когда правые говорили о левых, то частенько употребляли некое одиозное двойное слово с чёрточкой, которое символизировало союз сатаны и антихриста.

Но, после революции, это одиозное слово стало запретным словом.

Но это таинственное слово такое одиозное, что лучше его и не вспоминать. Иначе поднимется такой вой, такое шипение, такой свист и улюлюканье, словно наступили на хвост и сатане, и антихристу.

И потом оправдывайтесь, что всё это — только выдумки богоискателя Бердяева.

Однако, Бориса все эти высокие материи интересовали сравнительно мало. Его больше интересовали знакомые имена, встречавшиеся в деле «Голубой звезды».

Странно, думал он, родители были связаны каким-то тайным обществом не то гуманистов, не то сатанистов. Но и их дети тоже связаны между собой какой-то общей судьбой.

Отец Завалишина застрелился — и его сын тоже застрелился. И не из-за кого-нибудь, а из-за Ольги. Полуангел Ольга дружила с полукняжной Зинаидой Генриховной — и их родители тоже дружили.

Но, так или иначе, кончается всё это плохо: или убийство, или самоубийство, или ещё что-нибудь такое. Что это за чертовщина?

Заканчивая свой обыск у начальника 13-го отдела НКВД, самого главного Борис так и не нашёл. О полугерое Перекопа была только справка из парикмахерской «Артель инвалидов № 5», в которой подтверждалось, что он инвалид, хромой, и что он работал там дамским парикмахером.

Ага-а, подумал Борис, дамский парикмахер, профессия подходящая. Это он дамочкам за ушами чешет, а на ушко им нашептывает: «Разрешите, мадам, заменить мужа вам, если муж ваш уехал по делам».

А когда Максим это узнал... Конечно, не очень-то приятно, когда твоя жена изменяет тебе с каким-то парикмахером, да ещё хромым. Потому Максим и вынул из дела «Голубой звезды» всё, что касается этого героя-парикмахера.

На обороте папки с делом «Голубая звезда» рукой Максима было наискось написано: «Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо, он лжец и Отец лжи. Да и как не лгать в таком положении?

Глава 6. Красный кардинал

Ныне суд миру сему;

ныне князь мира сего изгнан будет вон.

Иоанн 12:31

После ликвидации партийной верхушки, чистка перекинулась на Красную Армию.

За всю свою боевую историю Красная Армия не потеряла столько маршалов, генералов и старшего офицерского состава, как за время чистки ежовыми рукавицами НКВД.

С легендарных героев гражданской войны срывали ордена и знаки командного звания — ромбы, кирпичики и кубики.

Потом им сковывали руки за спиной, чтобы они не кричали, им забивали в рот изгрызенную резиновую грушу и отправляли на конвейер смерти в подвалах НКВД. Или загоняли в телячьи вагоны и эшелон за эшелоном гнали в Сибирь.

Говорили, что приговорённых к смерти отводили в подвал и по пути убивали выстрелом в затылок.

Чтобы было меньше шума, героев революции приканчивали не из настоящего боевого оружия, а маленькими мелкокалиберными пульками, какими мальчишки стреляют по крысам и воронам.

Рядом открывалась дверь в мертвецкую, где лежали штабелями трупы уже расстрелянных.

По ночам эти трупы на грузовиках вывозили за город, сваливали в общие могилы, как чумную падаль, заливали известью и засыпали могилы вровень с землёй.

Так, чтобы и следа не было. Потом такое кладбище оцепляли колючей проволокой и ставили предостерегающие надписи: «Опасность эпидемии сибирской язвы! Вход воспрещён!»

Люди понимали это по-своему и говорили:

— От этой сибирской язвы можно попасть в Сибирь... Не ходите туда...

Так советская власть вознаграждала тех, кто эту власть создал.

Отец Руднев никогда не был сторонником советской власти и упорно отказывался от поступления в партию, говоря, что он для этого слишком стар.

Но он всегда был на стороне униженных и оскорблённых. Потому, читая теперь газеты, он постоянно ворчал:

— Расстрелять весь генералитет Красной Армии... Ведь, это ж безумие!

— Совершенно правильно, — согласился Максим. — Между умом и безумием есть определённая взаимосвязь. И чем дальше, тем больше. И в определённой точке они сходятся. Это один из трюков товарища сатаны.

Отец потёр нос и продолжал сосать свою газету. А Максим постучал себя пальцем по лбу:

— Но механика здесь такова. Почти в каждом гении есть кое-что от идиота. Но это вовсе не значит, что каждый идиот — это гений. Кроме того, гениев — единицы, а идиотов — миллионы.

Потом доктор социальных наук принялся философствовать:

— Вот ты, отец, очень добрый человек. Но знаешь ли ты, что каждое положительное качество в превосходной степени превращается в отрицательное?

Вот, посмотри сам: так храбрость становится безрассудством, щедрость — мотовством, любовь — ревностью.

Так ум переходит в безумие. Так и слепая доброта иногда превращается в покровительство злу. И эту штуку довольно трудно понять.

Вот, например, ты, отец, гинеколог. Ну конечно, у вас там клятва Гиппократа — помогать всем и каждому. Ты берёшь свои

гинекологические щипцы и вытягиваешь из чрева кого ни попадя.

Но если бы ты был врачом-психиатром, ты бы знал, что есть такой болезненный комплекс, который так и называют — «маточным комплексом»: это когда взрослым людям хочется проделать обратный путь и влезть назад туда, откуда ты, гинеколог, их вытягиваешь.

Эти люди, как бы, сожалеют, что они родились. А если бы ты был криминологом, ты бы знал, что это комплекс часто обнаруживают у самых отвратительных преступников. Но задним числом уже после свершения преступления.

Ты, гинеколог, этого не знаешь. А я, доктор социологии, должен знать и то, и другое, и третье. Это — не просто социология. Это высшая социология.

А знаешь ли ты, доктор-гинеколог, что, с точки зрения высшей социологии, некоторых из твоих новорождённых было бы лучше сразу же выбросить в помойное ведро?

— Фу-у! — сказал отец.

— Правильно! — сказал Борис. — Таких, как Зинка Орбели. Ведь, говорят, она даже собственных родителей расстреляла.

— Э-э, не-ет, — сказал доктор социальных наук. — Это самое справедливое, что она сделала. Она наказала своих родителей за то, что они её народили.

— Но почему?

— Она знала почему. Потому, что это было с их стороны преступлением. Вот и получилось, как у Достоевского: преступление — и наказание. По ту сторону добра и зла.

Ницше это не из пальца высосал, а из жизни. Добро и зло имеют такую же взаимосвязь, как ум и безумие. — Начальник 13-го отдела НКВД наморщил лоб: — Вот ты, отец, в душе обвиняешь меня в жестокостях НКВД. А знаешь, кто виноват в этой проклятой чистке?

— Кто?

— Ты... Да... Ты и тебе подобные. Мне приходится доделывать то, что не делаете вы, гинекологи. То есть, не выбрасываете

некоторых новорождённых в помойное ведро.

Если подойти к делу серьёзно, то в это помойное ведро попали бы новорожденные Наполеон, Карл Маркс, Ленин, Гитлер и им подобные. И была бы в мире тишь и гладь, благодать. Ни войн, ни революций. Но поскольку вы, гинекологи, этого не делаете...

— Знаешь что, Максим, — возмущённо сказал отец, — иногда мне за тебя просто стыдно. Ты разводишь здесь всякие сумасшедшие идеи. А ведь, на самом деле, вы из политических соображений уничтожаете совершенно невинных людей.

— Ах, так! — сказал комиссар госбезопасности. — Тогда я тебе кое-что покажу... Что это за люди...

Он полез в свой стол, достал оттуда какую-то историческую книгу, раскрыл её и положил перед отцом.

На пожелтевших страницах были протоколы средневекового судебного процесса над многочисленной тайной конгрегацией ведьм и колдунов, обвинявшихся в государственном заговоре против английского короля.

После процесса всех этих колдунов и заговорщиков безжалостно перевешали.

— А теперь посмотри это, — показал Максим. Это была просто таблица значков, возраставших в геометрической последовательности: сначала треугольники, потом кубики, кирпичики и, наконец, ромбы.

Внизу указывалось, что значки использовались ещё строителями египетских пирамид и жрецами Озириса.

Но в средние века эти значки переняли для своих целей ведьмы и колдуны, придавая им какую-то тайную символику. Устраивая тайные заговоры, они оправдывались, что они тоже что-то строят. Наподобие строителей пирамид. И что они продолжают дело жрецов Озириса.

Но самое главное было то, что колдовские знаки — треугольники, кубики, кирпичики и ромбы — абсолютно совпадали и шли в той же последовательности, что и знаки различия командного состава Красной Армии.

Того самого комсостава, значительную часть которого теперь безо всяких видимых причин почему-то безжалостно

расстреливали или ссылали в Сибирь.

— Хм-м... — протянул отец, потирая нос костяшкой пальца. — Странное совпадение...

— Совпадение? — угрюмо сказал советник Сталина по делам нечистой силы. — А посмотри вот это...

Он достал вторую книгу, на которой даже стоял знак Цензуры Ватикана: «Nihil Obstat — Censor librorum».

В этой книге описывалась какая-то афёра, которая называлась «Affaire des riches» и которая нашумела во Франции в 1901-1904 годах. Это уже сравнительно недавно. И всё это подробнейшим образом описывалось во французских газетах.

Так вот, тогда во французской армии была обнаружена некая тайная организация. Настолько тайная, что она даже не имела списка своих членов.

Но зато, заговорщики сделали всё наоборот: они занесли в чёрный список 18.000 офицеров, которые не входили в эту тайную организацию.

Причём, в чёрный список заносились не худшие офицеры, а, наоборот, лучшие. Связи заговорщиков были настолько сильны, что этот чёрный список хранился прямо во французском военном министерстве.

С той целью, чтобы люди в чёрном списке не имели продвижения по службе, давая этим место заговорщикам без списка, которые, таким путём, хотели захватить в свои руки всю власть во Франции.

На полях книги рукой Максима были небрежно намалеваны треугольники, кубики и ромбики — знаки различия комсостава Красной Армии, которые начальник 13-го отдела НКВД разоблачил, как тайные значки жрецов Озириса.

— Хм-м, странно, — повторил отец.

— Ничто не ново под луной, — усмехнулся Максим. — Нужно только знать, историю.

И он стал уверять, что все эти заговоры были подстроены по тому же самому принципу и одним и тем же социально вредным элементом, и что то же самое получилось и в Красной Армии.

С той только разницей, что в легкомысленной Франции это окончилось просто скандалом, а в СССР за это было расстреляно, сослано в Сибирь и разжаловано более 35000 советский офицеров и генералов, включая и большую часть маршалов.

— А что ж это за социально вредный элемент? — спросил Борис.

Но вместо ответа доктор социальных наук стал ругаться нецензурными словами.

В процессе чистки переменились знаки отличия высшего командного состава Красной Армии и НКВД: вместо ромбов у генералов появились маленькие золотые звездочки, а у маршалов — одна большая звезда.

Повсюду красовались портреты железного наркома Ежова, генерального комиссара государственной безопасности с большой, как у маршала, звездой на воротнике.

Остальные командиры по-прежнему таскали свои треугольники, кубики и кирпичики, правда, с новыми угольниками и звездами на рукаве.

— Макс, — сказал Борис, — а кто повыдумывал эти детские кубики и кирпичики?

— Кто, кто... А кто создавал Красную Армию? Товарищи Ленин и Троцкий.

Борис кивнул на новую золотую звёздочку на воротнике Максима:

— А почему знаки переменились только у генералов?

— Это я сказал Сталину, чтоб переменили, — ворчал комиссар. — А насчёт других, я подумаю позже.

Чистка шла уже второй год. Заодно с ленинской большевистской гвардией, подмели и почти весь состав Коминтерна.

Раньше там сидели окопавшиеся в Москве вожди и вождята иностранных компартий. А теперь, как выражались в Москве, они «сидели наоборот», то есть, в НКВД.

Всю свою жизнь они посвятили распространению коммунизма во всём мире. А теперь, все эти коммивояжёры коммунизма, вдруг, оказались шпионами, диверсантами, вредителями и, в общем, врагами народа.

Среди работников Коминтерна политикой занимались, обычно, и муж, и жена. Потому и арестовывали их тоже совместно.

В детдомах, вдруг, появилась волна детей-сирот с иностранными именами. Там им давали новые имена, чтобы они даже и не знали, кто их родители. Это знали только в НКВД.

Поголовные аресты иностранных коммунистов взволновали весь мир, и об этом много писали в заграничных газетах, сравнивая советскую чистку со средневековой «охотой на ведьм».

Только там это употребляли в кавычках, а организатор этой чистки доктор социальных наук Максим Руднев уверял, что это действительно так — что чистят по тем же самым признакам и тех же самых людей, за которыми когда-то охотилась средневековая инквизиция.

Когда-то современники Атиллы, убивая своих врагов, делали из их черепов кубки для питья. Теперь же Максима определённо тянуло по стопам варваров.

Когда он был дома, почти каждый вечер он сидел за своим хромоногим столом с тремя разноцветными телефонами, листал папки с делами врагов народа и пил водку из своего символического, но мало-аппетитного сосуда забвения в форме человеческого черепа.

Борис старался не трогать его, но, накачавшись до определённого градуса, старший брат начинал оправдываться:

— Бобка, я знаю, вы все думаете, что я сволочь... Но, как правильно сказал папа Иннокентий, ведьмы и ведьмаки всегда стараются делать людям зло...

А я их ликик... лик-видирую... По всем правилам науки и техники... Значит, я делаю доброе дело... По философии Бердяева — про доброе зло и злое добро... Я делаю это... злое добро... Злое, но добро...

— Знаем мы твои добрые дела, — сказал Борис. — Ты б уж лучше помалкивал.

— А хочешь, я тебе кое-что докажу? Вот ты думаешь, что я виноват в этой чистке... Но если разобраться, если поискать первопричину... Так это ты во всём виноват...

— Ну, значит, я тоже враг народа, — согласился Борис.

— Да, это ты виноват, что я руковожу этой чисткой, — пьяно бормотал комиссар. — Ведь, это ты подсунул мне рациональное зерно... Из которого всё это получилось...

Борис сидел и решал задачки по сопротивлению материалов. А Максим, как иезуит, занимался своей казуистикой.

— Но я тебя, Бобка, не обвиняю... Ты, так сказать, без вины виноватый... Ты просто тёмный человек... Слепой. Ведь, ты даже не знаешь, что такое дьявол...

— А ты с этим дьяволом что, водку пил?

— Что ты, мальчишка, понимаешь, — устало и как-то грустно покачал головой комиссар госбезопасности. — Чтобы понять это, нужно самому испытать, что такое ад.

— А ты уже и в аду побывал? — усмехнулся Борис.

— А разве ты этого не видел? — тихо сказал Максим.

Помнишь... Когда ты отобрал у меня пистолет... Ведь, это мне дьявол подсунул... И нашёптывает: «Застрелись»... А кто-то этого не хотел и послал тебя...

— Я тогда просто пошёл за книжкой.

— Э-э не-е-ет... Это тебе только кажется... С точки зрения диалектического материализма, ничто не происходит случайно... Следовательно, всё... что я теперь делаю — это, опять ты виноват... Видишь...

Комиссар госбезопасности болтал своим кубком в форме человеческого черепа и раскачивался из стороны в сторону, как китайский болванчик.

Младший брат перестал улыбаться.

— Ну и что?

— Что?.. Как побывал я в этом аду... Как посмотрел, что это такое... Познакомился я с товарищем сатаной и всей его братней... С тех пор у меня с этими... с чертями... личные счёты... Понимаешь, личные... Так вот, я объявляю им классовую борьбу... Я лик-ик... лик-видирую их как класс!

Комиссар устало сгорбился над своим столом, заваленным папками с делами врагов народа.

— Ведь, рай и ад — это в сердцах людей... И как попёкся я в этом аду, так у меня сердце и сгоре-ело... С тех пор я бес-сердечный... Итак, товарищ сатана, жалости от меня... не ждите...

Пока доктор социальных наук Максим Руднев сводил свои личные счеты с дьяволом и помогал Сталину ликвидировать всякую оппозицию в Советском Союзе, дома он постоянно натыкался на оппозицию в собственной семье.

Но, поскольку отца с матерью в НКВД не посадишь, Максим выдумал своеобразную тактику.

Мать относилась к религии более или менее безразлично. Ни за, ни против.

— Как все хорошие женщины, — говорил Максим. — Типичная соглашательница.

— Боже мой, — вздыхала мать. — Как тебе не стыдно!

Зато, отец Руднев был довольно религиозен и по воскресеньям любил ходить в церковь. Особенно на торжественные службы. Потом все церкви позакрывали, и отец недовольно ворчал. А начальник 13-го отдела НКВД стал заводить с отцом диспуты на религиозные темы:

— Отец, а что такое Бог?

Отец пробовал объяснить, но получалось что-то неубедительное.

— Отец, а что такое Сын Божий?

Отец опять путался, а комиссар, как инквизитор, допытывался:

— А почему Евангелие, в буквальном переводе, означает Благая Весть? Что это за благая весть?

Отец смущенно протирал своё вспотевшее пенсне, а Максим безжалостно продолжал свой допрос:

— А почему Иисуса Христа называют Спасителем?

Потом он, как на экзамене, подсказывал отцу:

— От чего Он спасает? Ну-у?! Ведь в Евангелии описывается, как Иисус Христос лечил людей... Как же это ты, доктор-гинеколог, и

не знаешь? Ведь это, так сказать, по твоей специальности... Или ты не читал Евангелие?

Отец чувствовал себя как школьник, а комиссар госбезопасности укоризненно качал головой:

— Как же это ты, человек с университетским образованием, веришь в то, чего ты не знаешь? Ходишь, крестишься, кланяешься — и не знаешь чему?!

Совершенно сбив отца с толку, Максим, как настоящий иезуит, снисходительно говорил:

— С точки зрения диалектического материализма, Бог — это свод высших законов природы по отношению к человеку, которые, для простоты, называют одним словом — Бог. А человека, который эти законы впервые сформулировал, называют Сыном Божиим.

Ученик папы Иннокентия поучительно поднял палец:

— Там, где люди не подчиняются этим законам, то есть, Богу, там появляется сложный комплекс социальных болезней, которые, для простоты, как антитезу Бога, назвали одним словом — дьявол.

Учение Христа — Евангелие указывает пути спасения от этих социальных болезней. Потому, это учение и называют Благая Весть, а Христа — Спасителем. Ясно?

С тех пор, как только заходил какой-нибудь спор, доктор социальных наук моментально прятался за Библию, уверяя, что в каждой библейской притче есть свой скрытый смысл. Нужно было признать, что Библию он знал назубок и теперь подсмеивался над отцом:

— Ведь в Библии же сказано: имеющие глаза — да не видят, имеющие уши — да не слышат. Вот и ты такой. Но в Библии ещё говорится и про ключи познания...

Борис любил конкретизировать:

— А где же эти ключи?

— Где? — усмехнулся комиссар. — Вот в том-то и дело, что эти ключи — в руках у дьявола. И ключи эти — ключи отравленные.

В процессе чистки, врагов народа арестовывали по коллективному принципу — пачками.

Так, арестуют секретаря райкома партии, а за ним не только его жену и родственников, но и всех его помощников, сотрудников и приятелей.

Хотя отец всех партийцев недолюбливал, но, когда их арестовывали, он становился на их сторону и возмущался:

— И за что их только арестовывают?

— А ты, отец, загляни в Библию, — советовал комиссар госбезопасности. — Там есть притча про плевелы. Ты знаешь, что такое плевелы?

— Это сорняки, — отвечал отец.

— Не только сорняки, — поправлял Максим. — Считается, что плевелы — это ядовитая, выродившаяся пшеница. И в Евангелии сказано, что, при кончине века, будут полоть эти плевелы.

Конец века — это конец определённого исторического цикла, где гранью является революция. Ну вот мы и чистим-полем эти самые плевелы.

— Ну, а зачем арестовывать всех сотрудников и знакомых? — протестовал отец.

— Потому, что эти плевелы всегда собираются вместе, — отвечал Максим. — Это партия партий и союз союзов. Если один такой попадает наверх, то он насаживает таких же сверху донизу.

И секретарша у него будет такая, и все его друзья-приятели. Потому и приходится чистить всех подряд. Ведь в Евангелии так и сказано: и ввергнут этих сынов лукавого в печь огненную, и будет там плач и скрежет зубовный.

Потому Библию и называют книгой книг. Это книга вещая. Или ты думал, что это так — пустые слова? — Ученик папы Иннокентия смиренно опустил глаза. — Я это самому Сталину растолковываю.

Его в семинарии учили-учили и ничему не выучили. А я ему всё это диалектически доказал. А он мне и говорит: «Ты у мэнэ, Максым, тэпэр красный кардинал». Я у него теперь, вроде духовного наставника. Учу его диалектическому христианству.

В конце чистка превращалась в какую-то невидимую гражданскую войну. По всей Стране Советов шли массовые аресты и расстрелы. Весь мир затаил дыхание, следя за невероятными результатами московских процессов.

А красный кардинал Сталина достал где-то старую пластинку Шаляпина и накручивал в своей комнате патефон.

— «Полюбил всей душой я девицу, — пел знаменитый бас. — За неё жизнь готов я отдать...»

Максим раскачивался на стуле и потягивал водку из своего любимого кубка в форме человеческого черепа.

— «Бирюзой разукрашу светлицу, — неслось из патефона. — Золотую поставлю кровать...»

Красный кардинал наблюдал, как на стене раскачивается его собственная тень.

— «Разукрашу её, как картинку, — доносилось до Бориса сквозь полуоткрытую дверь. — И отдам это всё за любовь...»

Максим тупо мотал головой в такт песне. За окном шелестел листьями старый орех.

— «Но если в сердце сомненье вкрадется, — пел Шаляпин, — что красавица мне неверна...»

— В наказанье весь мир содрогнётся, — подхватил Максим козлиным баритоном. — Ужаснётся и са-а-ам сатана-а-а...

Из комнаты старшего брата загремели выстрелы. Младший приоткрыл дверь. Красный кардинал качался на стуле и расстреливал из пистолета свою собственную тень.

Под колеса Великой Чистки попал и Федька Косой, который когда-то был самым отчаянным хулиганом в районе Петровского парка.

Тот самый Федька Косой, после драк с которым Максим обращался к Богу со всякими глупыми молитвами, прося сделать его большим и сильным.

Когда Федька Косой вырос, он из уличного хулигана стал уличным грабителем. А потом он специализировался на вооруженном ограблении банков.

Чтобы избавиться от косоглазия, он собственноручно выковырял свой косой глаз ржавым гвоздём и вставил себе стеклянный глаз. После этого его прозвали Федька Вырви Глаз.

В течение нескольких лет Федька Вырви Глаз был королём уголовного мира Москвы и славился своей неуловимостью. Но на Федьку донесла в угрозыск одна из многочисленных жён.

Оправдываясь, она сообщила, что в супружеской постели Федька каждый раз набрасывается на неё с заряженным револьвером в руке, инсценируя не то изнасилование, не то грабёж.

А иначе, он тотальный импотент и ничего не может. В результате этого, от него сбежали уже четыре жены. А пятой это так надоело, что она решила избавиться от него, при помощи угрозыска. Федьку Вырви Глаз арестовали и сослали в Сибирь.

Узнав эту новость от соседей, Борис, как обычно, обратился за справками к Максиму:

— Эй, говорят, там твоего приятеля подмели.

— Какого?

— Федьку Косого.

— Ну, раз подмели, значит, за дело.

— А какое дело?

— Комплекс Сталина.

— А что это такое?

— Ну, как же, ведь, Сталин, в молодости, тоже бандитизмом занимался. И его обе жены умерли тоже при довольно странных обстоятельствах. Кроме того, Федька был косой, а Сталин — сухоручка. Но происходит это от одного корня.

— Смотри, чтобы за такие разговорчики, тебя самого не подмели, — посоветовал Борис.

Но красный кардинал Сталина продолжал бредить:

— Психодинамика та же самая — комплекс вождя. С точки зрения высшей социологии, все настоящие вожди — это потенциальные преступники. А все настоящие преступники — это потенциальные вожди.

— Типичный бред идиота, — сказал Борис.

— Да, это бред идиота, — согласился тайный советник Сталина. — Но этого идиота звали Карлом Марксом. А этот бред — это основной закон марксистской диалектики — о единстве и борьбе противоположностей.

Вслед за Федькой Вырви Глаз подмели и его брата Ивана Странника, поэта-футуриста, который писал стихи под псевдонимом Морт, что по-латыни означало смерть.

Когда его арестовали, он вытащил из-под кровати чемоданчик, заготовленный на случай ареста, и добродушно улыбнулся:

— Вы думаете, что там мне будет хуже, чем здесь? Нет, там мне будет лучше, чем здесь. В этом наша сила и ваше бессилие.

Когда агент НКВД открыл чемоданчик поэта, там был томик стихов Бодлера «Цветы зла» и запас наркотиков.

— Это моё лекарство, — объяснил футурист. — Я без этого не могу жить.

— Ничего, — сказал агент, — мы вас вылечим.

Когда-то богоискатель Бердяев проповедовал братство в антихристе и в результате, царство князя мира сего. Теперь же, это царство представляло собой провонявшуюся комнату, где в углу лежала в постели параличная сестра в антихристе и ходила под себя.

— Послушайте, — сказал футурист. — Ведь она бывшая заслуженная чекистка. А кто же теперь будет за ней горшочек выносить?

— Ничего, — сказал агент НКВД, — мы её тоже вылечим.

В одну ночь с Иваном Мортом подмели и его приятелей, которые помогали ему любить его жену-нимфоманку: шутливого армянина с его армянскими шутками и весёлого монаха, которого когда-то выгнали из монастыря за какие-то грехи.

А любвеобильная чекистка-нимфоманка, лишившись всех своих любовников, от недостатка любви скоро сошла с ума, и её тоже куда-то увезли.

Поэт Иван Странник-младший уже раньше сбежал из этого дома, где царило царство князя мира сего.

Бросив школу для особо одарённых детей, он ушёл в беспризорники. Он добывал себе на пропитание, играя на ложках по базарам, и изредка писал для сердобольных базарных баб стихи, подписывая их своим новым псевдонимом — Иван Делягин.

Арестовали родителей Ирины, у которых Ольга когда-то была квартиранткой. Говорили, что мать арестовали за то, что её первый муж Корякович был меньшевик.

Хотя, теперь у неё был уже четвертый муж и самый настоящий большевик с партбилетом, но и этого четвёртого мужа тоже подмели.

— Эй, Макс, а почему же этого большевика забрали? — спросил Борис.

— По первому закону марксизма, — буркнул Максим. — О единстве противоположностей.

— А за что забрали Ивана Странника?

— За троцкизм и перманентную революцию.

— А что это такое?

Комиссар госбезопасности зевнул и неохотно сообщил, что, с точки зрения высшей социологии это просто мазохист, у которого болезненная потребность страдать, быть униженным и оскорблённым, быть битым.

А его жена-чекистка — просто садистка. И таких людей всегда тянет друг к другу. И такими людьми кишмя кишит всякая революция, где садисты ищут возможность помучить других, а мазохисты — сами помучиться.

Но и после революции эти люди будут продолжать то же самое — перманентную революцию, то есть, анархию и нигилизм, то самое бердяевское «Ничто, которое ничтожит».

Всё это, якобы, прекрасно знал товарищ Троцкий, который проповедовал перманентную революцию и который подбирал своих последователей вовсе не по политическому признаку, а по психобиологическому признаку.

С клинической точки зрения, это просто душевнобольные психопаты. Но, с одной стороны, они ещё не столь сумасшедшие,

чтобы садить их в сумасшедший дом.

С другой стороны, имя им легион, и этих легионеров столько, что в сумасшедших домах мест не хватит. И, вместе с тем, они будут беситься до тех пор, пока их не уничтожат. У Фрейда это так и называется — комплекс самоуничтожения.

— Итак, — сказал Борис, — получается, что не вы их уничтожаете, а они себя уничтожают. Да?

— Конечно, — кивнул Максим. — Потому Иван Странник и выбрал себе такой псевдоним — Морт, то есть, смерть.

Потом комиссар госбезопасности стал уверять, что таким, как Иван Морт, на воле быть вредно, что, рано или поздно, этот футурист загнётся от наркотиков или покончит самоубийством, как это сделал вождь футуристов Маяковский.

Потому, таких футуристов, чтобы уберечь их от себя, теперь гонят в Сибирь, где их лечат трудом по методу богоискателя Льва Толстого.

Кстати, поскольку для таких людей свобода вредна, так как эта свобода не простая, а специальная, потому богоискатель Бердяев и называет эту метафизическую свободу трагической свободой, которая коренится в «Ничто, которое ничтожит».

В «Вечерней Москве» на последней странице появилось письмо Ирины Корякович, где она публично отреклась от своих родителей и даже заявила, что меняет свою фамилию.

— Ну и стерва, — сказал Борис, читая «вечёрку». — От родных родителей отрекается.

Но начальник 13-го отдела НКВД возразил, что, с точки зрения высшей социологии это типичная проделка дьявола, который любит делать всё в темноте, сзади и наоборот.

— Как так? — сказал Борис.

— Очень просто, — сказал Максим. — Это вовсе не её родители.

— А кто же это?

— Она приёмный ребёнок. Но это от неё скрывали. А когда, после ареста, она узнала правду о своих, так называемых, родителях, всю правду, то у неё началась рвота.

Но это ещё чепуха, — ухмыльнулся Максим. — А вот у футуриста Морта, так у того сын сделан действительно футуристическим путём — искусственным осеменением. То есть, как говорят, пальцем деланный.

— А откуда ты это знаешь?

— Да очень просто. Когда нужно, 13-й отдел запрашивает из поликлиник данные о группах крови данных родителей и их детей. И потом сравнивают результаты. Точно так же, как это делается в суде, когда требуется установить сомнительное отцовство.

— Но зачем делать детей пальцем?

— Да очень просто. Чтобы уменьшить шансы дурной наследственности, которая передаётся по наследству так же, как сифилис.

Нормальные люди об этом, конечно, ничего не знают и даже не подозревают. Но для легионеров это сложная проблема. Так как ключи к этой проблеме в руках у дьявола. И ключи эти — ключи отравленные.

Говоря такую чушь, комиссар госбезопасности уверял, что это высшая социология. А Борис, послушав эту дребедень, только махнул рукой и пошёл спать.

Тем временем, по Москве арестовывали одного за другим всех, кто, так или иначе, был связан с тайным обществом «Голубая звезда».

Так подмели литературного критика Завалюхина с кривым пальцем, который был родственником меньшевика-самоубийцы Завалишина.

Хотя, Завалюхин и подчистил себе в паспорте фамилию, но это не помогло. Его обвинили в том, что у него не только кривой палец, но и душа тоже кривая, что потому он исподтишка расхваливает гнилое упадочническое искусство и даже проповедует бердяевщину.

И начали к нему в 13-м отделе придираться. А откуда у тебя, с точки зрения семантической философии, такая странная фамилия Завалюхин-Завалишин?

Или, может быть, тебе её привесили потому, что уже твои предки были заваль, мусор, гниль? Тот человеческий мусор, который мы теперь чистим, подметаем. И так далее, прочее.

В конце концов, арестовали и родителей Ольги. Их обвинили по статье 58, пункты 10 и 11, то есть, причастность к антисоветским организациям.

Оказывается, живя в Березовке, недалеко от Москвы, они, от скуки, собрали из старых большевиков кружок любителей спиритизма, где, прикрываясь партбилетами, крутили столики и вызывали духов.

Хотя старая большевичка Дора Мазуркина и оправдывалась, что она вызывала, в основном, духа Ленина, чтобы посовещаться с ним по текущей политике, но это не помогло. Теперь общение с духом Ленина считалось антисоветской организацией.

Кроме того, на соседней даче, у мадам Попковой, они создали некий гуманитарный и немножко конспиративный кружочек, где молодые люди, которые не могли найти себе счастье обычным путём, занимались поисками счастья при помощи теософии, то есть, богомудрия мадам Блаватской.

Но теперь, это богомудрие считалось контрреволюционным подпольем, где сатана снюхивается с антихристом.

И начали к этим богомудрым в 13-м отделе придираться. У мадам Попковой было на щеке большое чёрное родимое пятно, величиной, этак, с хороший чернослив, да ещё поросшее чёрным пухом. Так и к этому прицепились. Что это за пятно? Да откуда? Да почему?

— Ах, вы говорите, это просто так. Но в конфискованных у вас, старых большевиков, оккультных книгах говорится, что это не просто пятно. Там говорится, что это печать дьявола или метка ведьмы, которая означает пакт с дьяволом. Так вот, объясните нам, что это такое.

— Ах, вы говорите, это просто так, случайность. Но зачем вы, будучи старыми большевиками, хранили эти оккультные книги?

— Так, так... Муж мадам Попковой был из рода священника, это видно даже по фамилии. Но потом он стал сектантом-субботником. Мгу, перебежчик.

Кстати, мадам Попкова — это по мужу, а какой она сама национальности? Ага, смешанный брак. Как говорил ваш Бердяев — это союз сатаны и антихриста. Не так ли? И даже печать дьявола на щеке.

С оккультной точки зрения, это очень интересно. Потому вы, богомудры, и избрали её жрицей вашего тайного культа. Эх, хотя вы и богомудры, но мы тоже люди учёные. Всё ясно. А ну, старая стерва, подписывай протокол!

— Товарищ следователь, но...

— Что? Гусь свинье не товарищ!

— Гражданин следователь, но ведь мы за революцию боролись...

— За что боролись — на то и напоролись. Подписывай!

— Но...

— Никаких но. Ведь ваш богомудрый Бердяев учил, что иногда хорошо идти по пути зла, так как это приведёт к высшему добру. Видишь теперь, куда это привело? Подписывай!

— Гражданин следователь, но ведь эти организации фиктивные — насчёт антисоветских организаций. Ведь, это неправда...

— Эх, неужели ты, старая ведьма, не понимаешь, что эта неправда для тебя лучше, чем правда. Ведь, за правду, за все твои грехи, тебя расстрелять надо. А за эту полуправду мы дадим тебе только десять лет Сибири. Ну, подписывай!

Так комиссар госбезопасности Максим Руднев объяснял арест своей тёщи-марсианки и тестя-херувима. При этом, он уверял, что такими пустяками сам он, конечно, не занимается и только, как Пилат, умывает руки.

Борису же казалось, что, пользуясь делом «Голубой звезды», Максим сводит какие-то личные счёты и уничтожает всех родственников и знакомых своей мёртвой красавицы жены, того тихого ангела, который завёл его по ту сторону добра и зла, по ту сторону жизни и смерти.

Откровенно говоря, это ещё можно было бы понять. Но вскоре, всё это дело стало ещё более запутанным.

Пока 13-й отдел НКВД занимался обысками у врагов народа, Борис, время от времени, обыскивал комнату начальника 13-го

отдела НКВД. Просто так, из любопытства.

И так он наткнулся на серую папку, заглянул в неё, и ему стало немножко, страшно. Это было дело, которое касалось самого Сталина, вернее, его жены.

Вторая жена Сталина, Надежда Аллилуева, тоже была красавицей, которую Сталин, как говорили, тоже очень любил. И она тоже умерла при загадочных обстоятельствах. Одни говорили, что она покончила самоубийством, а другие — что Сталин её убил.

А в серой папке были всякие подробности. Оказывается, странная для жены Сталина фамилия — Аллилуева — происходила от того, что её предки были священниками. Затем пометка, что брат жены Сталина, Павел Аллилуев, женился на дочери священника, и это уже в советское время.

«Странно, — подумал Борис, — ведь и сам Сталин тоже учился на священника. И создатель ЧК Дзержинский, обнажённый меч революции, тоже собирался стать ксендзом. А что из них получилось?

А потом эти же самые Сталин и Дзержинский гонят всех священников в Сибирь. Действительно, получается что-то вроде марксистского закона о единстве и борьбе противоположностей».

В серой папке упоминался и второй брат жены Сталина, Федор Аллилуев, о котором официально нигде не сообщалось. А не сообщалось по той простой причине, что Федор Аллилуев был сумасшедшим. Он сошёл с ума ещё во время гражданской войны.

Следом в серой папке шла старшая сестра жены Сталина, Анна Аллилуева. В молодости она училась в Петербургском психоневрологическом институте, собираясь стать врачом психиатром.

Но она не окончила этот институт, так как сама оказалась психически больной. Шизофрения. Несколько сестёр её матери Ольги Аллилуевой тоже были больны шизофренией.

Отец жены Сталина, Сергей Аллилуев и его жена Ольга были профессиональными революционерами. Но теперь по Москве шептали, что и они тоже арестованы, как враги парода. И каждому было ясно, что никто не может арестовать тёщу и тестя Сталина, кроме как по приказу самого Сталина.

Вскоре после этого, арестовали Павла Аллилуева, брата любимой жены Сталина. Затем, подмели Станислава Реденса, крупного работника НКВД.

Из Главного управления НКВД — прямо в подвал — и пулю в затылок. Но все знали, что Реденс — это муж Анны Аллилуевой, сестры любимой жены Сталина.

Итак, Сталин не только загнал в концлагерь отца, мать и брата своей любимой жены, но даже ликвидировал своего свояка!

В серой папке указывалось, что после смерти своей любимой жены, Сталин всячески ругал книгу, которую его жена читала перед смертью. Это был модный роман «Зелёная шляпа» Михаэля Арлопа.

Тут же справка специалистов 13-го отдела: кончается этот роман самоубийством, в результате сифилиса. И рукой Максима примечание: «Легионеры так боятся самого слова «легионизация», что, говоря о легионизации, они, обычно, сваливают вину на невинный сифилис. Типичное явление».

«Странно, — подумал Борис, листая серую папку, — ведь недавно Максим тоже болтал про какую-то болезнь, которая передается по наследству вроде сифилиса, но которая гораздо хуже сифилиса.

Кстати, ведь и про Ленина тоже говорили, что он был сифилитиком. Но что это за легионизация? И что это за легионеры? Опять какой-то чёртов шифр этого чёртова 13-го отдела».

Затем, в серой папке шёл список кремлёвских вдов.

Жена первомарксиста Плеханова — Роза Марковна.

Жена Чичерина — тоже какая-то библейская Роза.

Жена Бухарина — Эсфирь Гурсвич.

Жена Каменева — Ольга Давидовна, младшая сестра Троцкого.

Жена легендарного героя революции Щорса — Мария Хайкина.

И список это был довольно длинный. Следом шёл список кремлёвских дам.

Жена наркома обороны Ворошилова — Екатерина Давидовна.

Жена наркоминдела Молотова — мадам Жемчужина-Перлеман.

Жена наркома путей сообщения Андреева — Дора Моисеевна Хазан.

И, наконец, третья, хотя и неофициальная, жена Сталина — **Роза Каганович**.

Тут же было примечание, что это не то сестра, не то племянница наркома тяжёлой промышленности Лазаря Кагановича, но выяснить это трудно, так как она — приёмный ребёнок и это — семейная тайна.

«Странно, — подумал Борис, — что это там такое в Кремле? Специальное брачное бюро по подысканию кремлёвским вождям еврейских жен? И почему этим интересуется 13-й отдел НКВД?»

«Сначала глупые библейские бредни, что дьявол — это князь мира сего. Потом болтовня философа-богоискателя Бердяева про сатану, антихриста, про братство в антихристе и, в результате, царство князя мира сего.

Но почему 13-й отдел соглашается, что сатана и антихрист не только существуют, но даже и женятся?!

И зачем эти странные списки библейского персонала среди кремлёвских жён?! Половина из них уже стала вдовами. А недавно и жену Молотова тоже подмели. Вроде какая-то закономерность. Но какая? Что это такое?»

Мозговой трест профессора Руднева работал довольно основательно. Они не оставили в покое даже первую жену Сталина, Екатерину Сванидзе, которая давно умерла.

В официальной биографии Сталина говорилось, что она была бедной крестьянкой.

Но в серой папке стояло, что брат первой жены Сталина Александр Сванидзе женился на Марии Корона, из семьи богатых евреев, выходцев из Испании, что оба они получили прекрасное

образование за границей, после чего Александр Сванидзе занимал крупный пост в советском правительстве.

Судя по этому, вряд ли первая жена Сталина была бедной крестьянкой.

Но дело не в этом. Дело в том, что вся Москва знала, что брата первой жены Сталина недавно арестовали, как врага народа.

Вместе с ним подмели не только его жену Марию Корона, но и их сына Джоника. Этот бедный Джоник с детских лет страдал врождённой неврастенией и постоянно лечился в психоневрологическом диспансере.

Вслед за Александром Сванидзе арестовали и его сестру Марико, то есть, сестру первой жены Сталина. У жены Александра Сванидзе, Марии Корона, был брат — так и этого брата тоже подмели.

Но все москвичи прекрасно знали, что никто не посмеет арестовать родственников Сталина, кроме как по прямому приказу самого Сталина.

Борис захлопнул зловещую папку. Итак, Сталин не только ликвидировал всю семью своей возлюбленной второй жены, но и истребил до самого корня всех родственников и своей первой жены.

Но ведь, это в точности то же самое, что получилось у Максима и Ольги! Неужели Максим столь слепо идёт за Сталиным? Или, может быть, наоборот? Может быть, Сталин идёт по стопам своего сумасшедшего тайного советника? Но что это за чертовщина?

Ища ответа, Борис перевернул серую папку. На обложке, где обычно стоит название дела, было написано: «Дело князя мира сего».

На оборотной стороне папки, где Максим любил делать свои заключения, стояло что-то непонятное: «И Он пришёл обличить мир о грехе и о правде и о суде:... о суде же, что князь мира сего осуждён».

А наискосок красными чернилами резолюция: «Приговор утверждаю. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит». И внизу подпись комиссара госбезопасности СССР Максима Руднева.

Но, если Максим только утверждает этот приговор... То кто же вынес этот приговор по делу о князе мира сего?

Глава 7. Змея и меч

Из уст же Его исходит острый меч... Он взял дракона, змея древнего,

который есть дьявол и сатана, и сковал его на тысячу лет.

Откровение святого **Иоанна Богослова**. 19:15; 20:2

Чем больше свирепствовала Великая Чистка, тем чаще Борис производил обыски в комнате начальника 13-го отдела НКВД, пытаясь разгадать тайны этой загадочной чистки.

На столе Максима постоянно лежали вырезки из международной прессы, где много писали об охоте на ведьм в СССР, возмущались этим — и никто ничего не понимал.

Во время одного из таких обысков Борис наткнулся на жёлтую папку с надписью: «Дело № 69/ПЛ. — Властелины человеческих душ».

Листая эту папку, Борис вспомнил дело «Голубой звезды» и печальный крик души Максима: «Эх, если бы я знал это раньше! Как много горя и несчастья — и только потому, что я не знал этого».

Это после того, как Максим обнаружил, что его мёртвая красавица жена хотя и выглядела как тихий ангел, но, на самом деле, была какая-то полукровка, не то полуангел и полумарсианка, не то помесь сатаны и антихриста.

Тогда Максима заинтересовало, почему об этом так мало пишут в прессе? Почему молчат писатели и поэты? Почему они не выполняют свой гражданский долг — предупредить сограждан об опасности со стороны сатаны и антихриста? А если и пишут, то почему они всегда чего-то недоговаривают?

И тогда Максим отдал своему Научно-исследовательскому институту НКВД приказ произвести по этому поводу специальное расследование.

Писателей и поэтов издавна называли властелинами человеческих душ. В советское время их называли инженерами

человеческих душ. А в жёлтой папке были результаты следствия об этих властелинах человеческих душ.

Мозговой трест профессора Руднева начал своё следствие с поэтов. И чтобы подвести солидный исторический фундамент, как это полагается в серьёзных научно-исследовательских работах, всё начиналось со ссылок на античные авторитеты. И эти авторитеты говорили следующее.

Древнегреческий философ Аристотель, величайший ум античного мира, рассуждая о взаимосвязи между умом и безумием, писал, что гениальность и помешательство, чаще всего и ярче всего, встречаются у поэтов.

Философ Демокрит, один из основоположников материализма, прямо говорил, что человека в здравом уме он не считает настоящим поэтом.

А знаменитый философ Платон, один из основателей объективного идеализма, в своей книге «Государство», для построения коммунистического общества ставил такое обязательное условие: изгнать всех поэтов за границы этого государства.

«Бедные поэты!» — подумал Борис.

Чтобы казаться объективными, специалисты 13-го отдела делали примечание, что лучший русский поэт Пушкин был исключением из этого правила, он был чистым гением, солнечным гением — т. е., совершеннейше нормальнейшим человеком.

Но, следуя советам древних философов, 13-й отдел считал, что в принципе поэзия — это признак ненормальности и что с поэтами нужно держать ухо востро.

«Кто же из них прав: философы или поэты?» — подумал Борис. Всё это казалось странным, запутанным и непонятным.

Зато, дальнейшее напоминало остроумный еврейский анекдот. В таких анекдотах, если требуется разрешить какую-нибудь трудную и щекотливую задачу, то нужно только найти умного еврея, который всё моментально и очень ловко сделает.

Так поступил и 13-й отдел НКВД. Чтобы разрешить путаное дело о властелинах человеческих душ, мозговой центр профессора Руднева взял себе на помощь не только одного умного еврея, а целых трёх из ранее живших умных евреев.

И это даже объяснилось почему. Якобы потому, что корни этого дела нужно искать в Библии и учении апостолов. И это уже, своего рода, еврейская профессия. И эти три умных еврея, каждый по-своему, как бы продолжают линию библейских апостолов.

Первым апостолом 13-го отдела был профессор Ломброзо, отец научной криминологии, который был знаменитым психиатром и заведовал сумасшедшими домами, где он собирал свои наблюдения.

Прославился он, в основном, своей теорией, что гениальность тесно связана с вырождением или, попросту говоря, с дегенерацией, которая, в свою очередь, тесно связана с душевными болезнями.

Идя дальше по этому пути, профессор Ломброзо написал учёную книгу «Политические преступления и преступники», где он, на основании богатого фактического материала, доказывал, что большинство политических заговорщиков и революционеров, в том случае, если они проигрывают, то попадают на плаху, на виселицу или под расстрел, а если они выигрывают, то становятся вождями, диктаторами, премьерами или президентами, то есть, князьями мира сего, но все они, в большинстве случаев, в принципе, те же самые душевнобольные выродженцы, дегенераты и маньяки.

Двигают ими не любовь к свободе, равенству и братству, о чём они всегда кричат, а маниакальная, болезненная жажда власти, характерная для определённой категории дегенератов.

Это — некий специальный комплекс власти, у которого есть специальная формула. И если знать эту формулу, то...

Конечно, всё это страшно заинтересовало 13-й отдел НКВД. И в особенности, таинственная формула власти. Как-никак, но ведь, профессора Ломброзо считают отцом научной криминологии.

Вторым апостолом 13-го отдела шёл ученик профессора Ломброзо, доктор Нордау-Зюдфельд, который нашумел своей книгой «Вырождение», где он разобрал по косточкам всех властелинов человеческих душ 19 века: Ницше, Шопенгауэра, Толстого, Золя, Флобера, Бодлера, Ибсена и так далее — и пришёл к печальному выводу, что, с точки зрения медицины, все они явные выродженцы и душевнобольные.

От этого открытия доктор Нордау явно волновался. Но властелины душ, хотя и душевнобольные, спокойно сидели на своих пьедесталах.

Третьим апостолом 13-го отдела шёл знаменитый доктор Фрейд, отец психоанализа, который доказал, что психические болезни, как правило, связаны с половыми извращениями, и наоборот. А потому, зная одно, можно судить о другом.

Иначе говоря, гениальный Фрейд утверждал, что дьявол дегенерации прячется в двух местах — в голове и в штанах человека. Но в голову человека так просто не заглянешь.

А заглянуть ему в штаны гораздо проще. И тогда можно судить, что происходит у него в голове. Но это было как раз то, что и требовалось специалистам 13-го отдела НКВД.

Ведь, так можно переловить всех политических преступников. А ну, дядя, снимай-ка штаны! Просто — до гениального. Единственная загвоздка только в том, что в эту ловушку попадут почти все гении.

Чтобы не ошибиться, 13-й отдел НКВД взял, в качестве свидетеля, ещё четвёртого хитроумного еврея.

Это был апостол философии экзистенциализма Кьеркегор, горбун и нытик, который утверждал, что со времени изобретения печатного пресса, дьявол поселился в печатной краске.

А поскольку, в наше время, пресса — это, своего рода, шестая великая держава, которая, в определённой мере, как бы, княжит над миром, то, в результате, теперь невозможно проповедовать христианство. Тебя просто не будут печатать.

Как ни странно, но с Кьеркегором полностью соглашается знаменитый французский писатель Андре Жид, который совершенно серьёзно заявляет, что нет книги, которая была бы написана без помощи дьявола.

Примечание специалистов 13-го отдела: «Конечно, он сам педераст. Но мы эту символику тоже знаем».

Подведя столь солидную научную базу, мозговой трест профессора Руднева стал проверять эти теории на практических примерах.

Первым делом, сняли штаны с великого гуманиста Льва Толстого, заслуженного богоискателя, которого почему-то со скандалом отлучили от церкви, и сиятельного графа, которого сам Ленин называл зеркалом русской революции.

Чтобы не было недоразумений, слово предоставлялось самому Толстому. В своем личном дневнике от 29 ноября 1851 года он писал следующее:

«Я никогда не любил женщину... но я довольно часто влюблялся в мужчин... Я влюбился в мужчину, ещё не зная, что такое педерастия... Например, Дьяков — я хотел задушить его поцелуями и плакать».

В своей «Исповеди» Толстой писал так: «Я чувствовал, что я не совсем здоров душевно».

А в это время, второй великий русский писатель — Достоевский писал так: «О Льве Толстом... слышно, что он совсем помешался».

На это Толстой отвечал Достоевскому, что тот сам больной и все его герои тоже больные. При этом, подразумевались, не больные желудком, а душевнобольные.

«Боже, — подумал Борис, — вот это так обмен любезностями между гениями!»

Чтобы разрешить этот спор, 13-й отдел ссылался на знаменитого психиатра Россолимо, который лечил Толстого и поставил такой диагноз: «Дегенеративная двойная конституция: паранойяльная и истерическая с преобладанием первой».

А чтобы Толстому не было обидно, профессора 13-го отдела выкопали каких-то фрейдистов-психоаналитиков, которые, при помощи всяких фиглей-миглей высчитали, что в жизни и творчестве Достовского тоже есть некие «тенденции гомосексуального порядка».

Так помирили Толстого и Достоевского: оба они правы — оба больные.

В жёлтой папке указывалось, что в молодости Достоевский был членом кружка революционеров-петрашевцев, за что его приговорили к смертной казни, которую потом заменили каторгой, где его лечили по методу Толстого, который проповедовал «лечение трудом».

После этого, Достоевский действительно вылечился от своих бывших революционных взглядов и стал писателем-реакционером.

Позже в своих «Бесах» он писал о своих бывших приятелях-петрашевцах, что это было «противоестественное и противогосударственное общество человек в тринадцать».

«Странно, — подумал Борис, — Достоевский бросает какие-то тёмные намёки насчёт числа 13. А Толстой, как нарочно, наделал 13 детей. А за ними охотится 13-й отдел НКВД. Что это такое?»

Вслед за графом Толстым сняли штаны с великого пролетарского писателя Максима Горького. Этот буревестник революции, в своё время, писал, что чудаки украшают жизнь.

Но он и сам был большим чудаком. В 19 лет он пытался застрелиться. Потом женился — и вскоре развёлся. Его родной ребёнок остался с женой, а Горький взял себе приёмного ребенка. И вот тут он действительно учудил.

Обычно люди стараются взять себе приемного ребёночка помоложе. А Горький, которому тогда было 35 лет, усыновил 19-летнего парня. Вот уж, действительно чудак!

Но это ещё не всё. Этим приёмным ребёночком был некий Зиновий Свердлов, родной брат Якова Свердлова, который позже, после революции, был Председателем ВЦИК, то есть, главой Советского государства!

И стали в 13-м отделе к Горькому придираться. А зачем это тебе понадобился не просто мальчик, а 19-летний мальчик? Да не просто мальчик, а еврейский мальчик? Да ещё родной брат заядлого революционера? Ну и так далее.

Листая жёлтую папку, Борис вспомнил дело кремлевских врачей-отравителей.

Тогда, во время памятных московских процессов, доктор Левин публично, в присутствии иностранной прессы признался, что Горький и его сын, не приёмный, а родной, были потихоньку отравлены по приказу начальника НКВД Гершеля Ягоды.

Да, но кто приказал это Гершелю? И почему?

Странно всё это. Ведь, Великая Чистка началась после убийства Кирова в Ленинграде. И после этого говорили, что в Ленинграде

вдруг, в одну ночь, переарестовали всех педерастов.

Значит, все они были заранее на спецучёте, не тронули только танцоров балета. Иначе Ленинград остался бы без балета.

Кроме того, танцоры работают не головой, а ногами. И потому НКВД было безразлично, что у них в голове. Но писатели работают не ногами, а головой...

И еще одна странная вещь. После революции, в числе всяких революционных свобод, полную свободу получили педерасты.

Впервые, за всё время существования России, педерастия была вычеркнута из нового советского уголовного кодекса.

А в жёлтой папке подчёркивалось, что подобная же странная вещь произошла во Франции после Великой французской революции.

Но, незадолго до начала Великой Чистки, свобода для педерастов окончилась — педерастию снова ввели в уголовный кодекс.

Это факты. А факты, как говорит товарищ Сталин, — это упрямая вещь. Но что скрывается за этими фактами?

Чем больше Борис заглядывал в тайны 13-го отдела, тем меньше он понимал. Раньше он считал, что Максим слегка помешался.

А теперь, у этого помешанного ещё целый мозговой трест, похожий на трест сумасшедших.

Раньше был заговор кремлёвских врачей-отравителей. А теперь, в жёлтой папке какой-то заговор врачей-психиатров.

Ото всех этих заговоров Борису стало скучно. Потому, он захлопнул дело о властелинах человеческих душ и пошёл играть в волейбол.

* * *

Однажды вечером, когда Максим сидел дома, Борис нашёл у него на столе книгу по истории средневековой инквизиции, которой он, по-видимому, пользовался, как справочником для усовершенствования работы НКВД.

В этой книге говорилось, что за время охоты на ведьм, в Европе отправили на тот свет 9 миллионов ведьм и колдунов.

— Ого-го! — сказал Борис. — Неужели 9 миллионов?

— Это пишут адвокаты дьявола, — возразил доктор социальных наук. — И они нарочно преувеличивают. Более достоверные источники называют 30 тысяч. Это приблизительно за 300 лет. То есть 100 человек в год — по всей Европе. С точки зрения криминальной статистики, это не так уж много.

— Да, но всё-таки. Ни с того, ни с сего — пожалуйте на костёр.

— Нет, всё это немножко не так. Адвокаты дьявола просто помалкивают, что этому почти всегда предшествуют серьёзные преступления — уголовные или политические.

За подобные дела в той же Европе и сейчас выносят смертные приговоры — и не меньше. И если присмотреться, это те же люди, кого инквизиция ликвидировала, как ведьм и колдунов. Вся разница в терминологии. Вот и всё.

— Всё это чепуха, — сказал студент. — Бабьи сказки.

— Чепуха... Когда произошла Великая французская революция, то, за три года, на гильотину попало больше миллиона человек. В большинстве случаев — совершенно невинных.

А позже выяснилось, что все вожди этой революции оказались людьми того самого типа, кого раньше называли ведьмами и колдунами.

Так что лучше: если б за 3 года ликвидировали 300 этих ведьм и колдунов, включая и всех вождей революции, или миллион невинных жертв гильотины? И та же самая история с советской революцией.

— Хорошо, — сказал Борис, — допустим, что это так. Но почему об этом так мало известно?

— Потому, что это известно очень многим. Но все они будут молчать — или всё оспаривать. Потому в Евангелии и сказано: имя моё легион.

90 процентов этого легиона — это люди, более или менее безобидные. Это, как бы, святые. А на долю остальных 10 процентов легиона приходится 90 процентов всех преступлений рода человеческого.

Это, как бы, грешники. Но если сказать, что это за легион, то все — и святые, и грешники — подымут такой вой... что лучше этого не говорить.

Комиссар госбезопасности махнул рукой:

— В общем, это проблема сложная. Тут и святые грешники — и грешные святые. И комбинаций здесь — как в калейдоскопе. Я Сталину объяснял-объяснял. А он говорит: «Гоны их всэх в Сыбыр. И святых, и грэшников!»

Как-то Максим проговорился, что планы Великой Чистки предусматривают ликвидацию или изоляцию 5 процентов населения СССР. При населении в 180 миллионов это составляет 9 миллионов.

Планы чистки были рассчитаны на 3 года. То есть, за 3 года догнать и перегнать то, на что средневековой инквизиции понадобилось 300 лет. Потом, доктор социальных наук добавил:

— Во всех книжках стоит 5 процентов. Но я сказал Сталину, что можно понизить до 4 процентов. Видишь — я добро делаю.

Глазами фанатика он уставился в тёмную ночь за окном.

— Вот Достоевский в своих «Бесах» описывал революционеров. И он предсказал, что Россия переболеет тяжёлой болезнью. Он знал, что это за болезнь. И я знаю.

А потом, все эти язвы, все миазмы, все нечистоты, все эти бесы сгинут, войдут в свиней, бросятся в пропасть...

И тогда, матушка-Россия, переболев, молодая и здоровая, снова усядется у ног Спасителя... Вот я, раб Божий... или бич Божий, и помогаю этому историческому процессу. Но никто этого не понимает...

Тем временем, на Страну Советов надвигалось солнечное затмение. Рай, который обещала революция, всё больше превращался в ад. По земле шла чистка, а в небе повисло чёрное солнце.

Когда Ленин подготовлял революцию, он клеймил жестокости царского правительства и агитировал за отмену смертной казни в будущей России.

Но, как только большевики пришли к власти, за первые 3 года ЧК перестреляла больше людей, чем вся династия Романовых за 300 лет.

Теперь же говорили, что, в связи с чисткой, вышел новый указ Верховного Совета о понижении возраста уголовной ответственности с 18 лет до 14 или даже 12 лет — причём, вплоть до расстрела. Итак, вместо отмены смертной казни теперь её распространили даже на детей.

В труддома и трудколонии для малолетних преступников приезжала комиссия НКВД. Пересматривали дела. Составляли списки. А потом по этим спискам начались массовые расстрелы несовершеннолетних.

Рассказывали, что но ночам трупы расстрелянных вывозили на городскую свалку, рыли глубокую яму, сваливали туда трупы, как падаль, заливали известью, а сверху, чтобы не разрыли бродячие собаки, засыпали кучами мусора. Этим, как будто, хотели подчеркнуть: хороним, мол, человеческий мусор.

Всё это были плоды работы Научно-исследовательского института НКВД, которым руководил доктор социальных наук Максим Руднев. Дома Максим оправдывался:

— Что вы будете делать с 14-летним мальчишкой, за которым уже три убийства? Раньше считали, что такой убийца — это жертва социальных условий, которого будет легко перевоспитать, если изменить эти условия.

Но практика показала, что социальные условия играют некоторую роль, только в случае лёгких преступлений. А в случае тяжёлых преступников-рецидивистов, причины, обычно, заложены не в окружающей среде, а внутри данного человека, в его психике.

И переделать такого человека нельзя. Его можно только изолировать. Но даже и в изоляции, в трудколонии или лагере, конечный результат один и тот же: или он кого-то кокнет или его кокнут. Потому, с такими решили не возиться, а просто ликвидировать.

В царские времена делали различие между политическими и уголовными преступниками. А теперь всех уравняли и политических сажали вместе с ворами и бандитами. Причём, с политическими обращались хуже, чем с уголовными.

Максим объяснял это так:

— С научной точки зрения, в принципе, каждому преступлению соответствует определённый психический комплекс.

Например, поджигатели. Этому соответствует то, что в психиатрии называется пироманией, то есть, болезненное тяготение к пожарам, ведущее к поджогам.

Примитивный человек идёт и поджигает дом. А гнилой интеллигентик делает то же самое в уме — он поджигает общество, государство, раздувает революционные пожары.

Но технически, для психиатров — они оба пироманьяки. А кто из них хуже: кто поджигает дом или целое государство? Потому, с такими интеллигентиками теперь и церемонятся меньше, чем с уголовниками.

Затем, доктор социальных наук стал доказывать, что подобная же психическая взаимосвязь есть между бандитами и революционерами.

Потому Сталин и Пилсудский, в своей политической карьере, не брезгали самым обычным бандитизмом, называя это экспроприациями для нужд революции.

— Нахлебались мы этих революций, — сказал он. — Теперь мы люди учёные. Потому, теперь мы и сажаем бандитов и революционеров в одну яму.

В следственных органах НКВД ввели, так называемые, методы физического воздействия, что означало пытки. И в НКВД появилась ещё одна профессия: теломеханики, то есть, заплечных дел мастера.

Во время следствия, арестованные враги народа попадали в руки теломехаников, которые пропускали их через методы физического воздействия, после которых они сознавались, что все они контрреволюционеры, иностранные шпионы, террористы, вредители и диверсанты.

— Но ведь, это всё выдумки! — возмущался отец.

— Конечно выдумки, — согласился Максим. — Мы даём списки с готовыми приговорами. И следователи больше ничего не знают. Их дело — добиться формальных сознаний. В чём угодно. И любыми средствами.

— Но, в чём же эти люди виноваты?

— В том, что они принадлежат к тому классу, от которого исходит 90 процентов всех зол и бед рода человеческого. В том числе почти все революционеры, шпионы, террористы, вредители и диверсанты. Просто, мы не ждём, пока они это сделают, а ликвидируем их в превентивном порядке. Как класс.

— Но что это за новый класс?

— Это тот старый класс, который, в своё время, называли чертями, ведьмами и колдунами, — спокойно ответил доктор социальных наук. — Это просто специальные типы людей. С особыми качествами. Такие типы были, есть и будут. Даже в новом, социалистическом обществе.

Раньше максимальный срок заключения или ссылки был 10 лет. Теперь же этот максимум повысили до 25 лет.

Кроме того, некоторым категориям заключённых, по истечении их срока, автоматически давали новые сроки, что практически означало пожизненное заключение.

— Почему набавляют сроки? — протестовал отец.

— Потому что в этих людях сидят бесы, — отвечал советник Сталина по делам нечистой силы. — Те самые, о которых писал Достоевский. Или ты не веришь Достоевскому?

— Но ведь, это литература!

— Нет, нет, он знал, о чём он писал. И я знаю. Их нужно держать в лагере до 60 лет. Чтобы не наплодили новых бесенят.

От ночной работы и алкоголя у Максима появились под глазами отёки, а кожа приобрела какой-то нездоровый, землисто-серый, оттенок. Иногда он сидел пьяный, посеревший и бормотал:

— Эх, и какой только чёрт впутал меня в это грязное дело?

В результате постоянного отравления алкоголем, однажды у Максима началась дикая рвота. В течение нескольких часов его буквально выворачивало наизнанку. До крови. Потом он согнулся, как пустой мешок, и жаловался:

— Видите, до чего мне противно всем этим заниматься? До рвоты... Потому я и оглушаю себя водкой... Но это историческая необходимость... Я должен...

Младший брат насмешливо прищурился:

— А ты помнишь, Макс, как когда-то ты клянчил у Бога это самое, чтобы он сделал тебя большим и сильным?

— Ну и что?

— Не забывай, что в обмен ты предлагал укоротить твою жизнь. Смотри, а то ещё окочуришься от водки.

— Мне на свою жизнь наплевать, — сказал комиссар. — Только б дотянуть до конца.

Но до конца чистки было ещё далеко, и, в порядке повышения квалификации, Максим теперь изучал мемуары бывших руководителей царской охранки.

Там стояло, что организатор ЧК Дзержинский, которого называли обнажённым мечом революции, в молодости хотел стать католическим ксёндзом. А потом стал кокаинистом.

— Неужели это правда? — спросил Борис.

— Конечно, — сказал Максим. — По закону диалектического материализма о единстве и борьбе противоположностей.

— Как так?

— А так. Ведь, инквизиция вербовалась только из монахов-францисканцев и доминиканцев. Потому что монахи лучше знают проблемы грешников. Потому они и лупят друг друга. Вот это и есть то самое: единство и борьба.

Согласно этому противоречивому закону марксистской диалектики, теломеханики НКВД безжалостно выколачивали из бывших революционеров дознания в контрреволюции и приговаривали:

— Мы вас научим свободу любить! За что боролись — на то и напоролись!

Начитавшись жандармских мемуаров, Максим сидел и укоризненно бормотал:

— Эх, не умели они работать... Вот если б у царя был такой человек, как я, — и не было бы революции... Взял бы я Ленина за бороденку: «Ты думаешь, я не знаю, кто ты такой?!»

Потом красный кардинал начинал бредить, что первым делом он снял бы с Ленина штаны и устроил ему медицинское обследование. Так, словно у Ленина под штанами спрятаны хвост и копыта.

Иногда Максим говорил более или менее рационально. Но иногда он плёл несусветную чушь, уверяя, что это, мол, философия и высшие материи.

Так Максим уверял, что концлагеря изобрел не кто иной, как великий гуманист Лев Толстой, который в своих философствованиях проповедовал теорию «лечения трудом».

Потому-де граф Толстой надевал лапти и демонстративно ходил за сохой. А по его рецепту теперь миллионы людей лечат трудом в концлагерях.

Или Максим доказывал, что сибирские шаманы, которых он когда-то обследовал, это не простые люди, а особые. Что у них есть какая-то тайна. И что эта же тайна есть у негритянских колдунов в Африке.

Потом он договорился до того, что многие вожди современного мира — как бы они там ни назывались — с научной точки зрения, это то же самое, что сибирские шаманы и негритянские колдуны.

У всех у них есть какая-то тайная формула власти. Но если эту формулу знать, то у сильных мира сего можно найти очень слабые места. Тут советник Сталина многозначительно хихикал.

Как-то Максим даже признался, что он знает эликсир жизни, о котором писали средневековые алхимики. Он стал перечислять великих людей, которые жили очень долго, и уверял, что все они употребляли этот эликсир.

— Это что? — спросил Борис. — Варёные лягушки и сушёные тараканы?

— Нет, хуже.

— Что же это такое? Маринованные гадюки?

— Ху-уже.

— А ты этот эликсир пил?

— Нет, — поморщился Максим, — лучше я умру, когда мне положено.

Потом он грязно выругался. В качестве высшей мудрости в его философии нередко проскальзывали непечатные ругательства.

Но он уверял, что и за этими бессмысленными ругательствами тоже скрывается какой-то тайный смысл, который знают только ведьмы и колдуны.

Вместе с чисткой по стране растекалась чёрная реакция. Заткнули рот левым писателям, процветавшим после революции. Наступили на горло поэтам, ищущим новых форм в искусстве. Из Третьяковской галереи повыбрасывали кубистов, конструктивистов и прочих революционеров в живописи.

Кровавая свистопляска ежовщины принимала столь абсурдные формы, что по Москве ходил такой анекдот. НКВД арестовал педераста и обвиняет его в контрреволюции. Обвиняемый, оправдывается:

— Да я просто педераст...

— Мы лучше знаем, кто вы такой, — отвечает НКВД. — За извращение линии партии — пять лет. И пять — за вредительство. Итого, десять.

Попутно с массовыми расстрелами и ссылками врагов народа, летом 1936 года в газетах появился указ правительства о запрещении абортов.

Люди потихоньку шептали, что это сделано для того, чтобы пополнить убыль населения в результате чистки. То, что в личном аспекте драма, в государственном масштабе — только статистика.

Когда дома начинались пререкания с отцом, Максим оправдывался:

— Я за другие отделы не отвечаю. Некоторые отделы работают по старинке и хватают по принципу: тот, кто не с нами, тот против нас. Погоди, согласно диалектическому закону я ещё и до них доберусь.

На третьем году чистки змея, красовавшаяся на рукавах работников НКВД, начала кусать себя за хвост. Великая Чистка ежовыми рукавицами НКВД завершилась чисткой самого чистилища НКВД.

Теперь по ночам «чёрный ворон» охотился за вчерашними руководителями этой кровавой вакханалии. Родные опасались за судьбу Максима. Но он, наоборот, чувствовал себя, как рыба в воде и даже хвастался:

— Ведь я ж вам говорил, что я и до них доберусь... Неожиданно со стен исчезли портреты и самого железного наркома Ежова. А Максим, придя домой, устало пошатывался и довольно потирал руки:

— Бобка, а ты зна-а-ешь, что с граж-жданином Ежовым?

— Ну и что?

— Я его того... лик-ик-лик-виднул!

— Врешь.

— Нет, ей-Богу, не вру... Вот этими самыми рук-ками. Посмотри... — Пальцы комиссара дрожали мелкой нервной дрожью.

От постоянного отравления алкоголем Максим совершенно потерял аппетит. За ужином он вяло жевал, даже не глядя, что у него на тарелке, и рассуждал:

— Смотрите... Как сказал папа Иннокентий, черти и колдуны всегда стараются делать людям зло. С точки зрения диалектического материализма — это просто специальные типы людей...

А где эти типы могут делать зло безнаказанно? Конечно, в НКВД. Следовательно, в НКВД их должно быть процентуально больше, чем где-либо... Ну, вот я и рассчитал так...

Сначала я их грязными руками подчистил всю нечисть кругом... А потом взялся и за них самих... Ясно?!

Ученик папы Иннокентия иронически скосил бровь:

— Всё это в точности, по основному закону диалектического материализма. Насчёт единства и борьбы противоположностей... как двигателей исторического процесса... То есть, геноссе Карл Маркс, в дьяволе Бог! Ну, вот я вам теперь и покажуу-у, где Бог, а где дьявол...

Тут начальник 13-го отдела НКВД стал громко сожалеть, что Карл Маркс не попал в его руки. А если б попал, то в 13-м отделе его б

моментально разоблачили как прожжённого английского шпиона и диверсанта.

— Ленин был прав, когда говорил, что Англия — это международная проститутка. И она всегда работала против континентальной Европы.

Ведь, Маркса постоянно финансировал Фридрих Энгельс. А откуда шли эти денежки? Из тех капиталов Энгельса, которые были в Англии.

Итак, фактически через подставное лицо — Энгельса — Карл Маркс постоянно финансировался английским правительством. Как идеологический саботажник. А куда Карл Маркс, в конце концов, сбежал? Знал куда — в Англию!

Но мы все эти фокусы тоже знаем... — Комиссар госбезопасности вытянул руку со змеёй и мечом на рукаве: — Эх, взял бы я этого Карла за бороду: «А ты думаешь, я не знаю, почему у тебя две дочки покончили самоубийством?.. И при каких обстоятельствах?»

Отец Руднев всегда критиковал марксизм. Но тут он вступился за Маркса:

— А при чём здесь его дети?

Максим с деланным отчаянием развёл руками:

— Учу я тебя, учу, а ты всё ещё не знаешь Евангелия?! Ведь, там же чёрным по белому написано: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их».

Отец смущённо вертел своё пенсне, а комиссар потешался:

— Ну, а что дальше? Тоже не знаешь?! Давай я тебе подскажу: «Собирают ли с терновника виноград или с репейника смокву?

Так всякое древо доброе приносит и плоды добрые, а древо худое приносит и плоды худые: не может древо доброе приносить плоды худые, ни древо худое приносить плоды добрые. Итак, по плодам их узнаете их».

Вон и дочка товарища Троцкого тоже покончила самоубийством. И не в подвалах НКВД, а в городе Берлине.

— Но это, может быть, опять-таки, случайность...

— Не забывай, что в науке ряд случайностей — это уже закономерность.

Вот когда арестовывали маршала Тухачевского, его дочка, ещё совсем ребёнок, тоже покончила самоубийством. А его жена, актриса Наталия Сац, сошла с ума, и ее посадили в сумасшедший дом.

Но, по этому можно судить — психоаналитически — и о самом Тухачевском. Он хотел быть красным Бонапартом. Но теперь, нам Бонапарты не нужны.

Кстати, единственный сын Наполеона Бонапарта — Орлёнок был кретином и умер от мозговой болезни. Ничто не ново под луной. Нужно только знать историю.

После ужина, красный кардинал Сталина, вместо десерта, налил себе стакан водки и заявил, что недавно он беседовал с самим Иисусом Христом.

Что можно сказать о таком человеке? Конечно, сумасшедший. Отец наклонил голову и посмотрел на него поверх пенсне — как на сумасшедшего. Но Максим и здесь вывернулся.

— Не беспокойтесь, — усмехнулся он. — Вы все, конечно, знаете, что в каждом сумасшедшем доме есть свой Наполеон. Но если поискать, то вы найдёте там и дурочку, которая уверяет, что она дева Мария. А в каждом хорошем сумасшедшем доме есть и свой Иисус Христос...

— Кхм-м! — кашлянул отец и недовольно потёр нос.

— Так вот, — продолжал Максим. — Я устроил такой эксперимент. Приказал найти мне среди всех этих сумасшедших Иисусов такого, чтобы был неграмотный и чтобы он, как можно меньше, знал или слышал оригинал Евангелия.

А потом я с этим сумасшедшим беседовал на евангельские темы. Ха-ха, а вы подумали, что это я сумасшедший?!

Не-е-ет... Я хотел выяснить, какие положения Евангелия этот сумасшедший узнал от других и просто повторял, и до каких он дошёл своим собственным умом. Умом сумасшедшего!

Не забывайте, что высший ум, в определённой мере, связан с безумием. Потому и говорят: устами безумцев глаголет истина.

Результаты получились оч-ч-чень интересные. Своего рода голос с небес — из темноты безумия. Даже сам Сталин удивился и говорит: «Ну, Максым, ты ж у мэнэ и фокусник! Прасы што хочэшь — всэ дам».

— Не нравятся мне твои эксперименты, — сказал отец.

— Это потому, что ты — тёмный человек, — сказал комиссар советской инквизиции. — Вот скажи-ка, что значат в Евангелии слова Спасителя, что в последние дни будет много лжепророков? Что это за последние дни?

Отец уже знал, что тягаться с Максимом в знании Библии бесполезно, и молчал.

— С точки зрения диалектического материализма, — поднял палец комиссар, — это последние дни перед революцией. Когда кончается один исторический цикл и начинается другой.

А теперь, после революции, мы всех этих лжепророков и лжехристов почистили — и пустили в трубу. Фю-ю-ють! В точности, как стоит в Евангелии: «Всякое древо, не проносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь». По всем правилам диалектики!

— А что вы сделали с этим душевнобольным, который думал, что он Иисус Христос?

— Он оказался на редкость безобидным и добрым человеком. Я отправил его работать садовником в дом отдыха для работников НКВД. Пусть там проповедует. Это не лжеиисус, а настоящий Иисус. Я предупредил: кто его тронет, расстреляю!

Пока шла чистка, в газетах всё время кричали о бдительности и всячески поощряли доносы и доносчиков.

Теперь же, когда принялись чистить само чистилище НКВД, вдруг взялись и за доносчиков — и стали арестовывать «шибко бдительных». А начальник 13-го отдела НКВД ухмылялся:

— Почитайте Откровение святого Иоанна Богослова. Ведь, там сказано, что дьявол — первый клеветник. Сначала мы таких выявили, а теперь мы их же и сажаем.

По закону о единстве и борьбе противоположностей. Потому и говорят, что дьявол склонен к самоуничтожению. Диалектический цикл!

Как-то вечером Максим явился домой под градусом и сразу, даже не поужинав, взялся за свой кубок-черепок:

— Бобка, что ты там делаешь?

— Занимаюсь.

— Чем?

— Термодинамикой.

— А ты, Бобка, знаешь, что такое психодинамика?

— Не знаю, и знать не хочу.

Но Максим продолжал бормотать:

— Знаешь, у древних скифов был такой обычай... Когда умирала жена жреца, ей устраивали пышные похороны... И заодно, убивали всех её подруг... Это чтобы ей на том свете не скучно было... Хороший обычай, а-а?

Борис углубился в свою термодинамику и не отвечал. Обиженный таким невниманием, комиссар госбезопасности угрюмо сообщил:

— Так вот, сегодня я подписал путёвку на тот свет... ещё, нескольким этим... подругам.

— Каким? — не удержался Борис.

— Ж-жены ж-жреца...

— У тебя бред, — сказал младший. — Иди-ка лучше спать. Старший упрямо мотнул головой и понёс такое, что Борису стало даже немного жутко.

Максим сыпал проклятиями по адресу женщин — следователей НКВД, которые, в своей изощрённой жестокости, якобы, превосходили любого следователя мужчину.

В голосе брата звучала какая-то дикая, болезненная ненависть, в углах рта дёргалась нервная жилка, а воспалённые от ночной работы и алкоголя глаза по-звериному щурились, словно он видит перед собой своего заклятого врага.

— Как взял я это чёртово семя под микроскоп, — бормотал он, — и вижу, что все они самые чистокровные ведьмы...

— Это тебе с пьяных глаз померещилось, — заметил Борис.

— Нет, нет... Ты Зинку Орбели помнишь? Так вот, они все такие... Прикрывались идеалами... А на самом деле, они потому в НКВД налезли, что им крови хотелось... Но теперь я утоплю их в их собственной крови...

Затем, генерал-инквизитор Народного комиссариата внутренних дел и особоуполномоченный по делам всей нечистой силы во всём Союзе Советских Социалистических Республик, принялся расхваливать заслуги средневековой инквизиции, которая, в своё время, охраняла людей от козней ведьм и колдунов.

Если верить Максиму, отцы инквизиторы были большими умницами, философами и гуманистами и даже знали психодинамику и фрейдизм раньше самого Фрейда.

Так, поймав ведьму, инквизиторы осуждали не её тело, а только лишь её душу, подписавшую контракт с дьяволом.

Будучи христианами и не желая проливать кровь, инквизиторы приговаривали эту грешную душу, к так называемой, бескровной смерти, то есть, жгли на костре, топили в воде или вешали в воздухе.

Но, поскольку душу от тела не отделишь, то, вместе с грешной душой ликвидировали и послушную ей плоть.

Однако, симпатии студента индустриального института были явно на стороне ведьм. Женщины — следователи НКВД — это, конечно, дрянь. Просто садистки.

Но, при чём здесь бедные невинные женщины, которых когда-то жгли, как ведьм? Ведь, это просто жертвы средневековых суеверий, о которых написано столько хороших романов.

Максим сидел за своим столом, пил водку и листал дела бывших работников НКВД, которые теперь оказались врагами народа. Около полуночи он вдруг сказал:

— Бобка, у меня что-то в глазах рябит... Сколько там время?

— Уже двенадцать.

— Ну, так я и знал... В бюро как полночь, так они и появляются... Теперь я работу на дом беру — а они уже и здесь завелись...

— Кто? — спросил Борис.

Комиссар госбезопасности кивнул на край своего стола:

— А вон, посмотри на этого стервеца... Сидит, хвостом крутит и язык показывает... Это он нарочно — работать мешает...

Борис разогнулся от своего учебника по термодинамике и поглядел на пустое место:

— Хм, действительно! С рожками, и глаза зелёные. И шерстка, как у кота. А мордочка у него даже симпатичная.

— Ну вот, теперь сам видишь, — с облегчением вздохнул Максим. — А ты ещё не верил...

— А бородка у него точно как у Троцкого, — сказал Борис. — Сразу видно, что троцкист.

Советник Сталина по делам нечистой силы сидел в распущенной гимнастерке без пояса, со змеёй и мечом на рукаве, с генеральскими звездами и остекленевшими глазами и беседовал с чертом:

— Ну что, подслушиваешь, подглядываешь? — Он погрозил чёрту пальцем. — Погоди, я ещё и до тебя доберусь...

Затем, красный кардинал поставил чёрта в известность, что недавно Сталин утвердил новый проект своего тайного советника: в дополнение к чистке взять на спецучёт всю нечисть, какая ещё запряталась в Советском Союзе.

В порядке дальнейшего развития классовой борьбы, теперь будут регистрировать, как классово чуждый элемент, всех оборотней и леших, всех ведьм и колдунов, всех чертей и чертовок, всех кандидатов и даже сочувствующих!

Максим протянул руку, пытаясь поймать чёрта за хвост.

— Ага-а, боишься...

И генерал-инквизитор опять начал ругаться непечатными словами.

Глазами безумца он смотрел в пустое окно и перебирал все самые затейливейшие и отвратительнейшие ругательства с таким искренним чувством, с таким выражением в голосе, словно это не бессмысленные ругательства, а таинственные заклинания.

И всё это по адресу тех злосчастных ведьм и колдунов, с которыми он сводит какие-то личные счёты.

По окончании третьего года чистки, комиссар госбезопасности Максим Руднев получил третью генеральскую звезду.

А в газетах появился указ о награждении Героя Социалистического Труда Руднева Золотой Звездой Героя Советского Союза за блестящее выполнение специальных заданий партии и правительства.

За это время из компартии вычистили, расстреляли или сослали в Сибирь около половины состава. Из руководящих органов партии и правительства было ликвидировано больше трёх четвертей. Говорили, что общее число жертв чистки составляет от 7 до 9 миллионов человек.

Как только закончилась Великая Чистка, с рукавов работников НКВД тихо исчезла таинственная эмблема чистки — змея и меч. Мало кто знал, что означала эта загадочная эмблема. А те, кто знает, те будут молчать.

Шли годы. Над Москвой, как облака в небе, проходили большие и малые события. А доктор социальных наук, мракобес и обскурант Максим Руднев всё воевал со своей нечистой силой.

Его засекреченный 13-й отдел НКВД и столь же засекреченный Научно-исследовательский институт НКВД разрастались всё больше и больше.

Там решались специальные проблемы добра и зла, ума и безумия, жизни и смерти. Те проблемы, которые когда-то называли Богом и дьяволом.

Одного только не хватало Максиму — простой человеческой радости. Его мрачное занятие наложило на него свой отпечаток.

Он как-то высох, вытянулся, держался подчёркнуто прямо, между бровей залегла суровая складка, на висках рано появилась первая седина.

Это был уже не прежний левша Максим, любивший беззаботно шевелить ушами, а беспощадный фанатик-инквизитор, одержимый своей навязчивой идеей ликвидировать дьявола, как классового врага.

Глава 8. Дело о семи печатях

И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землёй,

раскрыть сию книгу, ни посмотреть в неё.

Откровение святого **Иоанна Богослова** 5-3

О судебной практике НКВД говорят так: был бы человек, а статья найдётся. Подтверждением этому служила чернокнижная библиотека Максима, где он смешивал в кучу всякую псевдонаучную чушь, а потом пытался пристегнуть эту алхимию к современности.

Внешне он пытался придать своей коллекции видимость хронологической последовательности. Так, одни из отделов начинался исследованием Мережковского об Атлантиде.

Что мог знать писатель средней руки Мережковский о легендарной Атлантиде, о которой даже Платон упоминает только мельком и которая, по преданиям, погрузилась на дно Атлантического океана в результате всемирного потопа за много тысяч лет до нашего летосчисления, якобы в наказание за какие-то грехи?

А Максим видел в этом какую-то параллель с гибелью царской России.

В комнате Максима сидели двое его ближайших сотрудников из 13-го отдела НКВД.

Один из них был полковник медицинской службы НКВД Иван Васильевич Быков, по совместительству профессор психопатологии, худощавый человек в роговых очках и с насмешливой искоркой в глазах, на петлицах которого поблескивала змейка, обвивавшаяся вокруг чаши с ядом, — символ мудрости медицинского сословия.

Второй был полковник технической службы НКВД Питирим Фёдорович Добронравов, по совместительству профессор истории религиозных культов, молодой, цветущий мужчина с румяными щеками и пышной окладистой бородой, огромного роста и с таким же громадным пистолетом у пояса.

На петлицах у него поблескивали значки техслужбы НКВД — скрещённые топорики, напоминавшие не то пожарников, не то средневековую инквизицию.

— Послушайте, — сказал Борис, — какое отношение имеет Атлантида к работе НКВД?

— Очень даже какое, — ответил полковник Добронравов, поглаживая свою окладистую бороду. — В данном случае не столько Атлантида, как сам Мережковский.

Типичный богоискатель. А под видом поисков Бога, они славословят дьявола. Богоискатели, сожительствующие с ведьмами.

— Позвольте, но ведь, Мережковский был женат на поэтессе Зинаиде Гиппиус.

— Вот, вот. Она даже когда писала, то путала где «он» и где «она».

— Ну и что такого?

— Когда человек начинает путать, где «он» и где «она», — полковник предостерегающе поднял палец, — там дело пахнет дьяволами инкубом и суккубом. А это уж, извините, по линии НКВД.

Рядом стоял французский фантастический роман Пьера Бенуа «Атлантида», где загадочная царица атлантов по утрам посылает своих любовников на казнь. Типичная макулатура для скучающих дамочек. Даже обложка жёлтая.

А профессора 13-го отдела НКВД делают из этой бульварной литературы какие-то политические выводы.

Взявшись за богиню Диану, которая в римской мифологии считалась покровительницей охоты, луны и девственности, 13-й отдел НКВД пришил богине целое дело о дианических культах.

Прежде всего, к этому делу припутали амазонок, которые, оказывается, назывались так вовсе не потому, что они жили на берегах Амазонки, как думает большинство, а потому, что по-гречески амазонка означает «безгрудая», поскольку, ради удобства стрельбы из лука, амазонки выжигали себе правую грудь.

Обитали же эти воинственные красавицы в скифских степях на берегу Чёрного моря.

— Под каждым мифом есть доля правды, — заметил полковник медслужбы Быков. — Выжигание груди — это, конечно, миф.

Но если вы разденете сто женщин, то всегда найдёте, что у нескольких правая и левая грудь разной величины. Иногда одна грудь, нормальная, а второй совершенно нет. Вот вам и современные амазонки.

— А зачем это нужно НКВД?

— Иногда, это внешняя примета той категории женщин, которых мой уважаемый коллега Питирим Федорович величает ведьмами, — усмехнулся доктор. — Но это категория очень расплывчатая, и здесь рекомендуется осторожность.

Вслед за амазонками шло несколько солидных трудов по антропологии с описанием культа матриархата, как в некоторых племенах женщины командовали мужчинами, и что из этого получалось.

Вывод такой: если в какой семье матриархат, то, по мнению 13-го отдела, это дурная примета и таких чудаков нужно брать на заметку.

Соблюдая видимость науки, от целого Максим переходил к частностям. Так, комиссару госбезопасности СССР почему-то не нравилась библейская Саломея, весёлая девица, которая, развлекая царя Ирода, изобрела танец семи покрывал, то есть, американский стриптиз.

Поскольку энкавэдэшников часто называют иродами, Максим не имел ничего против царя Ирода. Но, поскольку, по правилам 13-го отдела, дети отвечают за своих родителей и наоборот, то Максим заинтересовался матерью Саломеи, старушкой Иродиадой, которая учила свою дочь всяким гадостям.

Как доказательство своей власти над мужчинами, Саломее захотелось соблазнить святого Иоанна Крестителя, а когда это не удалось, под влиянием матери и с помощью всяких женских интрижек она выпросила у Ирода голову святого.

Как настоящий ханжа, Максим сочувствовал Иоанну Крестителю и взял Саломею на заметку, как библейскую вредительницу.

Затем, он завёл дело на Мессалину, любвеобильную жену римского императора Клавдия, которому так надоело слушать доклады, что у его жены любовников больше, чем волос на

голове, что, в конце концов, он попросту приказал отрубить ей голову.

Конечно, и здесь Максим был на стороне императора и считал, что во всём виновата бедная Мессалина.

В средние века считалось, что раз в году — в вальпургиеву ночь, то есть, в ночь на 1 мая, вся нечистая сила со всех стран Европы собирается на горе Броккенберг и устраивает там грандиозный шабаш ведьм.

Так вот, начитавшись всякой ереси, профессора 13-го отдела утверждали, будто советский праздник 1 Мая, праздник международной солидарности трудящихся, когда люди поют и пляшут на площадях Москвы, с точки зрения высшей социологии, есть не что иное, как пережиток вальпургиевой ночи, когда ведьмы, празднуя свою солидарность, пели и плясали на горе Броккенберг, что, в свою очередь, является пережитком языческого праздника весны и плодородия, который, во времена Древнего Рима, сопровождался всеобщей пьянкой в честь бога Вакха и потому назывался вакханалией.

Увлёкшись своим варевом, инквизиторы 13-го отдела бросали в один котёл всё — и святых, и грешников.

Оказывается, название вальпургиевой ночи, праздника нечистой силы, происходило от имени святой Вальпурги, которая жила в 8 веке, была монахиней и посвятила всю свою жизнь организации женских монастырей.

Эта энергичная святая была дочерью святого Ричарда, одного из саксонских королей, который женился на дочери святого Бонифация.

— Хм, целое святое семейство, — заметил Борис. — Но почему же, ведьмы избрали Вальпургу своей патронессой?

— Видите ли, молодой человек, святые и грешники — это две стороны одной и той же проблемы, — сказал профессор техслужбы НКВД. — Например, в Америке 1 ноября — это День всех святых.

Это официально. А канун этого дня, вечером, — это Халлоуин, полуофициальный праздник всей нечистой силы. Некоторые люди празднуют этот праздник всерьёз, и мы за этим следим.

Но, заметьте, что праздник грешников переходит в праздник святых. Поэтому, Достоевский и говорит, что не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасёшься.

Было видно, что профессор НКВД знает своё дело довольно основательно.

— А в русских языческих культах, — добавил он, — вальпургиевой ночи соответствовал весенний праздник Красной горки, первый понедельник после Фомина воскресенья.

— Питирим Федорович, а зачем вам всё это?

— Ну, как же... Например, ведьмы любят жениться на Красную горку. Потому мы всегда проверяем дату брака наших клиентов.

Говорят, что к мирянину для соблазна приставлен один чёрт, к монаху — десять, а к святому — целая сотня чертей. Соответственно этому, инквизиция НКВД тщательно изучала биографии святых, в надежде поймать тех чертей, которые около них крутятся.

Так 13-й отдел добрался до Жанны д’Арк.

В 1429 году эта крестьянская девушка, которой мистические голоса подсказали, что на неё возложена миссия спасти Францию, надела кольчугу и латы, взяла в руки меч и, предводительствуя французской армией, боровшейся с англичанами, успешно завоевала город Орлеан, за что её и назвали Орлеанской девой.

Но вскоре, Жанна д’Арк попала в руки врагов и, по словам летописи, как колдунья, вещунья, лжепророчица, сотрудничавшая с нечистой силой, ведьма, еретичка, вероотступница, мятежная богохульница, наслаждавшаяся кровопролитием и непристойностями, — эта святая дева была осуждена к мученической смерти.

Довольно долго о Жанне д’Арк существовали самые противоречивые мнения. В своей драме «Генрих VI», Шекспир показал её, как ведьму.

Насмешник Вольтер высмеял её, а идеалист Шиллер идеализировал её в образе своей «Орлеанской девы».

Даже церковь колебалась целых пять столетий, пока, в 1920 году канонизировала её, как святую.

А инквизиция НКВД, поскольку Жанна взяла в руки меч, классифицировала её, как амазонку.

А что касается чертей, которые, согласно поверью, всегда водятся около святых, то здесь советскую инквизицию заинтересовала личность некого Жиля де Рэ.

Этот феодальный барон, один из могущественнейших людей Франции, имевший влияние даже при королевском дворе и богатству которого завидовал сам король, славился тем, что терпеть не мог женщин.

Но, когда он впервые встретил 18-летнюю Жанну д'Арк, она произвела на 25-летнего Жиля такое впечатление, что он вступился за неё перед несовершеннолетним дофином и, таким образом, помог Жанне стать главнокомандующим французской армией.

В последующей кампании, Жиль неотступно сопровождал Жанну, и в бою за форт Святого Августина, когда Жанна была ранена и все покинули её, один Жиль остался рядом с ней и спас ей жизнь.

Когда, через несколько месяцев, благодаря нерешительности дофина, Жанну сожгли на костре, Жиль, который к тому времени стал маршалом Франции, в знак протеста, ушёл с королевской службы.

Через девять лет, 13 сентября 1440 года, сиятельный барон Жиль де Рэ, советник короля и маршал Франции, в возрасте 36 лет был арестован и предстал перед судом инквизиции, по обвинению в ереси, богохульстве, занятиях алхимией, поклонении дьяволу, педерастии и убийствах.

Оказывается, Жиль де Рэ, некогда горячий поклонник и самый близкий человек к святой Жанне д'Арк, в частной жизни поставил себе задачей познать метафизику зла.

С бандой своих сообщников из 18 человек, он устраивал в окрестных полях и лесах облавы наподобие охоты на зайцев. Но охотились они не за зайцами, а за детьми, преимущественно, за пастушками.

В своём замке Тиффож, в склепе часовни святого Винсента, Жиль де Рэ соорудил специальный каменный алтарь, где в полуночный час он занимался чёрной магией, зверски мучил пойманных

детей и затем убивал их самыми нечеловеческими методами — всё это в жертву дьяволу.

Когда на суде инквизиции барон де Рэ со всеми деталями читал полное сознание в своих преступлениях — как он вспарывал детям животы, как он сидел верхом на умирающих и хохотал, глядя на их конвульсии, как он ставил отрезанные головы жертв рядом со своей постелью, чтобы утром ещё раз полюбоваться ими, — тогда председатель трибунала епископ Нантский встал, подошёл к распятию, которое висело за спинами судей, и задернул лицо Спасителя чёрным покрывалом.

Со времён средневековья и до наших дней, история знает мало таких чудовищ, как Жиль де Рэ, на совести которого было 134 жертвы.

Король Наварры Карл, за подобные дела сожжённый заживо инквизицией в 1387 году, далеко отстал от Жиля.

Следующий преступник подобного рода, Ваше, несколько столетий спустя замучил и убил только 18 пастушат.

Знаменитый маркиз де Сад, который не убил никого, а только присмаливал свечками проституток, с которыми он за это более или менее честно расплачивался, был, по сравнению с бароном де Рэ, совсем невинным младенцем.

Имя Жиля де Рэ забыто, но дела его живут в легендах о Синей Бороде, прототипом которого послужил Жиль, согласно протоколам дознания мывший бороду и руки тёплой кровью своих жертв.

Во вторник, 26 октября 1440 года, в 11 часов дня, барон Жиль де Рэ, бывший советник короля, маршал Франции и поклонник святой Жанны д’Арк, как гласит летопись, «был повешен за шею, пока наступила смерть, и затем предан огню» вместе с двумя своими сообщниками на площади Ла Мадэлен в Нанте.

Профессор Добронравов и здесь воспользовался случаем, чтобы похвалить гуманность средневековой инквизиции.

Оказывается, Жиля судил не один суд, а два — духовный и гражданский. Осудив его душу, церковь предала его плоть на суд государства.

Вина Жиля была полностью доказана показаниями свидетелей, и даже в любом современном суде этого было бы вполне

достаточно, чтобы осудить его.

Но, для трибунала инквизиции, этого было недостаточно. Чтобы спасти душу грешника, обязательно требовалось его покаяние. В этом московские процессы с покаяниями времен Великой Чистки в точности следовали практике классической инквизиции.

Однако, отцы инквизиторы были гораздо либеральнее не только НКВД, но и любого другого суда.

Когда барон де Рэ публично покаялся в своих злодеяниях, в переполненном зале суда опустился на колени перед распятием, и со слезами на глазах просил прощения у Бога и родителей тех детей, кого он принёс в жертву дьяволу, тогда председатель трибунала инквизиции епископ Нантский был так тронут, что встал со своего места и обнял подсудимого.

Возможно ли это в каком-нибудь современном суде? Да ещё, в случае подобного преступника?

После вынесения смертного приговора, барон де Рэ обратился к суду с несколькими просьбами. Он не просил о помиловании или снисхождении. Он только просил епископа Нантского посодействовать, чтобы люди молились за упокой его грешной души.

И епископ Нантский, и жители Нанта удовлетворили его просьбу. Перед казнью торжественная процессия под звон всех колоколов всех церквей, с пением псалмов прошла по городу, молясь за упокой души грешника, который видел это из окна своей камеры.

— А ведь, красиво было! — воскликнул профессор Добронравов.

Жиль де Рэ просил, чтобы его, как главного виновника, повесили раньше его соучастников, чтобы он мог показать им пример, как искупать свои грехи. И эта его просьба была исполнена.

Как дополнительную милость суд от себя постановил, что его мёртвое тело не будет, как обычно, сожжено до пепла и развеяно по ветру, а в награду за искреннее раскаяние только слегка очищено огнём и затем отдано родственникам для погребения.

Если Жиль де Рэ и жил бесчестно, то умер он с честью. Правда, здесь профессор Быков скептически заметил, что Жиль, подобно Нерону и Калигуле, жизнь которых он взял себе за образец, в душе был большим артистом и потому не мог удержаться, чтобы не устроить спектакль даже из собственной смерти.

Бренные останки грешного барона де Рэ были погребены в склепе церкви Кармелиток, рядом с прахом древних герцогов Бретани.

Перед смертью, Жиль де Рэ поручил свою душу святому Якову и святому Михаилу. Не кому-нибудь другому, а тем же святым, кому перед смертью поручала душу Жанна д’Арк.

Действительно, вблизи святой Жанны, инквизиция НКВД поймала такого чёрта, каких мало. Почему Жиль де Рэ, бывший заведомым женоненавистником, вдруг стал ближайшим союзником Орлеанской девы?

Какая таинственная связь объединяла этих столь разных людей в жизни и смерти настолько, что, даже после смерти, они отдали свои души тем же святым заступникам? И зачем всё это понадобилось 13-му отделу НКВД?

— Ясно, что этот де Рэ был таким же садистом, как де Сад, — сказал Борис. — А что дальше?

— Жиль де Рэ и Жанна д’Арк были совершенно одинаковыми людьми, — сказал профессор Быков. — И они это прекрасно знали. Вся разница в том, что Жиль занимался своими пороками, так сказать, в частном порядке — потому его и повесили.

А Жанна употребила те же духовные побуждения, скажем прямо — те же пороки, на службу государства. Потому о ней и спорили пятьсот лет, пока объявили святой. Но технически были правы и те, кто сжёг её, как ведьму, наслаждавшуюся кровопролитием.

Всё дело в том, молодой человек, что подобными типами кишит всякая революция, где они могут дать волю своим патологическим чувствам, под предлогом революционной законности. Вот и разбери здесь, где святой грешник, а где грешный святой?

Например, до французской революции, маркиз де Сад большую часть времени сидел по тюрьмам. А революция не только выпустила его из тюрьмы, но и назначила — кем? Судьёй ревтрибунала!

Не зная дела барона де Рэ и Жанны д’Арк, вы не поймёте Марата и Робеспьера, Дзержинского и Ежова.

А якобинцы французской революции позаимствовали своё имя от того же святого Якова, которому поручили свои души Жиль де Рэ

и Жанна д’Арк.

Роясь в книгах и просматривая отмеченные места, Борис видел, что, вслед за Орлеанской девой, советская инквизиция взяла на заметку Екатерину Великую.

Но их интересовали не те формальные памятники величия, которые нагромоздила себе Екатерина, а легальные и моральные аспекты её царствования.

С этой точки зрения, в глазах законников из НКВД, она являлась немкой и узурпатором русского престола, который она захватила с помощью своих любовников; мужеубийцей, отправившей на тот свет с помощью тех же любовников своего мужа — придурковатого Петра III, внука Петра Великого; и великой развратницей, оставившей после себя столь же придурковатого наследника престола Павла I, как две капли воды похожего на ее фаворита Салтыкова, и ещё целую кучу незаконных детей.

Для моралистов из 13-го отдела, Екатерина Великая была просто русской Мессалиной, которой не сумели вовремя оттяпать голову. Кроме того, они подозревали матушку-царицу в сопричастии к матриархату.

— Какая, собственно, связь между Жанной д’Арк и Екатериной Великой? — спросил Борис.

— Закон единства противоположностей, — ответил доктор Быков. — Если бы их сложить вместе, то получилось бы целое.

— Как это понять?

— Это тема немножко специальная. Жанна д’Арк была не только девой, но и такой же мужененавистницей, как Жиль де Рэ женоненавистником. А Екатерина Великая, как раз, наоборот — любила мужчин больше, чем положено.

— А где же единство?

— Принято считать, что у Екатерины была, своего рода, нимфомания. Но, с точки зрения психологии, такая женщина не может любить по-настоящему ни одного мужчину. Потому, она их постоянно меняет.

— А можно от этого вылечить?

— Лекарство это такое, что многие пациенты его боятся. Иногда от этого может вылечить только другая женщина. Такая, как Жанна д'Арк.

— Ага, тогда и получается единство противоположностей?

— Да, то есть, психологический ноль. Но тогда Жанна не стала бы Орлеанской девой, а Екатерина вряд ли Великой.

После дианических культов, амазонок и матриархата, в порядке исторического развития, мракобесы НКВД стали подкапываться под суфражисток.

Они относились к этим смелым борцам за эмансипацию женщин без тени уважения и считали их просто современными амазонками.

Те высокие идеи и громкие слова, которыми суфражистки оперировали на своих митингах и демонстрациях, служили якобы, только, для маскировки. А на самом деле, их интересовало только одно равноправие с мужчиной — ходить в штанах.

Одна книжка с красным штемпелем НКВД так и называлась «Эмансипация женщин в свете психопатологии». Недаром про НКВД говорят: был бы человек, а статья найдётся.

Подведя столь странную историческую базу, библиотека Максима переходила к современности в форме служебного архива.

Вот папка со всякими кляузами на одну из самых заслуженных бабушек русской революции — мадам Коллонтай.

Дочь царского генерала, она была настолько классово сознательна, что ещё в девическом возрасте примкнула к подпольной работе большевиков и участвовала в революции.

Столь же активно эта красная суфражистка сожительствовала с революционной матроснёй и прославилась, как апостол свободной любви.

Вот групповая фотография, посвящённая первой годовщине Октября: двенадцать апостолов во главе с Лениным и среди них, как единственная женщина — Коллонтай.

Даже Сталина здесь нет, а она есть. Значит, высоко она летала. А вот её фотография в молодости с растрёпанными волосами и

шалыми глазами.

— Иван Васильевич, что это у неё глаза, как с перепоя?

— Кокаин голубушка нюхала, — ответил медик НКВД.

Позже эта повивальная бабка Октября была послом в Швеции, единственной советской женщиной в столь высоком дипломатическом ранге.

Но, вместо послужного списка Коллонтай, в папке были под штемпелем «Особо секретно» подробнейшие допросы тех людей, кто на личном опыте знал интимную жизнь этой жрицы свободной любви.

Подобное же дело на Елену Стасову, ближайшую сотрудницу Ленина и затем секретаршу Сталина, которая, происходя из столбового дворянства, тоже оказалась столь эмансипирована, что всю свою жизнь посвятила беспощадному уничтожению этого самого дворянства.

Будучи секретарём ЦК партии, эта милая дама занималась не школами или, скажем, детскими домами, а руководила 5-м отделом ЦК — по шпионажу за границей.

А вот ещё одна суфражистка — старая большевичка Землячка, маленькая, как макака, и сморщенная, как мощи, старушенция с пенсне на носу.

Она отличилась тем, что, во время гражданской войны, совместно с Белой Куном, три года заправляла крымским ЧК так, что Чёрное море покраснело от крови.

Подавая пример революционной сознательности, она собственноручно расстреливала пленных белоофицеров.

— Милые старушки, а? — улыбнулся доктор Быков.

Странно, охотясь за нечистой силой, инквизиция НКВД подкапывалась под всех коммунистических святых.

Рядом толстенькое досье на Долорес Ибаррури (Пасионарию), пламенного трибуна гражданской войны в Испании.

Жена республиканского премьера Негрина, она была лидером испанской компартии и участвовала в гражданской войне активнее, чем её муж. И она тоже развлекалась тем, что собственноручно расстреливала пленных.

Когда же дела стали плохи, она оставила своего республиканского мужа расплачиваться за её коммунистические грехи, а сама сбежала в Москву.

В примечаниях 13-го отдела НКВД проскальзывало сожаление, что в современной Испании нет Торквемады, который познакомил бы этого трибуна революции с трибуналом инквизиции.

Следующее дело начиналось со ссылкой на энтомологию и какую-то разновидность пауков, у которых принято, что после брачной ночи самка пожирает своего супруга.

Рядом же, паукообразная физиономия Анны Паукер с вытянутыми в трубочку губами, словно она нацеливалась в кого-то плюнуть.

Во время чистки московского Коминтерна, паучиха Паукер донесла на своего мужа в НКВД, обвинив его в троцкизме.

Перед смертью и Марсель Паукер прошёл через 13-й отдел, где с него сняли подробнейшие показания про его паучиху, которые, как это ни странно, касались не её политических убеждений, а техники её любви.

Следом шел алфавитный список всех любовников Анны Паукер, очень похожий на перечень всех членов Коминтерна. И за ним — второй список — кого из них эта любвеобильная дама подвела под расстрел в подвалах НКВД.

— Видите, — сказал доктор Быков, — она делала то же самое, что и царица атлантов. Потому-то мы и интересуемся Атлантидой.

Тем временем, комиссар госбезопасности Максим Руднев отдыхал от охоты за нечистой силой и запросто возился со своим аквариумом.

Одна из его золотых рыбок захворала расстройством желудка, и Максим, засучив рукава, пересаживал больную рыбёшку в отдельный тазик, наполненный слабительным раствором глауберовой соли.

— Макс, — сказал Борис, — вы тут сводите всё к вопросам пола. И это немножко попахивает фрейдовским психоанализом. А ведь, фрейдизм у нас официально запрещён.

— Да, фрейдизм запрещён не только коммунистами, но и католической церковью. Потому что в фрейдизме правда

перепутана с ложью. И непосвящённому человеку трудно разобраться, где правда и где ложь.

— Хорошо, — сказал Борис. — Но, что всё это такое? Максим сидел на корточках, мешал воду пальцем и бормотал себе под нос, как шаман во время камлания:

— Хм-хм, что это такое? Это... это дело о семи печатях. И на это тебе не ответят ни Фрейд, ни сам папа римский.

— Ну, а вы тут, это знаете?

— Конечно, — усмехнулся комиссар госбезопасности СССР. — Мы всё знаем.

Глава 9. Крестом и мечом

Раскачка такая пойдёт, какой ещё мир не видал...

Затуманится Русь, заплачет Земля по старым богам...

Ф. М. Достоевский, «Бесы»

Ранним июньским утром 1941 года началась война.

Как и во всех учреждениях оборонного значения, в 13-м отделе НКВД тоже вскрыли мобилизационный пакет, где был перечень мероприятий на случай войны.

Как первое мероприятие — комиссар госбезопасности Руднев в чине генерал-полковника назначался начальником специальных видов оружия НКВД.

Воздушные армады Гитлера бомбили Киев, Одессу и Минск. Немецкие танковые дивизии рвались вглубь Советского Союза.

Красная Армия отступала, неся миллионные потери убитыми, ранеными и пленными. Сталин обратился по радио с призывом:

— «Дорогие братья и сёстры...»

От волнения он пил воду, и люди слышали, как его зубы стучат о край стакана.

В вестибюле индустриального института, где учился Борис, вывесили большую карту Советского Союза, на которой, с

помощью красной нити и булавок, обозначили линию фронта. Каждый день Борис видел, как эта линия неудержимо откатывается назад.

Как только закончилась Великая Чистка, Максим бросил пить так же внезапно, как и начал. И даже, как будто, немножко скучал.

Теперь же, когда по вечерам над Москвой трещали зенитки, он вдруг заинтересовался историей древнеримских увеселений. Попутно он заглядывал в книги по психоанализу.

Из тьмы тысячелетий, перед глазами генерала вставали амфитеатры римских цирков и первые христианские мученики, идущие навстречу смерти.

Их распинали на крестах, бросали на растерзание диким зверям, сжигали, как живые факелы Нерона.

Иногда они могли сохранить себе жизнь при одном условии. Но они предпочитали смерть и с пением псалмов шли умирать на аренах амфитеатров.

— Опять-таки, при одном условии, — задумчиво пробормотал генерал. — Значит, требуется амфитеатр. Что ж, попробуем...

Вскоре в газетах появилось сообщение о необычайном подвиге трёх советских летчиков-истребителей на подступах к Ленинграду.

Оставшись без амуниции, они бросились грудью своих беспомощных «ястребков» на немецкие бомбардировщики и погибли вместе со сбитыми врагами.

Портреты погибших героев были на первых страницах всех газет. Всем троим посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Затем, подобные подвиги вошли в такую моду, что, даже имея полный боезапас, советские лётчики шли на таран, на верную смерть, мешая в кучу металл и кровь, свою и чужую.

Прославленные немецкие асы не знали, что делать с советскими молокососами, нарушающими все правила воздушного боя.

Читатели советских газет думали, что это просто пропагандистские трюки Совинформбюро.

Но, командование советских воздушных сил, обеспокоенное бессмысленной гибелью самолётов, обратилось к Сталину с протестом, прося защиты от загадочных экспериментов 13-го отдела НКВД.

В результате, появился специальный приказ, разрешающий таран лишь в особых случаях. Машины были дороже, чем люди.

Кто следил за советскими газетами во время войны, тот помнит, как вслед за самолётными таранами, начиналась другая не менее необычайная акция.

На этот раз, в морской пехоте, сформированной из экипажей потопленных кораблей. Обвязавшись связками ручных гранат, герои-моряки вдруг стали бросаться под гусеницы немецких танков, наподобие живых мин.

Танки летели в воздух вместе с храбрецами, шедшими на верную смерть. Это было дешевле, чем самолётные тараны.

За всем этим стоял 13-й отдел НКВД, который заботился о своих героях-мучениках даже после смерти.

Все газетные отчёты, восторженные похвалы, награды, вообще, всё, что было связано с их смертью, строжайше контролировалось профессором Рудневым, познавшим тайну живых факелов Нерона.

— Ты опять делаешь гешефты со смертью, — сказал Борис. — В чём там, собственно, дело?

На этот раз Максим ответил довольно охотно:

— Видишь ли, когда брали группу мучеников и предлагали им на выбор: отречься от христианства или их убьют здесь же в подвале, — то большинство из них отрекались.

Но когда им предлагали отречение или смерть на арене амфитеатра, то большинство предпочитали смерть. Но смерть со славой.

Всё дело в том, что эти мученики принадлежали к определённой психологической категории людей, которых можно найти и сейчас. Нужно только создать соответствующие условия.

— Да, но это почти убийство, — сказал Борис, обращаясь к брату.

За него ответил сидевший рядом полковник Добронравов:

— Вы немного ошибаетесь, молодой человек. Только первых трёх добровольцев мы действительно подготовили. Потом, мы создали им необходимый ореол и, так сказать, открыли райские ворота.

Остальные же шли в эти врата сами. Больше того, мы даже не знали, кто именно пойдёт. Кроме того, если бы мы не дали им этой возможности погибнуть с честью, славой и пользой, то большинство из них всё равно кончили бы плохо. И никто бы не знал, в чём дело.

— Дело ясное, что дело тёмное, — сказал студент.

— Эх, ты, Фома Неверный, — сказал Максим.

— Что вы там изучаете? — добродушно спросил полковник Добронравов, заглядывая через плечо Бориса. — А, столыпинские реформы. Да, Столыпин был большим государственным деятелем. Если бы не пуля Богрова, то, кто знает, может быть, вся история России пошла бы совсем другим путём.

— А к какой партии принадлежал этот Богров?

— К той партии, которую некоторые ассоциируют с антихристом, — усмехнулся полковник НКВД, специализировавшийся по истории религиозных культов. — Кроме того, Богров был прирождённым террористом, нечто, вроде живой адской машины. И некоторые люди знали это.

— Как же это получилось?

— Чтобы понять это дело, нужно знать две вещи. Во-первых, в то смутное время в кругах гнилой интеллигенции убийство государственных деятелей считалось делом такой же доблести и геройства, как сейчас подвиги наших смертников-добровольцев.

И тогда, и сейчас подготовляет это пресса. А во-вторых, и это очень характерно, перед покушением на Столыпина, Богров покушался на самоубийство. Он сам искал смерти, но предпочитал смерть со славой.

— Кроме того, он служил осведомителем в охранке, — добавил Максим.

— Вполне закономерно, — согласился полковник. — У этих шизофреников всегда двойная жизнь. Проблема святых и грешников.

— У вас не разберёшь, где святые и где грешники, — как Фома Неверный, заметил Борис. — Вчера были святые, а сегодня — грешники.

— От грешника до святого — или наоборот — расстояние гораздо ближе, чем вы думаете, — пробасил полковник. — Иногда, они даже спят в одной постели. Иногда, это один и тот же человек. И иногда нелегко разобраться, где грешный святой, а где святой грешник.

Он расправил руки и потянулся так, что затрещало сукно кителя.

— Между прочим, Максим Александрович, мне очень понравились проблемы, которые вы поставили перед нами на последнем совещании.

Как вы правильно сказали: цвай зеелен лебен ин майиер бруст. Да и сам Гёте этому хороший пример. Эти души борются. Иногда одна душа пытается обмануть другую. Так вот, что, если попытаться помочь этой обманутой душе? Замеча-а-ательная идея!

Жизнерадостный полковник вскочил и зашагал по комнате.

— В связи с этим, вы, Максим Александрович, упомянули роль религии в этом вопросе. Если дело пойдёт так, как вы предполагаете... А ведь, вы единственный человек, с которым Сталин считается. В общем, прошу учитывать, что я ещё с детства страшно люблю запах ладана.

Согласно инструкциям мобилизационного пакета, научные сотрудники института профессора Руднева получили новые задания.

Одни из них, специалисты-историки, лихорадочно разбирали какие-то тайные государственные архивы и рылись в кипах запрещённых или изъятых книг дореволюционных изданий.

Другие из них, специалисты-психологи, таскали в НКВД каких-то дряхлых стариков и старушек, имена которых стояли в связи с архивами, и допрашивали их, постукивая по столу пистолетами:

— Поймите, сейчас не время миндальничать с вами. Итак...

Следователи в белых халатах интересовались столь необычными вещами, что полуживые от страха старички и старушки, после

допросов, только крестились, недоумевая, как это загадочные следователи умеют читать в душах людей.

Ученики профессора Руднева знали своё дело. Они откуда-то знали даже о тех мелких грехах, в которых престарелые грешники не признавались ни на одной исповеди и надеялись, что унесут эти тайны с собой в могилу. Но больше всего следователи интересовались всякими деталями из жизни покойников.

— Зачем это вам? — робко протестовал грешник. — Ведь, эти люди уже давно умерли.

— Это нужно для спасения родины, — настаивал инквизитор в белом халате.

— Но ведь, это был просто литературный кружок...

— А философию Бердяева они изучали?

— Ну, просто новое течение в философии...

— А как насчёт антропософии Штейнера?

— Да, но тогда это было модно...

— А оккультизм Блаватской штудировали?

— Да, просто от скуки...

— А спиритизмом они занимались?

— Но ведь, это было просто так, баловство...

— Мы лучше знаем, что это такое, — сухо прерывал следователь. — Подпишите расписку о неразглашении военной тайны. И учтите, что наказание только одно — смерть.

Конечно, следователи в белых халатах не собирались заниматься спиритическими сеансами и вызывать души покойников. Зато, они очень интересовались живыми детьми или родственниками этих покойников.

— Но ведь, после революции, все эти люди были высланы за границу, — удивлялся грешник. — Вместе с семьями. В связи с делом «Голубой звезды».

— А как насчёт детей Марии Абрамовны? — напоминал следователь.

— Что вы, что вы, у Марии Абрамовны деток не было. Она слишком увлекалась всякими революциями.

— А её сестра ещё жива?

— Да, знаете, с ней такое несчастье случилось. На склоне лет вдруг, ни с того ни с сего, взяла и отравилась. Говорят, из-за несчастной любви.

— А как насчёт её детей?

— У Веры Александровны были...

— Простите, разве она не родная сестра Марии Абрамовны?

— Нет, сводная сестра. От второго брака. Так дочь, её дочь жила в Берлине, а приёмный сын где-то в...

— Приёмные дети нас не интересуют. А вот насчёт дочери расскажите поподробнее. Она замужем?

— Нет. История с самоубийством матери так на неё подействовала, что...

— Понимаю. Теперь, чем она занималась в Берлине? Прежде всего, вот вам список людей, которые были высланы за границу. Здесь несколько сот человек.

Просмотрите внимательно и скажите, с кем из них она поддерживала связь. В особенности, по линии тайного общества «Голубая звезда». И других подобных обществ. Понимаете?

Используя результаты этих допросов, оперативные работники 13-го отдела не полагались на оккультную передачу мыслей на расстоянии по методу Блаватской, а предпочитали пользоваться шифрованной радиосвязью.

По ночам летели шифровки резидентам советской разведки во всех странах Европы.

Приходя после работы домой, вместо того чтобы пьянствовать, Максим, от скуки, занимался теперь поэзией.

Причём читал он самые не подходящие к военной обстановке заумные стихи французских символистов и не менее крученые

упадочнические произведения русских декадентов, которые, как грибы-поганки, наводняли русскую литературу перед первой мировой войной.

Когда на всех фронтах, от Чёрного и до Белого моря, шли кровопролитные арьергардные бои с рвущимися вперёд танковыми колоннами и воздушными эскадрами Гитлера, генерал Руднев сидел и перечитывал поэму Блока «Двенадцать», где поэт-символист описывал отряд из двенадцати забубённых красногвардейцев во время революции.

Концовка этой поэмы была загадкой для всех — и для красных, и для белых: «В белом венчике из роз — впереди — Иисус Христос». Для белых это было богохульство. Для красных — досадный религиозный мистицизм.

— Итак, красногвардейцев двенадцать, а Христос тринадцатый, — бормотал начальник 13-го отдела НКВД. — Значит, это не Христос, а антихрист. Знаем мы ихние фокусы — всё перевернуть наоборот, как 69. Издательство «Алконост» (Сирин и Алконост — птицы радости и печали в славянской мифологии).

Сирина (Сирин — псевдоним автора «Лолиты» Набокова) мы тоже знаем. И галлиямбы Катулла. Хорошие у него «Поэмы к Лесбии». Эх, эти мне символисты. Знаем мы ваши символы.

— А какая из этого диалектика? — поинтересовался Борис.

— Такая, что Блок умер в состоянии тихого умопомешательства.

— У тебя, Макс, все сумасшедшие. Кроме тебя самого. Генерал не обращал на него внимания и продолжал бормотать стихи Блока:

— «Боюсь души моей двуликой... Ищу защиты у Христа... Но из-под маски лицемерной смеются лживые уста... Бужу я память о Двуликом...»

А затем пошла чистая кабалистика:

— Двуликий... In daemone deus — в дьяволе Бог... Марксистское единство и борьба противоположностей... Ведь, Гитлер и Сталин — это одно и то же... А из-за этого, миллионы людей уничтожают друг друга... Почему?.. In daemone deus...

Зимой дверь в комнату Бориса не закрывалась, так как там не было печки и иначе, там было бы слишком холодно. Потому,

Борису поневоле приходилось выслушивать всё, что происходило в комнате брата.

— Макс, — попросил студент, — если ты ещё не совсем свихнулся, то всё-таки, объясни мне, что такое дьявол.

— Дьявол — это некий сложный психобиологический комплекс, разрушающий душу и тело человека. И философское понятие.

— Так, значит, дьявола, как такового, нет?!

— Если б его не было, — горько усмехнулся генерал, — то не было бы ни Гитлера, ни Сталина. И не было бы этой проклятой войны.

Изменились и вкусы Максима в музыке. Вместо разбойничьей песни Шаляпина теперь он из вечера в вечер сидел и, опустив голову, задумчиво слушал одну и ту же пластинку — увертюру Чайковского «1812 год» о нашествии Наполеона на Россию.

Гений великого композитора воплотил в музыке тяжёлую поступь французских гренадёр, когда они приближались к Москве.

Плывут утренние туманы над спящим Бородинским полем в последнюю ночь перед сражением. Поют трубы горнистов и будят солдат к бою не на жизнь, а на смерть.

Гремят барабаны наступающих полков Наполеона, а навстречу им тяжело ухают пушки русских редутов.

Пылает белокаменная Москва, подожжённая руками русских мужиков. Скрестив руки на груди, стоит Наполеон на Кремлёвской стене и угрюмо смотрит на побеждённую, но не сдавшуюся столицу.

В один из зимних вечеров, когда немцы уже стояли на подступах к Москве, Максим опять сидел со сборником каких-то заумных поэтов-футуристов под многообещающим заголовком «Мозговой разжиж».

Но он не читал, а, закрыв глаза, слушал увертюру Чайковского. Когда, призывая к бою, на Бородинском поле запели трубы горнистов, генерал рывком встал и громко, словно разговаривая с гением композитора, сказал:

— Хорошо, Пётр Ильич! — Он одёрнул китель, словно собираясь в поход. — Посмотрим, что из этого получится.

— Что такое? — отозвался из своей комнаты Борис. Засунув руки в карманы галифе, генерал госбезопасности, теперь уже в трезвом виде, снова начал бредить:

— Попробуем бороться с дьяволом крестом и мечом. Сначала — крест. И только, если это не поможет, тогда меч.

— Значит, политика принципиально меняется? — своим обычным, насмешливым тоном сказал младший.

— Да, — с сожалением ответил старший. — Это проклятие рода человеческого гораздо сложней и серьёзней, чем это кажется таким Фомам Неверным, как ты.

— Значит, не справился ты с заданием партии и правительства?

— Да. Окончательно проблема дьявола неразрешима. Но её можно локализовать. Или направить в более благоприятном направлении.

Фома Неверный посочувствовал:

— Ну, тогда, генерал, закрывай инквизицию и записывайся в монастырь.

— Совершенно правильно. К такому же выводу, со временем, пришли отцы церкви. Но если дьявола нельзя ликвидировать, так я заставлю его служить... Я отправлю его на фронт!

— Смотри не забудь подписать с ним договорчик. О дружбе и взаимопомощи.

— Да, попробуем! — воскликнул генерал госбезопасности Союза ССР. — Ведь, у меня в лагерях столько первоклассных оборотней. Ни один человек не догадается, что они из себя представляют.

— Смотри не забудь про твоих ведьм, — подсмеивался Фома Неверный.

— Да, есть и красавицы, и умницы. — Генерал так размечтался, что в его голосе слышалась даже симпатия к его заклятым врагам, — Я дам им возможность поиграть со смертью.

— Не забудь про колдунов, — советовал Борис. — Зачем их держать под замком? Пусти всю эту гоп-компанию на Гитлера. Может, ещё орден получишь.

Генерал уже внутренне переключился на сторону грешников и, как адвокат дьявола, пытался оправдать своих недавних врагов:

— Ведь многие из них не так уж и виноваты. Всю жизнь они вынуждены были скрываться, маскироваться, двуличничать, лгать.

— Тогда из них выйдут великолепные шпионы и диверсанты, — подливал масла в огонь студент. — Или саботажники? А как насчёт пятой колонны?

— Да, я заставлю их защищать родину, — сурово сказал генерал. Он пожевал губами и сквозь зубы процедил: — А потом, всё-таки, это люди. В большинстве случаев, виноваты их прародители... Все мы виноваты. Итак, посмотрим.

И закрутилась в три смены машина 13-го отдела НКВД. Без скрипа открылись ворота концлагерей и специзоляторов, где строители бесклассового общества держали классово чуждый элемент: ведьм и колдунов, леших и оборотней, чертей и чертовок.

В тяжёлый для родины час генерал Максим Руднев погнал слуг дьявола в бой за родину.

Под командой генерала-чернокнижника, отряды колдунов, став опытными диверсантами, устремились за линию фронта взрывать дороги, мосты и склады в немецком тылу.

Холодные и обольстительные красавицы ведьмы, став шпионками, как змеи заползали в постели немецких офицеров и военные тайны вермахта.

Тысячи, тысячи и тысячи оборотней, леших и прочей нечисти, работая ядом, ножом и динамитом, разрушали с тыла военную машину Гитлера. Как одержимый, генерал дьявола безжалостно гнал свои орды навстречу смерти.

Официально мало известно, как воевала нечистая сила профессора Руднева, но, видимо, вполне успешно, если судить по тем орденам, которые появлялись на его груди.

Через год, вернувшись из тайной инспекционной поездки по тылам немецкой армии, где генерал дьявола проверял работу своей нечистой силы, он был произведён в генералы армии специальных видов оружия, и получил вторую Золотую Звезду Героя Советского Союза. Союз с дьяволом приносил свои плоды.

— Это ведь я тебе посоветовал, — попытался шутить Борис. Но на душе у него было не до шуток.

Пока генерал Руднев подрывал немецкие тылы, профессор Руднев развернул работу по укреплению советского тыла.

Облечённые чрезвычайными полномочиями, эмиссары 13-го отдела рыскали по всем университетам и научным учреждениям Советского Союза, выискивая подходящие мозги для мозгового треста профессора Руднева.

Весь мир замер от удивления, когда после четверти века невероятных гонений Сталин вдруг снял запрет с православной церкви.

Вскоре открылась первая духовная семинария, а недалеко от Москвы — первый монастырь. Больше всего удивился сам Сталин, когда узнал, что люди с удовольствием венчаются и крестят детей в церкви.

Но никто не знал, что за этим трудным для диктатора решением стоял его красный кардинал, доктор социологии Руднев, которого Бог интересовал только, как антитеза дьявола.

И никто не знал, что смиренный архиепископ Питирим — в миру это генерал-майор госбезопасности Питирим Федорович Добронравов, правая рука начальника 13-го отдела НКВД.

В тёмные партизанские ночи бородатые дядьки, радуясь, что теперь можно креститься, размашисто осеняли себя крёстным знамением, а потом рассказывали у лагерных костров молодым партизанам сказки, что в самые тёмные ночи, когда сверкают молнии и гремит гром, когда празднует свой праздник нечистая сила, тогда в партизанские тылы прилетает из Москвы сам дьявол в генеральской форме НКВД.

— Такой рыжий. А глаза — зелёные. И бледный, как мертвец, — сообщал бородач. — Попадёшься ему на глаза, не жилец ты больше на этом свете.

— Ой, дядечка, страшно! — вскрикивала молодая партизанка.

— А ты, дура, перекрестись, — советовал бородач. Шёпотом передавали слухи, что из землянки, где генерал-дьявол чинил свой суд и расправу, по ночам иногда раздавались звуки примитивной песенки про обманутую любовь, а козлиный баритон подпевал:

В наказанье весь мир содрогнётся,
Ужаснётся и са-а-ам сатана-а-а!..

А в ночном небе от края до края, в динамитных молниях и громах, в заревах пожаров, гуляла смерть. Исчезли в Красной Армии треугольники, кубики и шпалы, а вместо них появились старые царские погоны.

Ввёл Сталин новый кодекс чести для офицеров, включающий коленопреклонное целование гвардейских знамён перед боем, а после боя — расстрел трусов перед строем части.

Не все рыцарские ордена могли похвастать таким же кодексом воинской чести, как Советская гвардия.

Премьер союзной Англии Уинстон Черчилль праздновал свой семидесятилетний юбилей.

В этот день в советских газетах появились тёплые поздравления Советского правительства с интимной фотографией юбиляра: в свободное от государственных дел время премьер, с кирпичом и лопаткой в руке, строил каменную беседку у себя в саду.

Этим подчёркивалась пролетарская солидарность с пролетарскими наклонностями юбиляра, который, в качестве отдыха, любил побаловаться ремеслом каменщика. Кто не найдёт эту фотографию в официальных биографиях Черчилля, пусть заглянет в советские газеты.

Принимая решения, Гитлер не советовался ни с кем. Только иногда, в случае особо важных решений, он совещался с одним человеком — своим придворным астрологом Вильгельмом Крафтом.

Узнав об этом, Черчилль приказал зачислить в штат английской армии своего собственного астролога капитана Луи де Воля, чтобы следить по звёздам за решениями Гитлера.

Но 13-й отдел НКВД не доверял ни Гитлеру, ни Черчиллю и давно уже имел соответствующего специалиста с трубой, чтобы следить за действиями обоих.

Роясь по средневековым книгам, сотрудники Научно-исследовательского института НКВД вычитали, что от святых пахнет хорошо, а от грешников плохо — иногда от них даже попахивает серой, что, как известно, является принадлежностью преисподней.

С тех пор, как последнее достижение науки и техники, оперативные работники 13-го отдела тщательно обнюхивали иностранных дипломатов.

В мозговом тресте профессора Руднева интересовались также следующим вопросом: откуда в мозгу Гитлера появилась идея нацизма, то есть, идея высшей расы, избранного народа? Новая это идея? Или Гитлер её просто позаимствовал? И от кого? И по кому эта идея в первую очередь ударила?

Такой простой вопрос! Но попробуйте на него ответить. Хотя, ответ на это есть уже в Библии. Кроме того, этот ответ полностью соответствует первому закону марксизма — о единстве и борьбе противоположностей.

Советская Армия наступала. На базарных площадях освобождённых от немцев городов, как в средние века, публично вешали тех, кто сотрудничал с помесью сатаны и антихриста в образе Гитлера.

А для воспитанников новых суворовских училищ вводили белые перчатки и, как в доброе Старое время, разучивали мазурку и полонез.

Все эти нововведения социалистического строя исходили из мозгового треста, где у всех научных сотрудников из-под белых халатов выглядывала форма НКВД.

Во всех этих делах, за спиной Сталина, стоял его красный кардинал, доктор социальных наук, мракобес и обскурант Максим Руднев.

Но чем больше орденов появлялось на груди генерала Руднева, тем молчаливее он становился.

Вокруг него ходили тёмные легенды, что генерал дьявола не раз сам искал смерти в бою, но не мог найти; что его не берёт ни пуля, ни огонь, ни вода; что, подписав союз с дьяволом, он не может умереть, пока не истечёт срок договора.

И только лишь один Борис знал, что за всеми этими странными делами, как бледный призрак, маячило ангелоподобное личико мёртвой красавицы жены, которую он когда-то привёл в их дом.

Той самой Ольги, которая, грея свою рыбью марсианскую кровь, вечно куталась в белый платок из ангорской шерсти, танцевала, как деревянная, и целовалась, не разжимая губы.

Той тихой мадонны, любовь к которой завела Максима по ту сторону добра и зла, по ту сторону жизни и смерти.

Глядя на необычайную карьеру Максима, Борис не знал, что делать. По привычке он пытался подсмеиваться над ним, как когда-то в детстве, когда Максим ел левой рукой или демонстрировал свое умение шевелить ушами.

Но когда он вспоминал, чем Максим занимается теперь, ему становилось не до смеха. Иногда ему казалось, что, может быть, старший брат и в самом деле связался с чёртом.

Потому, в вопросах нечистой силы младший брат, как Фома Неверный, занял оппортунистическую позицию.

Он посмеивался над приметами и суевериями, и, вместе с тем, недолюбливал чёрных кошек и всячески избегал числа тринадцать. Эти мероприятия казались ему достаточной защитой от нечистой силы в наш рационалистический век.

В разгар войны Борис окончил индустриальный институт, засунул свой диплом инженера в ящик стола и сразу же ушёл на фронт. Так он дошёл от Москвы до Берлина.

После войны, в соответствии с новыми послевоенными задачами и в порядке партийной дисциплины, он был назначен на должность инструктора агитпропа, то есть, Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б).

Максим же закончил войну трижды Героем Советского Союза и маршалом государственной безопасности СССР. Но в газетах об этом ничего не сообщалось.

Чем выше поднимался Максим, тем больше он старался оставаться в тени. За время военного союза с дьяволом он, видимо, научился кое-чему у своего союзника, который всегда работает в темноте, сзади или наоборот.

Так случайно, старший брат, вместо преподавателя истории, стал маршалом госбезопасности, который сам делает историю, а младший вместо инженера-механика стал инженером человеческих душ.

Во время войны тихо умерли их родители, единственное, что связывало братьев, и семья Рудневых распалась.

Максим поселился в старом и странном особняке, который полностью соответствовал его странным занятиям. А Борис, когда вернулся с фронта и стал инструктором агитпропа, тоже поселился сам по себе.

Несмотря на диковинную карьеру Максима, Борис по прежнему относился ко всему этому довольно скептически. А тем более, после того как он стал инструктором агитпропа, который должен доказывать людям, что ни Бога, ни чёрта нет, а есть только Ленин и Сталин.

Потому, Борис довольно редко встречался с Максимом и даже никому не говорил, что его старший брат — маршал НКВД.

Тёмные дела и странное поведение Максима будили в нём какую-то непонятную неприязнь. Максим же, оставшись один на всём белом свете, чувствовал это и болезненно обижался на холодное отношение своего единственного брата.

Вскоре после войны, НКВД переименовали в МВД. Научно-исследовательский институт профессора Руднева превратился в крупное учреждение, помещавшееся в отдельном новом доме на берегу Москвы-реки.

Но на дверях этого дома не было никакой надписи, а все научные сотрудники этого учреждения под белыми халатами по-прежнему носили форму НКВД-МВД.

Теперь они следили за деятельностью дьявола во всём мире. Того самого дьявола, князя мира сего, за которым когда-то безуспешно охотилась средневековая инквизиция, и которого профессор Руднев поставил на службу советской власти.

За особые заслуги во время войны, маршал госбезопасности Максим Руднев был назначен первым заместителем министра внутренних дел СССР.

Теперь левша Максим мог уничтожить каждого одним росчерком пера. Так исполнилось его детское желание, когда он просил Бога сделать его большим и сильным.

Глава 10. Дом злого добра

Иногда хорошо идти по пути зла, так как это приведёт к высшему добру.

Философ богоискатель **Н. Бердяев**

После войны Максим жил в тихом, заброшенном тупике около Гоголевского бульвара, где нет уличного движения и шума, и где осенью вся мостовая покрывается мягким ковром из опавших листьев, из которых мальчишки жгут дымные костры.

За тяжёлыми, коваными воротами в глубине двора прятался старый барский особняк, до революции принадлежавший крупному немецкому коммерсанту.

Немец был чудаковатый и построил себе русскую избушку, но с немецким акцентом. Сложил из брёвен двухэтажный сруб, а затем, памятуя о русских морозах, обил весь дом снаружи и изнутри толстым слоем войлока, из которого киргизы строят свои юрты.

Поверх войлока набили дранку и всё это оштукатурили. А внутри хитроумный немец, вместо обоев, оклеил все стены холстом для живописи и заказал художникам масляную роспись, которая соответствовала бы назначению каждой комнаты.

Широкие венецианские окна были окружены затейливыми витражами из цветных стёкол в оловянной оправе, изготовленными по специальному заказу в Нюрнберге.

Когда на этих витражах со сценами из Священного писания играл солнечный свет, то казалось, что находишься не в жилом доме, а в старом аббатстве. А на крыше крутился по ветру флюгер с задорным золотым петушком.

Решив поселиться в этом доме, Максим повыгонял из него целую кучу партработников, которые жили здесь целыми семьями в каждой комнате и которые пообдирали стенки так, что под былой живописью, сквозь клочья холста и войлока, можно было проследить всю архитектуру, вплоть до брёвен сруба.

Потом Максим тщательно реставрировал весь дом, вплоть до золотого петушка на крыше, добавил к чугунной ограде высокий зелёный забор с колючей проволокой наверху и поселился здесь один со своей немецкой овчаркой Рольфом и котом Васькой, которого он когда-то подобрал котёнком на улице.

В полуподвале была кухня, куда вела затейливая винтовая лестница и где сверкала немецким кафелем и красной медью огромная русская печь, в которой можно было зажарить целого быка.

А рядом комнаты для прислуги, откуда Максим выкурил целое змеиное гнездо тёщ, которых даже советские партработники стараются отделять, от своих семей винтовыми лестницами, на которых легко сломать себе шею.

В этих комнатах теперь жил дворецкий Николай со своей женой, которая смотрела за кухней.

Как полагается в настоящем барском особняке, в доме под золотым петушком имелось также несколько комнат для гостей, где всегда можно было переночевать.

Таким гостем иногда бывал Борис Руднев, когда ночь заставала его вблизи Гоголевского бульвара, и когда было лень ехать к себе домой.

Пытаясь приблизить к себе младшего брата, Максим даже дал ему второй ключ от дома. Но каждое утро, просыпаясь в доме под золотым петушком, инструктор агитпропа чувствовал себя, как лазутчик во вражеской крепости.

Всё здесь полностью противоречило всем инструкциям агитпропа. И в особенности — чернокнижная библиотека Максима. Ляпни что-нибудь такое на службе — и тебя или из партии выгонят, или арестуют.

По субботам в доме под золотым петушком иногда появлялись женщины. Но после самоубийства любимой жены и смерти ребёнка, Максим не думал больше о браке и жил себе бобылём, как волк-отшельник.

Помимо всего прочего, у 13-го отдела МВД имелся ещё и свой гарем. Гуриями из этого гарема окружали иностранных дипломатов, журналистов, да и вообще всех иностранцев. Или крупных советских сановников.

В Москве их так и звали: можно-гёрлс МВД. В зависимости от всяких специальных квалификаций и качеств, эти можно-герлс подразделялись на целый ряд категорий.

Некоторые гурии высших категорий были дочерями из лучших дворянских семей старой России — княжны и графини, ведущие свой род чуть ли не от Рюриковичей.

Говорили, что одна из таких гурий, из линии бывших кавказских царей, была не то женой, не то наложницей самого министра МВД Берии.

И ещё говорили, что свояком советского министра тайной полиции был не кто иной, как один из заграничных претендентов на престол Романовых, который был женат на второй сестре-царевне.

В качестве некоторой компенсации, гуриям высшего полёта предоставлялось право в любом случае говорить да или нет.

Некоторые из этих жриц любви были такими красавицами и умницами, что их да или нет, не брезгал даже сам начальник 13-го отдела МВД.

В такие дни, вместо маршальской формы, Максим надевал гражданский костюм, чтобы его гурии не знали, что они были в гостях у самого султана.

Утром дворецкий Николай почтительно усаживал гурию в машину и вёз домой. А Максим рассеянно бродил по комнатам, потягивался и играл с собакой или кошкой.

Как-то Борис кивнул вслед ослепительной блондинке и спросил:

— А почему бы тебе на такой не жениться?

— Дурацкое положение, — зевнул Максим. — Лучших красавиц ты в Москве не найдёшь. А жениться на них нельзя.

— Почему?

— Потому что это красотки не простые, а специальные.

— Какие специальные?

— Такие, — усмехнулся Максим. — Заколдованные. И с ними нужно уметь обращаться. — Потом он строго посмотрел на младшего брата и нахмурился: — Не вздумай с ними связываться. Кроме несчастья, ничего тебе от них не будет...

Кабинет Максима выходил в старый, запущенный сад. Большое, во всю стену, окно с витражами по бокам. Сцены из Священного писания слегка заслоняли дневной свет, словно напоминая о чём-то.

У окна, лицом к жизни, стоял письменный стол Максима. А за его спиной тихо притаилась смерть: все стены кабинета состояли из тяжёлых дубовых полок, сверху донизу набитых книгами на разных языках, но на одну и ту же тему — про всякую чертовщину.

Такой библиотеки позавидовал бы любой чернокнижник или средневековый алхимик, отыскивающий тайны жизни и смерти.

Открыв первую попавшуюся книжку, Борис уже наткнулся на подчёркнутые рукой Максима строки:

«... слушай и содрогайся, о сатана, враг веры, враг рода человеческого, друг смерти, вор жизни, потрясатель правосудия, источник зла, корень пороков, совратитель людей, предатель народов, источник зависти, причина жадности, начало раздоров, поставщик горестей, — слушай, о сатана, и повинуйся!»

— Что это такое? — спросил инструктор агитпропа. — Формула, как вызвать дьявола?

— Как раз наоборот, — ответил Максим, потягивая газированную воду. — Это официальная литургия Ritunic Romanum, которую читают, чтобы изгнать злого духа из одержимых.

— А зачем ты это подчеркнул?

— Потому что это очень точная формулировка сатаны. По всем пунктам.

Чувствуя себя гостем, инструктор агитпропа старался сдерживаться. Но получалось так, что вскоре сатана незаметно становился источником споров и разногласий. В точности по той формулировке, которая так нравилась Максиму.

Рядом стояла совсем современная книга «Priesta New Ritual», изданная в 1947 году в Нью-Йорке. Но и в этом новом ритуале опять старая песня.

При церемонии крещения новорожденного, прежде чем лить воду, священник должен изгнать дьявола. Красным карандашом маршала МВД отчёркнуто:

«Я заклинаю тебя, нечистый дух, во имя Бога Отца всемогущего, и во имя Иисуса Христа, Сына Его, нашего Господа и Судьи, и силою Святого Духа, чтобы ты отошёл от этого творения Божия, которое наш Господь соблаговолил избрать своим святым храмом, чтобы оно могло стать храмом живого Бога и чтобы в нём обитал Святой Дух».

— Но ведь, считается, что Бог живёт на небе? — возразил инструктор агитпропа.

Маршал госбезопасности почесал коту за ухом и, как опытный богослов, вынужденный пререкаться с безбожником, добродушно пояснил:

— Царство Божие вовсе не на небе, а на земле. И Бог обитает не где-нибудь, а в душах людей... И дьявол тоже.

Раньше Максим любил подтрунивать над отцом, который ходил в церковь, но путался в евангельских подробностях. Теперь же, он взялся за младшего брата:

— Послушай, товарищ из агитпропа, можешь ты меня немножко проинструктировать?

— А что именно? — насторожился инструктор агитпропа.

— Ну вот, например, объясни мне, что означает советская звезда?

— Это символ коммунизма.

— А почему она пятиконечная?

— Это пять континентов.

— А почему такая же звезда у американских капиталистов?

— А чёр-рт их знает! — сдался инструктор агитпропа. А маршал-чернокнижник снисходительно усмехнулся, вытащил какую-то книжку про средневековую кабалистику, полистал и показывает.

Там была изображена точная копия советской пятиконечной звезды с той только разницей, что внутри звезды стоял голый человек.

Голова — в верхнем луче, вытянутые на уровне плеч руки — в боковых лучах, а широко расставленные ноги — в нижних лучах.

По всему телу человека были намалёваны всякие кабалистические знаки, перемешанные с солнцем, луной, звёздами и так далее.

— Видишь, — сказал Максим, ухмыляясь, как доктор Фауст. — Вот откуда заимствовали эту звезду основоположники коммунизма.

— А почему эта же звезда и у американцев?

— Потому что американскую звезду родила американская революция. А все революции делаются людьми того же самого типа.

— Какого типа?

— Типа негритянских колдунов, сибирских шаманов и средневековых ведьм и ведунов. Потому их и жгли. Гитлер гнал их в газовые камеры, а Сталин — в Сибирь.

Тут начальник 13-го отдела и замминистра внутренних дел СССР принялся цитировать своих любимых умных евреев, апостолов 13-го отдела — криминолога Ломброзо, дегенеролога Нордау и психоаналитика Фрейда.

В том смысле, что все революционеры — это душевнобольные выродки, большинство которых попадает на виселицу, а меньшинство — в великие люди, что висельники и великие люди это одно и то же, и так далее прочее.

— Хорошо, — сказал Максим. — А теперь, товарищ из агитпропа, скажи мне, почему советская звезда красная?

— Это символ красной крови пролетариата.

— Да, в этом есть некоторый биологический смысл. А почему американская звезда — белая с синим?

— А чёр-рт их знает, — опять спасовал инструктор агитпропа.

Тогда Максим снисходительно объяснил:

— Один из ближайших сотрудников Ленина перед расстрелом уверял, будто американская бело-синяя звезда означает белую кость и голубую кровь интеллигенции, которая делала американскую революцию. Кстати, товарищ из агитпропа, скажи-ка мне, что такое голубая кровь?

— Ну, просто так... Оборот речи...

— Нет, — покачал головой доктор социальных наук. — Голубая кровь — это то, что теперь называется отрицательным резус-фактором в крови. Этот фактор открыли Ландштейнер и Винер в 1939 году. А я открыл это на несколько лет раньше.

— А что это за фактор?

— В основном отрицательный резус-фактор — это состояние крови, которое мешает деторождению. При этом, рождаются нежизнеспособные дети синеватого цвета. Возможно, от этого и произошло выражение «голубая кровь».

Этот фактор прямо пропорционален уровню культуры и цивилизации данной нации или данного социального класса. У англосаксонских народов около 15 процентов людей имеют негативный резус-фактор.

У американских негров он встречается гораздо реже, чем у белых американцев. У китайцев и индусов его почти нет. Закон равновесия природы. Где природа стремится распределить всё если и не поровну, то по очереди.

Однажды, по привычке роясь в книгах Максима, Борис нашел потрёпанную Библию, где красным карандашом было отчеркнуто следующее:

2. И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов (пещер, где хоронили мёртвых) человек, одержимый нечистым духом;

3. он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями;

4. потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его;

5. всегда, ночью и днём, в горах и гробах, кричал он и бился о камни.

6. Увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему,

7. и, вскричав громким голосом, сказал: — Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня!

8. Ибо, Иисус сказал ему: — Выйди, дух нечистый, из сего человека.

9. И спросил его: — Как тебе имя? И он сказал в ответ:

«Легион имя мне, потому что нас много. Марк. 5: 2-9».

Когда Борис обратился за объяснениями к архиепископу Питириму, который часто бывал в доме под золотым петушком,

тот ответил:

— Видите ли, Евангелие — это книга символическая. Потому, всё это нужно понимать не в прямом смысле, а в переносном. И тогда всё это очень просто.

— А почему здесь специально подчёркнуто: «Легион имя мне, потому что нас много»?

— Потому что таких легионеров действительно очень много.

Иногда, по вечерам, в доме под золотым петушком собирались ближайшие сотрудники Максима, генералы и полковники 13-го отдела МВД. Несмотря на военную форму, они мало походили на обычных офицеров госбезопасности.

Почти у всех были учёные степени и звания доктора или профессора в самых различных областях науки и искусства, вплоть до литературы. Интеллигентные лица, сдержанные манеры, спокойный академический тон.

Вместо водки и вина эти советские иезуиты попивали чай с печеньем или газированную воду. Нередко в их разговорах проскальзывали какие-то легионеры.

Можно было подумать, что это не работники МВД, а генералитет какого-то таинственного библейского легиона, злого духа, который настолько силён, что его не могут удержать никакие цепи и оковы, но которого советская инквизиция сумела поставить на службу советской власти.

Казалось, что эти инквизиторы просто пользуются специальным кодом, где под легионерами подразумеваются какие-то живые люди.

Для удобства, они даже подразделяли этот легион, так же, как советскую компартию: на членов, кандидатов, попутчиков и сочувствующих.

Борис догадывался, что Максим взял и перенёс в работу 13-го отдела МВД всю галиматью из лексикона средневековой инквизиции. Но что скрывалось за этой шифрованной терминологией?

Иной раз странные офицеры МВД с серьёзным видом дискутировали об Откровениях святого Иоанна и различных толкованиях четырёх всадников Апокалипсиса.

Оказывается, первый всадник, на коне белом, — это Война. Второй — это Революция. Третий всадник, на коне вороном, — это Голод. Четвёртый всадник, на коне бледном, — это Смерть. Но больше всего жандармов МВД интересовал всадник второй, на коне рыжем, имя которому — Революция.

Странно... Ведь, после первой мировой войны пришла Октябрьская революция, а за ней — братоубийственная гражданская война и страшные голодные годы, когда пули, голод и тифозные вши косили людей, как в Апокалипсисе.

И главное, та же самая последовательность: война — революция — голод — и смерть. Казалось, что в библейском Апокалипсисе скрывалась какая-то внутренняя логика.

Далее философы из МВД пускались в чистейшую метафизику. Они брали христианство и анализировали его советским методом диалектического материализма.

В результате, получалось диалектическое христианство. Потом, они брали советский исторический материализм и очищали его, сквозь призму диалектического христианства. В результате, получалась наука всех наук — высшая социология.

Так, советская история учит, что первой революцией в мире было восстание Спартака в Риме. Но профессорам 13-го отдела было совершеннейше наплевать, что толкует советская история.

Для них, с точки зрения высшей социологии, первая революция начиналась в Библии: когда сатана возгордился и восстал против авторитета Бога, за что он, вместе с другими подобными революционерами, и был низвергнут с небес, чтобы мутить людей на земле и подбивать их на всякие беспорядки и революции.

А раз так, то это уж по линии МВД.

Потом, иезуиты в форме МВД, как присяжные богословы, рассуждали о семи смертных грехах, где первый грех, грех сатаны, — это гордыня.

А смертными эти грехи названы вовсе не ради красного словца, а потому что они действительно ведут к смерти. В подтверждение этого, богословы похлопывали себя по пистолетам у пояса.

А в противовес семи смертным грехам существуют семь добродетелей: справедливость, умеренность, мудрость и так

далее.

Всё это нужно знать, чтобы понять и проанализировать внутреннюю сущность сатанинского духа, имя которому легион, включая членов, кандидатов, попутчиков и сочувствующих.

Инструктору агитпропа ЦК партии было немножко не по себе сидеть и слушать подобные салонные разговорчики среди членов компартии, да ещё крупных работников МВД. Хорошо, допустим, что они просто балуются теологией. Но нет, дальше было ещё хуже.

Согласно теории исторического материализма, Великая французская революция была обусловлена классовой борьбой.

А вот, ученики маршала госбезопасности Руднева в этой революции, как и в любой другой революции, видели, с точки зрения высшей социологии, просто параллель первой библейской свалки на небесах, отрицание авторитета власти, нигилизм, анархию и бунт.

Вместо классов они сразу переходили на личности и начинали искать дьявола.

И вот тут, пользуясь диалектическим христианством, поскольку дьявол есть дух, то, прежде всего, они искали источник духовной анархии, подготовившей почву для революции.

Таким образом, они добрались до знаменитого философа, просветителя и педагога Руссо, идеи которого послужили ядром якобинского мышления революционеров.

Оказывается, великий Руссо был личностью чрезвычайно двойственной — как настоящий оборотень. В своих писаниях он был гениальным педагогом. Но в личной жизни он наплодил пять незаконных детей, рассовал их по сиротским домам и ничего о них знать не хотел.

Перед ним стелились графья. Но, гонимый гордыней, чтобы больше подчеркнуть свой собственный интеллект, он осчастливил этими детьми неграмотную хорошицу-дурочку, которую этот великий педагог, несмотря на все усилия, не мог выучить даже различать время дня, дни недели или месяцы года.

— Вполне естественно — заметил полковник госбезопасности Быков, он же доктор психопатологии, — в области интимной

жизни только эта дурочка ему и подходила. А нормальная женщина просто дала бы ему но морде.

В своих философских размышлениях Руссо страстно ратовал за социальную справедливость, создал культ романтического бунтарства и глорифицированного индивидуализма. Опять, та же гордыня.

Но, в личной жизни, это нисколько не мешало ему предавать своих друзей, врать и даже воровать. То, на что он подбивал других, сам он делал, как раз, наоборот.

Потому те, кто читали его писания, считали его чуть ли не вторым Христом. А те, кто смотрели на его деяния, называли его антихристом.

— Кто же из них прав? — спросил Борис.

— И те и другие, — ответил генерал Топтыгин, он же профессор истории. — Это называется шизофренией — расщеплением личности. Нечто подобное было и у второго Толстого.

— Какого второго?

— До пятидесяти лет был первый Толстой — чистый гений. А после пятидесяти лет был второй Толстой — помешанный гений, душевнобольной.

Вот этого-то второго Толстого и отлучили от церкви. И этого же второго Толстого расхваливал Ленин, говоря, что это зеркало русской революции.

Как только головастики из мозгового треста профессора Руднева попадали в затруднительное положение, как в хорошем еврейском анекдоте, они моментально звали на помощь своих хитроумных евреев.

Так, в случае Толстого, они сейчас же сослались на апостолов 13-го отдела, профессора Ломброзо и доктора Нордау, которые уверяли, что гениальность и безумие частенько сходятся в одной точке или в одной голове.

С этой целью, Ломброзо даже специально ездил в гости к Толстому, а его ученик Нордау потом писал о Толстом такое, что лучше этого и не повторять.

Потом, философы МВД опять взялись за великого Руссо. Перед смертью Руссо, как и полагается грешникам, написал публичную исповедь в форме книги о шестистах страницах.

Теперь же генерал-профессор Топтыгин ссылался на эту исповедь в подтверждение того, что Руссо лично путался с дьяволом, который везде лезет со своим авторитетом, и отпускал о грешном Руссо такие двусмысленные шуточки, будто он показывал свой авторитет таким образом, что это нельзя описать иначе, как в посмертной исповеди.

При этом, профессор Топтыгин моментально спрятался за спину апостола психоанализа Фрейда, который проповедовал, что дьявол прячется в двух местах — в голове и в штанах человека.

— А что же этот Руссо, всё-таки, делал? — спросил Борис.

— Он расстёгивал штаны, — усмехнулся профессор, — и показывал свой авторитет в окошко. В особенности детям.

— Это что ж, с педагогической целью?

— За эту педагогику его несколько раз били до полусмерти. Но ничего не помогало.

— В чём же там дело? — удивился инструктор агитпропа. Тут, как справочный автомат, заработал полковник психопатологии Карпов:

— В медицине это называется эксгибиционизмом. А по-русски это будет х-показчик. Кроме того, Руссо страдал сперматореей и гипоспадией. Это врождённые дефекты половых органов.

— Кстати, — заметил профессор Топтыгин, — Руссо писал письма Богу и вместо почтового ящика клал их под алтарь собора. Но всё дело в том, что он был духовным отцом французской революции.

А когда учёные задним числом начинают проверять, то убеждаются, что не только Руссо, но и все другие вожди этой революции были такими же легионерами.

Генерал-инквизитор МВД многозначительно постучал себя пальцем по лбу:

— Потому товарищ Ломброзо и говорит, что все революционеры немножко того...

Затем, пользуясь подобным же странным методом, мозговой трест профессора Руднева принимался анализировать духовные первоисточники Октябрьской революции.

А поскольку дьявол делает всё сзади и наоборот, то они, охотясь за дьяволом, тоже шли таким же путём.

От Ленина, с его большевиками, они шли назад к истокам социал-демократического движения и к русскому первомарксисту Плеханову, от которого генеалогические корни вели к Бакунину, а от него к русским нигилистам и анархистам второй половины 19 века.

В то время, дьявол революции даже не прятался под маской марксизма, социал-демократии и большевизма, а так и называл себя собственным именем нигилист и анархист!

— Ведь, позже Бакунин сам писал, что все революционеры от дьявола, — сказал генерал Топтыгин.

— Между прочим, праправнучка Бакунина недавно покончила самоубийством в Италии, — заметил полковник Карпов. — В семьях Карла Маркса и Троцкого тоже полно самоубийств.

Потому, церковь и запрещала хоронить самоубийц нормальным порядком. Потому что в них частенько сидят бесы, которые и доводят их до самоубийства.

А, говоря о первомарксисте Плеханове, специалисты 13-го отдела, следуя советам хитроумного Фрейда, не только спустили штаны с самого Плеханова, но даже заглядывали под юбку его жене Розе Марковне.

А почему этому бунтарю понадобилась не какая-нибудь Авдотья Петровна, а именно Роза Марковна?

Потом они сплетничали про вождя немецких коммунистов Тельмана, у которого жена была тоже какая-то Роза, и проводили какие-то библейские параллели.

А инструктор агитпропа слушал всё это и думал: «Боже, что за еретическое толкование всей истории коммунизма?! Да ещё в устах тех, кто должен следить за безопасностью этого коммунизма!

Но жандармы МВД, видимо, знали своё дело и имели на то особые полномочия, для предотвращения дальнейших

контрреволюций им нужно было знать не пропаганду агитпропа, а действительные микробы любой революции.

Попивая чаёк, иезуиты маршала Руднева спокойно рассуждали, что дьявол, по природе, индивидуалист, персоналист и самовлюблённый эгоист.

Но, будучи источником человеческих слабостей и пороков, сам он очень хороший психолог и хитрый делец. Потому, чтобы придать своим затеям солидный вид, он любил прикрываться добродетелями.

Правда, дьявол избегает старых и многоопытных греческих добродетелей вроде справедливости, умеренности и мудрости и предпочитает оперировать более молодыми и неопытными христианскими добродетелями, имя которым вера, надежда и любовь.

Эти добродетели служат преимущественно для маскировки. А за ними притаились гордыня, зависть и злоба. Тут же путаются такие оппортунисты и соглашатели, как глупость, невежество, тщеславие, голод и нищета.

Хотя дьявол есть лжец и отец лжи, хотя он имеет массу алиби и инкогнито, и, в лучшем случае, от него видны только хвост да рожки, но специалисты советской инквизиции говорили о нечистом, как о совершенно объективной реальности.

Они знали какие-то специальные приметы, по которым можно судить, что данное лицо путается с дьяволом. Но об этих приметах они помалкивали или пользовались каким-то тарабарским жаргоном, состоящим из латыни и непечатных ругательств.

Как настоящие иезуиты, чтобы казаться объективными, воспитанники маршала Руднева подчёркивали, что дьявол и легион — это две большие разницы и что здесь требуется большая осторожность, чтобы не перепутать, где грешник и где святой, где грешный святой и где святой грешник.

Оказывается, что дьявол всегда плох, а одержимые им легионеры далеко не всегда. Большинство легионеров страдают от дьявола и даже пытаются с ним бороться.

Некоторые, преодолев дьявольские соблазны, даже становятся святыми и праведниками, и заслуживают только уважение.

Так, например, знаменитый сказочник Андерсен тоже был легионером, но относился к категории добрых фей. Потому он и писал такие хорошие сказки про добрых фей.

Генерал-архиепископ Питирим с сожалением покачал головой:

— Да, этого дьявола назвали дьяволом совсем недаром...

Когда Максим был студентом, перелистывая в родительском доме старые комплекты «Нивы», где попадались портреты Шопенгауэра и Ницше, он любил заглядывать в зеркало и фантазировать, что у него нос, как у Шопенгауэра, или подбородок, как у Ницше, хотя знал он о них только понаслышке да по портретам в «Ниве». Тогда они казались ему гордыми гениями, парящими над мирским болотом.

Теперь же, судя по библиотеке Максима, где постоянно встречались ссылки на пессимистическую философию Шопенгауэра и мрачные размышления Ницше, насчёт «белокурой бестии» и «падающего подтолкни», эти оба мизантропа состояли на спецучете 13-го отдела МВД.

Но Максим интересовался не столько учениями этих людей, как их личной жизнью — в поисках личных корней их гордыни, пессимизма и человеконенавистничества.

Борис обратился к полковнику Карпову:

— А что вы скажете насчет Ницше? Полковник психопатологии опять заработал, как справочный автомат:

— Этот сынок пастора, который ненавидел христианство, написал «Антихриста», и занимался кровосмешением со своей сестрицей.

Некоторые полагают, что у него был сифилис, но, по-видимому, это была просто легионизация. Многие легионеры, в таких случаях, сваливают вину на невинный сифилис.

За долгие годы, пока маршал госбезопасности Руднев сводил свои личные счёты с дьяволом, в его хмурых чертах действительно появилось что-то общее с Шопенгауэром и Ницше — печать мрачной гордыни.

Но зато, теперь он уже не смотрел в зеркало и относился к своим бывшим кумирам с явной неприязнью.

Теперь великий богоборец Ницше был для Максима просто больным гением, который заплатил за свой бунт тем, что провёл последние десять лет своей жизни в сумасшедшем доме.

А у Шопенгауэра Максим подчеркнул следующие строчки, которыми тот высказывал своё мнение о людях:

«Тяжело было бы жить на свете, если бы не было собак, на честную морду которых можно смотреть с абсолютным доверием».

Такого же мнения придерживался, видимо, и знаменитый средневековый алхимик, чародей и отшельник Корнелиус Агриппа, который был настолько привязан к своей чёрной собаке Монсьеру, что оба ели с одного стола и даже спали в одной постели.

А чернокнижник Максим Руднев, чтобы не скучать, играл со своей немецкой овчаркой.

Так или иначе, хотя теперь Максим и не искал в зеркале сходства с Шопенгауэром и Ницше, но факт оставался фактом: с тех пор, как он связался с нечистой силой, физиономия у него явно перекривилась.

Пока инквизиторы МВД попивали чаёк и философствовали, Борис копался в чернокнижной библиотеке Максима.

В книгах по сатановедению частенько описывалось, что в доброе старое время в шабашах ведьм и ведьмаков обычно принимали участие всякие демоны, маскировавшиеся в форме козлов, свиней или собак.

Тут же коротенькая вырезка из «Правды» ещё 30-х годов. На пожелтевшем, рассыпающемся клочке бумаги с возмущением сообщалось, что гадкие англичане опять посадили бедного Махатму Ганди в тюрьму.

Индийский святой и вождь пассивного сопротивления и здесь не сопротивлялся. Но он категорически потребовал только одного — чтобы вместе с ним в камеру посадили его возлюбленную козу, молочком которой он питался. А на полях заметки вопросительный знак красным карандашом.

Генерал-профессор Топтыгин заглянул, что читает Борис, и скептически заметил:

— Откровенно говоря, в освобождённой Индии нужно было бы ставить памятники не Ганди, а этой козе.

Рядом фотоальбом из жизни знаменитого художника-модерниста Пабло Пикассо, хитрого мазилки, который заработал на своей мазне миллионы.

На своей роскошной вилле Пикассо, миллионер и коммунистический попутчик, тоже держал любимую козу, которая служила ему в качестве натурщицы. И жила эта натурщица тоже по-модерному: не в хлеву, а в доме художника.

— Это козочка не простая, — пояснил профессор МВД. — Это тайный агент полковника Карпова.

Роясь по полкам, Борис наткнулся на целую коллекцию всяких заумных поэтов, поэтиков и поэтишек, которыми кишело время перед Октябрьской революцией.

Началось всё с символистов, которые импортировали свои фокусы из Франции. Потом пошли другие фокусники — акмеисты, фуисты, имажинисты и ещё целая куча всяких «истов», вроде эмоционалистов, презентистов, люминистов, парнасцев и так далее.

Неподалёку сидел на турецком диване ещё один мозговик из мозгового треста профессора Руднева — генерал медслужбы МВД Быков, весёлый человек, на погонах которого тихо поблёскивали змейки, обвившиеся вокруг чаши с ядом.

Но, помимо медицины, этот мозговик, оказывается, интересовался также и поэтами. Теперь он присоединился к Борису и похвалил:

— Да, весёленькая компашка. Декадентики. В этой коллекции имелись и такие умники, как биокосмисты, которые называли свою программу «Брызги бестиализма».

Были там ещё и ничевоки, символически бравшие своё начало, по-видимому, от того самого загадочного Ничто, которое ничтожит. Свой журнал эти ничевоки называли «Собачий ящик».

Видимо, в честь того собачьего ящика, в котором собирают и свозят на живодёрню бродячих собак. Приложение к этому журналу было до умиления откровенно и называлось оно коротко и ясно: «Сволочь».

— С точки зрения высшей социологии, это просто анархисты и нигилисты в литературе, — с сожалением вздохнул доктор Быков. — Есенин и Маяковский тоже вышли из этой среды. Потому они и покончили самоубийством.

— А почему именно? — спросил Борис.

— Ну вот возьмите Есенина. Зачем ему понадобилось жениться на Айсидоре Дункан, которая, по возрасту, годилась ему в матери? И та же самая история с бунтарём Руссо: он выкопал себе возлюбленную почти вдвое старше себя и так её прямо и называл — мамой!

Тут опять, как справочный автомат, заработал полковник психопатологии Карпов:

— Когда мужчину тянет к женщине старше себя, то это обычно признак эдипова комплекса, то есть, сознательное или подсознательное тяготение к кровосмешению с матерью. Мы называем это матерным комплексом.

От этого и происходит русская матерная брань. Но этот матерный комплекс является корнем, из которого частенько произрастает целый ряд вторичных психических заболеваний.

Отсюда, по-видимому, бунт и алкоголизм Есенина. Бегство от самого себя, бегство в ничто. А жалко, хороший поэт хорошей души — и погиб попусту.

— Н-да, а теперь нам приходится возиться с его сыном Есениным-Вольпиным. Тут уж сразу видно, чем это пахнет. — Доктор Быков потянул носом воздух. — Типичный параноик.

Мы посадили его в психиатрическую клинику, а он смотрит в окошко, видит там коров и сразу призывает их бунтовать, конечно, в стихах:

Эй, товарищи коровы и быки,
До чего ж вас довели большевики!

Тем временем, инструктор агитпропа листал книжку «Распад атома», которая принадлежала перу эмигрантского поэта Георгия Иванова, и была написана в прозе и издана ничтожным тиражом в Париже в частном порядке, как бы, для друзей. В числе этих друзей оказался и генерал МВД Быков.

— Лучший поэт белой эмиграции, — похвалил генерал. — «Белой акации ветви душистые...»

Когда Борис ещё был подростком, он из любопытства лазил по медицинским книгам отца, которые касались жизненной прозы и всяких щекотливых вопросов.

Но даже в тех специальных книгах не было таких богомерзких вещей, какие в художественной прозе смаковал поэт Иванов. Неудивительно, что эта книга, граничащая с порнографией, была издана в частном порядке.

Держа в руках этот «Распад атома», Борис спросил:

— При чём здесь распад атома, когда здесь пишется про растление малолетних и труположество?

— Символика, — отвечал генерал-майор, — Под этим подразумевается распад атомов в мозгу — и душевные болезни. Среди поэтов это — своего рода, профессиональные болезни. Потому философ Демокрит и говорит, что человека в здравом уме он не считает настоящим поэтами.

Кстати, у Есенина-Вольпина есть стихи про девочку, убитую в кустах, где тоже попахивает труположеством. А когда мы запрещаем такие вещи печатать, они кричат, что мы зажимаем им «свободу творчества».

Борис поставил «Распад атома» на полку. Рядом стоял сборник поэтов-фуистов под заголовком «Мозговой разжиж». Весёлые фуисты, избравшие своё прозвище, видимо, от слова «фу» или «тьфу», этим заголовком сами подтверждали слова генерала о распаде атомов в мозгу, называя это «мозговой разжиж».

Некоторые профессора 13-го отдела носили на погонах значки технической службы МВД — скрещённые топорики, которые брали своё начало от инженерных войск и сапёров, но которые, в данном случае, больше напоминали средневековую инквизицию.

А особенно, если послушать этих профессоров, как они рассуждают о диалектическом христианстве и ласково поглаживают пистолеты у пояса.

Копаясь в первоисточниках христианства, они цитировали библейские притчи, что дьявол — князь мира сего, что одним он обещает власть, славу и богатство, а другим, взамен, горе и несчастье.

Исходя из этого, они подозревали большинство великих людей, которые добились власти, в шашнях с дьяволом. А другим, гражданам и солдатам, за их счёт, приходится расхлебывать горе и несчастье.

Например, Ленин добился власти и славы. А сколько миллионов людей заплатило за это своей жизнью? Ведь, за границей пишут, что это стоило России 50 миллионов человеческих жизней.

Ну, а что Ленин якшался с дьяволом, так уж в этом нет никакого сомнения. Возьмите, например, тех компаньонов Ленина, кто после революции улепетнул за границу, и кого не добили во время Великой Чистки.

Ведь, в эмигрантской печати открыто пишут, что почти все эти революционеры нашли себе приют в этаких мистических эзотерических тайных обществах, членов которых одни называли гуманистами, а другие — сатанистами.

Тут сводная эмигрантская пресса почему-то начинала заикаться и никак не могла объяснить, что это такое. Что это за тайные общества? И что это там за тайна? И что это за гуманизм, который обошёлся России в 50 миллионов человеческих жизней?

Но в мозговом тресте профессора Руднева прекрасно знали, что это такое. И даже знали, почему это заикается эмигрантская пресса. Ведь, потому во время Великой Чистки и законопатили в Сибирь чуть не половину Союза советских писателей.

Так как эти инженеры человеческих душ не выполняли свой гражданский долг и не предупреждали сограждан, в том числе и маленького капитана НКВД Руднева, об опасности со стороны сатаны и антихриста.

Тут советские иезуиты моментально свистнули себе на помощь очередного хитроумного еврея — апостола экзистенциализма Кьеркегора, горбатого философа, который уверял, что в наше время дьявол обитает в печатной краске.

Потому-де, все эти бумагомаратели, чернильные души, и заикаются, когда доходит дело до правды насчёт товарища сатаны.

Ведь, сам знаменитейший нобелевский лауреат Андре Жид писал, что нет книги, написанной без помощи дьявола. А вы, всезнайки, этого не знаете? А ну, посмотрите-ка в зеркало! Ага, потому-то вы и заикаетесь. Не все, не все, но процентов, этак, 75 из вас.

Ведь, сам богоискатель Бердяев, которого некоторые считают величайшим русским философом 20 века, писал про союз сатаны и антихриста. И, в результате, — царство князя мира сего.

А вы, всезнайки, этого не знаете? А ну, посмотрите-ка на ваших женуленек, папочек и мамочек! Ага, потому вы и заикаетесь. Не все, не все, но, этак, добрая половина этих самых 75 процентов.

И вы, чернильные души, думаете, что мы этого не знаем? Да ведь, это ж можно на пальцах высчитать. А у нас теперь техника, электронно-вычислительные машины. И все вы, субчики-голубчики, у нас на учёте: и члены, и кандидаты, и попутчики, и даже сочувствующие.

Генерал-профессор Топтыгин расхаживал по комнате, поблёскивая своими новенькими топориками на погонах:

— Эта штука разрушила прекрасную Элладу и гордый Рим. И эта же штука погубила имперскую Россию. А мы — тайная государственная полиция новой, молодой России! И мы с этой заразой церемониться не будем...

Наслушавшись такой высшей социологии, инструктор агитпропа наконец не выдержал и заявил:

— Послушайте, товарищи, с точки зрения исторического материализма, движущими силами исторического процесса являются не Бог и не дьявол, а классовые взаимоотношения, то есть, классовая борьба.

— Видите ли, молодой человек, — мягко сказал генерал-доктор Быков. — Если упрощённо рассматривать исторический процесс или прогресс, как тысячелетнюю ленту, вроде конвейера, то есть две основные силы, приводящие её в движение.

Одна сила — в начале — эту ленту создаёт. А другая сила — в конце — её уничтожает. Вот это и есть Бог и дьявол.

Но вся беда в том, что, для достижения прогресса, движения, чтобы освободить место новым молодым народам или классам, дьяволу прогресса не остаётся ничего другого, как отрезать не худший молодой конец, а лучший, но который уже отгулял своё время под солнцем прогресса.

Вот здесь-то и заложено трагическое противоречие. Декаданс-с... Распад... Где самое лучшее превращается в самое худшее, в ничто.

А классовая борьба — это, лишь, частное проявление этого общего закона человеческой природы. — Генерал кивнул в сторону, где на мраморной доске камина стояла массивная бронзовая скульптура: — Вот он — этот двигатель прогресса...

Это была деталь из символической композиции знаменитого французского скульптора Родена. Называлась она «Врата ада» и изображала две фигуры в довольно откровенной позе. Борис пощёлкал пальцем по бронзовому колену женщины:

— Любовь явно французская. Но ада я здесь что-то не вижу.

Однако, генерал медслужбы МВД считал, что эта легкомысленная скульптура имеет глубокомысленный смысл.

— Это основная причина большинства несчастных браков, разводов и дефективных детей. Причём, пострадавшие, если они сами не легионеры, даже и не подозревают, что причина всего этого скрывается за этими вратами.

Потому это и называется вратами ада. Кстати, из этих ворот выходят и все литературные прототипы лишних людей.

— Позвольте, — возразил инструктор агитпропа. — Но ведь, считается, что эти лишние люди, как байроновский Чайльд Гарольд и лермонтовский Печорин, были жертвами окружающей среды, то есть, социальных условий.

— Они всегда валят всё на среду, с больной головы на здоровую, — как автомат заработал полковник Карпов.

— Кто виноват, что лорд Байрон был от рождения хромой, лошадиная стопа? Кто виноват, что он изменял своей жене со своей сестрой Августой? Среда виновата? Кроме того, он ещё мечтал о мальчиках.

Потому он и чувствовал себя везде лишним — как его гордый Чайльд Гарольд. Потому Байрон и полез в борьбу греков против турок и там погиб. Комплекс самоуничтожения.

А чтобы понять лермонтовского Печорина, нужно знать, что дед Лермонтова покончил самоубийством в припадке помешательства. А байронизмом Лермонтов увлекался потому, что сам тоже влюблялся в родственниц. Просто родные души.

А его дуэль? Ведь это было замаскированное самоубийство. Потому он и написал своего «Демонам» и «Ангела смерти». А

возьмите Врубеля: он увлекался иллюстрациями и декорациями к «Демону» — и кончил в жёлтом доме.

— Эх, кабы Лермонтов жил в наше время, — с сожалением вздохнул генерал-архиепископ Питирим. — Приставили бы мы к нему двух наших архангелов, чтобы охраняли его от самого себя. Потом подсунули бы мы ему подходящую бабёшку. И всё было бы в порядке — как у Евтушенко.

Над фривольными «Вратами ада» висела старая гравюра Гойи с интригующим названием «Поверите вы этому или нет?», где были изображены две старые ведьмы, которые не то дрались, не то страстно обнимались.

— А как насчет Гойи? — спросил Борис. — Ведь он тоже считался прогрессивным художником.

— О да, сначала он рисовал нормально, а потом начал прогрессировать, — согласился доктор Карпов. — Его потянуло на бои быков, к нечистой силе, начал смаковать ужасы войны.

По содержанию — болезненный, оголённый натуризм, по форме — ранний модернизм. Типичный прогрессирующий мозговой разжиж.

Конечно, в таких условиях инструктору агитпропа было трудно спорить с мозговым трестом профессора Руднева.

Эти иезуиты рассматривали всю историю цивилизации через какую-то особую призму, которую они называли диалектическим христианством и высшей социологией.

Для них это был магический кристалл, где продукт человеческого творчества определялся анализом личной жизни его творца, а особенно тёмных, тайных и малоизвестных деталей его жизни, о которых обычно не говорят.

В этой темноте советская инквизиция охотилась за тем загадочным дьяволом, который заведует прогрессом цивилизации и который следит за тем, чтобы эта цивилизация не топталась на месте.

Борис смотрел на всё это и думал: «Если б они хоть водку пили. Тогда можно сказать, что они просто пьяные. Так нет, дуют себе чаёк... И ласково поглаживают свои пистолетики.

Мы, мол, тайная полиция новой России. А Максим играет со своим котом и посмеивается: “Это, знаете, мой Фома Неверный”... Тьфу!»

И, вместе с тем... Вместе с тем, на плечах этих мракобесов молчаливо поблёскивали генеральские звёзды, которые даром не дают.

А на зелёных кителях, хотя война давно окончилась, тихо позванивали свеженькие ордена, которые тоже даром не дают.

Глава 11. Цена бессмертия

Я серьёзно убеждён, что миром управляют совсем сумасшедшие.

Из дневника **Льва Толстого**

По Москве ползли тревожные слухи. Началось это 13 января 1953 года, когда в московских газетах появилось официальное сообщение об аресте кремлёвских врачей, которых обвиняли в подготовке отравления вождей партии и правительства.

А так как подобная же невероятная история с врачами-отравителями случилась во время Великой Чистки 30-х годов, то сейчас же стали поговаривать, что Сталин подготовляет вторую Великую Чистку и что в ближайшее время начнутся массовые аресты на кремлёвских верхах.

Поскольку большинство арестованных врачей оказались евреями, то пошли слухи, что это, конечно, неспроста. Одни говорили, что Сталин собирается сослать всех евреев в Сибирь, в автономную еврейскую область, в Биробиджан.

Другие говорили, что Сталин обозлился на бедных евреев из-за своих собственных детей, Яши, Васи и Светланы, которых, когда дело доходит до брака, почему-то неудержимо тянет к евреям. Ну, Сталин и заподозрил за этим какой-то сионский заговор.

В День Советской Армии, 23 февраля, на Красной площади, как всегда, состоялся большой военный парад, когда в Москву стягивались лучшие части Московского военного округа.

Обычно, сразу же после парада, эти гвардейские части уходили восвояси. Но теперь, они почему-то остались в Москве и занялись чем-то, вроде манёвров.

Одновременно, то ли в дополнение, то ли в противовес этим армейским дивизиям, в столице, неизвестно откуда, появилось несколько дивизий особого назначения войск МВД. Красные и зелёные петлицы маневрировали по Москве, словно играя в кошки-мышки.

И опять поговаривали, что всё это выглядит очень странно.

Однажды утром в первых числах марта по радио вдруг сообщили, что великий вождь и учитель партии и правительства, любимый друг и отец советского народа генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин...

Здесь голос диктора прервался, словно не в силах сказать то, что считалось совершенно невозможным.

В общем, бессмертный Сталин помер. В результате какой-то сложной болезни, что подтверждалось, как обычно, целым рядом кремлёвских врачей.

И сейчас же поползли слухи, что Сталин умер уже три дня тому назад, но это скрывали из-за опасения беспорядков.

Вспоминая про арестованных врачей-отравителей и ожидавшуюся чистку, люди думали, что Сталин помер очень своевременно, и похоже на то, что мышки съели кота.

Маленькая пивнушка на площади Ногина была битком набита народом. Водопроводчик в резиновых сапогах, пошатываясь, обнимал за плечи своего приятеля в ватной куртке:

— Я сегодня уже в обеденный перерыв четвертинку раздавил. Сразу после траурного митинга. Надо, думаю, всё-таки, поминки справить. По родному отцу-то.

— А я уже с самого утра дербулызнул, — подмигнула ватная куртка. — Как по радио вслышал, так сразу и побёг за пол-литром.

За столом у окна расположилась дружная компания строительных рабочих, уже изрядно подвыпивших. Один из них, с длинным носом и слезящимися глазами, сдвинув на затылок рваную меховую папку, с увлечением рассказывал:

— Так вот, значится... До того как помереть, Сталин, как он есть человек хитрый, решил проверить, как живётся в аду и как в раю. Это, значит, чтоб потом не обшибиться адресом.

Ну, сел он в авто и поехал сначала в ад. Из адских ворот сам Вельзевул выскакивает, мордой до самой земли кланяется, хвостом звёзды пишет и приветствует: «Здравия желаем, товарищ Сталин, дорогой наш Иосиф Виссарионович!»

Сталин ему: «Здорово, товарищ чёрт! А ну, покаж-ка мэнэ ваш колхоз». — Носатый громко шмыгнул носом. — А в аду, значится, две дверки. Одна налево, другая направо.

Чертяка, значит, сразу проводит Иосифа Виссарионовича, нашего отца-то родного, в ту дверку, что налево. Это, конечно, потому, что Сталин всё слева делал. Входит он — и что же он там видит?!

На одной стенке плакат: «Добро пожаловать — ко всем чертям!» На другой стенке лозунг: «Под руководством гениального Сталина перевыполним все наши чёртовы планы на триста процентов!»

На третьей стенке ещё похлеще: «Да здравствует мудрый вождь и учитель всех чертей, товарищ Сталин!» Ну, Иосифу Виссарионычу таков чёртов подхалимаж, конечно, очень даже пондравился. Аж в печёнках защекотало.

Слушатели одобрительно хмыкнули. Рассказчик промочил горло пивом и продолжал:

— Н-да, а посерёдке, значится, столик стоит такой накрытый. А на том столике его разлюбезное вино кахетинское, прямо в бочках. А за столом все его старые приятели сидят — кавказское кинто, воры и бандюги. Все пьяные, мальчиков лапают и песни горланят.

А рядом барашек жарится, жирный, молодой, пальчики оближешь. И оркестр из чертенят «Сулико» наяривает. И до того Сталину в этом аду пондравилось, что он даже на работу в Политбюро опоздал.

Ну, потом для порядка сел Сталин в самолёт и полетел в рай. И абсолютно ему там не пондравилось. Сидят там всякие эмигранты, которые от него поутекали. И вместо «Сулико» одно «Аллилуйя» тянут.

А это напомнило ему про его жену Аллилуеву, которую он укокошил. И видит он, что тут ему даже морду набить могут. Поглядел он, поглядел — и смылся потихоньку, пока не заметили. И так он ото всего этого расстроился, что для

поддержания собственного авторитета взял и поколотил Ваньку-лётчика.

Носатый почесал спину и отхлебнул пива с таким видом, словно он сам сопровождал Сталина в рай.

— Ну, значится, как только Иосиф Виссарноныч, отец-то наш родной, окочурился, так сразу гон на ишака. Это поскольку ему теперь машина не полагается. Ну и конечно, он в голом виде, поскольку на том свете одежки не требуется.

Торопится, ишака пятками колотит. Но осёл, он, конечно, не человек и плетётся себе потихонечку. Подъезжает товарищ Сталин к адским вратам, кулаком тарабанит — открывайте, мол, почётному гостю!

Выскакивает дежурный чёрт — но теперь уж в форме МВД. И хвостом он уже не крутит и даже не здоровкается. Сразу хвать он Иоську за загривок и пихает его. Но теперь уже не в ту дверку, что налево, а в ту, что направо.

Рассказчик сделал паузу, полез в карман за кисетом, оторвал кусок газеты и скрутил цигарку.

— Ну, а потом что?

— Ну а потом попал бедный Иоська в самое пекло. Там его, раба Божьего, как полагается, сразу на вилы и, для начала, в котёл со смолой. Это для дезинфекции. Поварили его там, как яичко, минут пять.

А потом, поддели черпаком и усаживают грешным задом на горячую сковородочку. А рядом Троцкий поджаривается. Иоська визжит, отбивается:

«Эх! Малэнький обшибка получается!» Троцкий спрашивает: «Чито ви орёте?» Сталин ему: «Мнэ нужна налэва, а оны мэнэ направа!» А Троцкий усмехается: «Налево это у них агитпункт, красный уголок. Это они, сволочи, у советской власти научились».

Рядом мрачный дядя в калошах на босу ногу сосредоточенно болтал пиво в кружке и ворчал:

— Не пиво, а сплошная вода. По простым дням они на бочку пива вливают ведро воды. А сегодня по случаю праздника, видно, два вкатили.

— Везде, брат, обман, — добродушно утешил его случайный сосед, по виду весёлый неудачник, смахивающий на Чарли Чаплина.

— А ты знаешь, почему пиво такое тёплое? — продолжал мрачный. — Это они его в задней комнате специально на примусе подогревают. Чтоб пены побольше было. А потом тебе эту пену продают.

— Так вся наша жизнь — пена, — покачал головой весёлый неудачник.

Мрачный дядя мрачно заключил:

— В наше время одним жуликам хорошо живётся. Недавно арестовали одного заведующего пивной. Знаешь, сколько у него под матрасом денег нашли? Полмиллиона! Это он на пене заработал. Да не сумел, дундук, спрятать. Теперь сидит в тюряге.

— Тюрьма — это, как университет, — сказал весело неудачник. — Я в этом университете пять лет отсидел.

— А за что?

— За политическую безграмотность. Следователь мне так и сказал: «Иди, дурак, поучись уму-разуму».

— А за что именно?

— За обрез.

— О-о, я когда в партизанах был, так тоже из обреза постреливал...

— Не-ет, это не тот обрез. Я, понимаешь, уродился с маленьким таким дефектиком. Кончик не открывается.

— Какой кончик?

— Ну, какой — самый главный. А когда подошло мне время жениться, тут я и забеспокоился: как же мне женихаться, если женилка не работает. Пошёл я к доктору. А тот и говорит: «Это у вас чепуха. Просто фимозис, то есть, незалупа. Мы это сейчас...» Не успел я оглянуться, как он чик-чирик и обрезал меня.

— Э-э-э, — сказал мрачный, — так вот почему они все обрезанные...

— А я после этой операции так обрадовался, что теперь жениxаться могу, что хожу, показываю всем свой обрез и говорю: «Эх, смотрите, путевка в жизнь! Как новенький партбилет!»

Весёлый неудачник тяжело вздохнул: — А потом, забрали меня в НКВД. А следователь, товарищ Катценельсон, мне и говорит: «Ну, гражданин Кузнецов, покажи-ка твой партбилет».

И сразу пришивает мне 5 лет за антисемитизм. Это он намекает, что после революции обрез был вроде партбилета.

А я ему и говорю: «Извините, какой же я антисемит, ежели я сам еврей? Просто после революции мои родители переменили фамилию с Гольдшмидт на Кузнецов. И не обрезали меня вовремя тоже из-за этой революции.

Ах, так, говорит товарищ Катценельсон, — так ты ещё против революции агитируешь?! Выбирай: 10 лет за контрреволюцию или 5 лет за антисемитизм, я подумал-подумал и, выбрал антисемитизм.

А потом, в тот же лагерь и мой следователь попал — товарищ Катценельсон. Ему дали 15 лет не то за сионизм, не то за семитизм. А начальник лагеря меня вызывает и, как специалиста по антисемитизму, спрашивает:

«Послушай, коли вы теперь оба тут сидите, скажи, в чём разница между семитизмом и антисемитизмом?» А я и говорю: «Так вы же сами видите: за одно дают 5 лет, а за другое — 15 лет».

По другую сторону стола расположилась компания людей с некоторой претензией на интеллигентность, что не мешало им, однако, ругаться, как биндюжникам.

Пили они ерша, то есть, пиво, смешанное с водкой. Интеллигент в очках и засаленной фетровой шляпе, что в московской пивной является вызывающим признаком интеллигентности, рассуждал о высоких материях:

— В своё время, товарищ Ленин писал, что когда мы построим коммунизм, то деньги будут не нужны. Поскольку каждый будет заходить в открытый магазин, и брать всё бесплатно. А золото станет, ну, как мусор.

Тогда отовсюду соберут всё золото и, идя навстречу нуждам трудящихся, построят на Красной площади из этого золота

общественный нужник. И такой величины, чтобы этот золотой сортир соответствовал величию нашей коммунистической эпохи — сразу на тыщу человек.

— Неужто Ленин так и прописал? — усомнился второй интеллигент, в пальто с воротником из собачьего меха.

— Факт! — сказала шляпа, — Только Сталин это потом вычеркнул.

— Вот бандюга, — сказал собачий воротник. — Золота пожалел.

— Причём, Ленин обязательно хотел, чтобы этот золотой сортир был самый культурный в мире, — развивал свою идею интеллигент в шляпе. — Чтобы в этом сортире трудящиеся не торопились, как при капитализме, а культурно отдыхали. Чтобы заодно кино посмотреть или музыку послушать.

— Вот благодать, мать твою перемать! — восхитился третий интеллигент, с галстуком, повязанным на старую солдатскую гимнастерку.

Четвёртый компаньон, без шляпы, без очков и без галстука, — судя по всему полуинтеллигент, реалистично заметил:

— В таком сортире очередь бы стояла — больше, чем в Мавзолее Ленина.

— И пускали бы только по партбилетам, — с сожалением добавил собачий воротник.

Человек в шляпе нахмурился и переменил тон.

— Я этот золотой сортир часто вспоминал, — глухо сказал он. — Поверил я когда-то в ленинский золотой сортир и даже в партию записался.

А потом, во время голода 33 года, стали люди снимать с себя золотые обручальные колечки и сдавать в Торгсин, чтобы своих детей от голодной смерти спасти.

А я, на заседании партячейки, возьми и задай вопрос: «А как же, насчёт того золотого сортира, что Ленин обещал?» В общем, вместо ленинского золотого сортира попал я в сталинский концлагерь. Десять лет отбухал. Чахотку заработал.

— Ничего, я тоже сидел, — сказал собачий воротник, — За расхищение социалистической собственности.

— А что ты спёр?

— Да кругом трезвонят, что заводы теперь, мол, принадлежат рабочим. Ну, я и взял с моего завода горсть гвоздей, чтоб забор починить. И получил за это 8 лет. А в лагере я за каждый этот гвоздь по зубу заплатил — от цинги повыпадали.

— Кто в тюрьме не сидел, тот не человек, — авторитетно заявил галстук. — Я на таких людей смотрю с недоверием.

— А ты сам-то за что сидел?

— За диалектику. Я председателем колхоза был. Быки план приплода не выполнили. А поскольку быков в тюрьму не посадишь, то, по диалектике, загребли меня. Почему, говорят, ты быкам сам не помогал. И дали мне 5 лет за саботаж.

— А мне только полгодика дали, — с некоторым смущением признался полуинтеллигент в кепке. — Чтобы на работу не опаздывал.

— Концлагерь — это школа коммунизма, — поучительно сказала шляпа, подливая себе водки в пиво. — Ведь, там со мной вся ленинская гвардия сидела, мозги революции, орлы. Ну и вспоминали они там про своего товарища Ленина.

Например, товарищ Ленин учил, что лучше уничтожить 100 невинных, чем упустить одного виноватого. Вспоминают ленинские гвардейцы эти золотые ленинские слова — и переглядываются: а кто же из них во всём этом виноватый?

— Неужто Ленин так и сказал?

— Точно. На заседании ЧК 14 января 1918 года. А потом товарищ Ленин ещё писал, что, если для дела коммунизма нужно уничтожить 9/10 всего народа, то есть, таких пентюхов, как мы с вами, то они, то есть, большевики, не должны задумываться ни на минуточку.

Если не верите, то поглядите в Собрание сочинений товарища Ленина, том 11, страница 702.

— Ты там ленинизм действительно назубок выучил, — удивился собачий воротник.

— Потом товарищ Ленин ещё говорил, что на Россию ему совершеннейше наплевать.

— Эх, ляпнул бы он такое теперь, — сказал галстук, — так загудел бы он в тюрягу, как безродный космополит: 10 лет с присыпочкой.

— Потом товарищ Ленин ещё жаловался, что в России умников мало. А если и есть умники, то почти всегда это еврей или человек с примесью еврейской крови. Посмотрите воспоминания Горького о Ленине, издание 24 года, страница 20.

Н-да, а я смотрю кругом: сидят все эти ленинские умники вокруг меня в концлагере. Я работал на лесоповале, а всех этих умников почему-то записали в каменщики и гнали работать на кирпичные заводы. Вместо того чтобы мир перестраивать, таскают бедолаги кирпичи на собственном горбу.

— А в бригадиры к политическим ставили урок-уголовников. Помню, был там один бандюга Федька Косой, настоящий артист по мучительству. Поймает он какого-нибудь ленинского орла и допрашивает:

«Эй, ты, контрик, а ну-ка угадай, какой у меня глаз стеклянный — правый или левый? Ну, чего молчишь? Ты, дурень, посмотри, где у меня взгляд гуманный — там и глаз стеклянный!» И дрином но спине шах-шарах.

Рассказчик зябко передёрнул плечами, словно вспоминая сибирские морозы.

— А особенно Федька Косой допекал наших каменщиков: «Эй, контрики, ведь, это вы с товарищем Лениным в красные звёздочки игрались. А скажите-ка мне, что такое голубая звезда?

Я есть честный бандюга, а мне на следствии пришили ещё какое-то грязное политическое дело — «Голубая звезда». И дали мне 10 лет за бандитизм и 10 лет за «Голубую звезду».

А я даже и сам не знаю, что это за чёртова «Голубая звезда». А потому, обида у меня сидит во всех нутрях, в печёнках и селезёнках. Просто плакать хочется!»

И опять дрином по спине шах-шарах. Каменщики таскают свои кирпичики и молчат. А Федька Косой свирепствует: «Ух контрики!» Тут балакают, что кой-кто из вас тожить за эту «Голубую звезду» сидит.

Так вы, звездочёты, хоть знаете, за что сидите. А я сижу без вины виноватый. Ну, скажите мне, что это за «Голубая звезда»?

Что вы, языки проглотили?» И опять дрином шах-шарах.

Саботажник, который не помогал быкам выполнять план приплода, принёс новую кружку пива и сказал:

— После революции Горький печатно обозвал Ленина и его окружение кучей сумасшедших. А когда я сидел на Колыме, так там было много этих ленинцев.

Все такие гнилые интеллигентики: или косой, или хромой, или горбатый, или рот дергается. И мы своими глазами видели, как многие из них сходили с ума. Не на бумаге, а на самом деле.

Ну и одни говорили, что это у них, мол, от концлагеря — кишка тонкая, не выдержали. А другие говорили, что у них уже и раньше мозги были червивые, с трещинкой.

А когда такого жизнь хорошенько труханёт, как в концлагере, так у него из этой трещинки получается полный раскол и сумасшествие. Таких просто отводили в лес и расстреливали, как бешеных собак.

Мрачный дядя в калошах на босу ногу присоединился к разговору и мрачно сказал:

— Да ведь, говорили же, что Ленин был сифилитиком. А теперь говорят, что и Гитлер тож был сифилитиком. Странно только, что эти сифилитики забираются так высоко.

Ему возразил весёлый неудачник, похожий на Чарли Чаплина:

— А другие говорят, что Ленин был четвертьевреем. И ещё говорят, что Гитлер тоже был четвертьевреем.

— А ты это откуда знаешь? — усомнился собачий воротник.

— Так я ж отсидел 5 лет, как специалист по антисемитизму, — пожал плечами Чарли Чаплин. — Ну, все приходят ко мне, как к специалисту и сообщают последние новости.

Насчёт Ленина, это совершенно точно: его дед по матери был фельдшер Александр Бланк, еврей-выкрест из Одессы. Когда Ленин заболел, врачи никак не могли определить, что это за болезнь.

Какие-то мозговые параличи, которые передаются по наследству. Тогда стали рыться в его предках и раскопали этого деда-еврея. Но это — государственная тайна.

— Ага, потому Ленин и расхваливал умников с еврейской кровью, — сказал бывший владелец советских заводов. — Это он, значит, сам себя расхваливал. Ну, а как насчёт Гитлера?

— Говорят, тоже...

— Говорят, что кур доят. — Человек в шляпе сдвинул свою шляпу на затылок. — Я в лагерях столько всякого наслышался.

Мне один троцкист божился, что во время Великой Чистки в НКВД был какой-то сверхсекретный 13-й отдел. Такой секретный, что даже в самом НКВД о нём никто не знал.

Ведь потом самое НКВД почти всё перестреляли. Так это была работа этого 13-го отдела, который, якобы, не существует.

А другой троцкист клялся, что в этом 13-м отделе вся охрана из глухонемых. И что на допросы там водили в голом виде.

Представляешь себе, ведут Зиновьева, Бухарина или Рыкова — мозги революции — голяком по коридору. Привяжут веревочку за конец и ведут.

И перед следователем сидишь голяком, как у доктора. И следователи были, как доктора, в белых халатах. И этот следователь тебя голенького осматривает: будто у тебя на теле какие специальные приметы. И первым делом смотрит на конец...

— Как на партбилет, — вставил Чарли Чаплин. — Понятно. Особенно у троцкистов.

Между столами бродил подвыпивший нищий и, подыгрывая себе на гармошке, напевал концлагерную песенку:

Товарищ Ста-алин, вы большой учё-ёный,
Во всех нау-уках знаете вы толк.
А я просто-ой советский заключё-ённый,
И мой това-арищ — се-ерый брянский волк.

Человек в шляпе, когда-то мечтавший о золотом коммунистическом сортире, теперь подвёл итог:

— Да-а, чтобы обещать людям золотой сортир, а потом говорить, что 9/10 этих людей можно перестрелять, — для этого действительно нужно быть сумасшедшим. Вот мы и видим результаты — на собственной шкуре...

А пьяненький нищий запел:

То дождь, то сне-ег, то мошкара над на-ми,
А мы в тайге с утра-а и до утра-а.
Вы там из искры разжигали пла-амя,
Спасибо ва-ам — я греюсь у костра.

Бывший владелец советских заводов, что обещал Ленин, тяжело закашлялся и хрипло сказал:

— Говорят, что теперь Сталина рядом с Лениным в Мавзолее положат. Если б в мире была справедливость, то Сталина нужно б было бросить в тот золотой сортир, что обещал Ленин. Чтоб каждый мог воздать ему по заслугам. По мощам и елей. Вот это была б диалектика.

— Да, идея неплохая, — согласился худой человек с усталым лицом и в потёртом солдатском ватнике, который до этого молча сидел над своей кружкой с пивом. Из-под ватника у него выглядывали нашивки инвалида на старой солдатской гимнастёрке.

Пьяненький нищий, что бродил между столами, снял шапку и стал собирать пожертвования. Потом он остановился около инвалида с усталым лицом и с непринужденностью простых людей тронул его за плечо:

— Чтой-то ты, горемыка, приуныл, словно и взаправду отца родного потерял? Сидишь, горюешь, как сирота казанская. Давай я спою тебе что-нибудь такое, весёленькое. Чтоб у тебя на сердце полегчало. Ну, давай заказывай...

Человек в шляпе угрюмо надвинул свою шляпу на лоб и задумчиво, как несбывшуюся мечту о золотом сортире, размазывал пальцем разлитое по столу пиво. Пьяненький гармонист, получив заказ, растянул свою гармошку и простуженным голосом затянул:

Полюбил-ил всей душой я деви-ицу,
За неё жизнь готов я отда-ать...

Полуинтеллигент в кепке положил голову на мокрый стол и мирно спал. Чарли Чаплин качал головой в такт песне и чему-то печально улыбался.

Бирюзой разукра-ашу светли-ицу,
Золотую поставлю крова-ать...

Саботажник, что сидел в концлагере вместо быков, сыпал в пиво соль и сосредоточенно наблюдал поднимающиеся кверху пузырьки. Из громкоговорителя над стойкой доносились обрывки траурных речей.

Разукра-ашу её, как картинку,
И отда-ам это всё за любо-о-овь...

Мрачный дядя в калошах на босу ногу перешёл с пива на водку. Он вытащил из кармана полбутылку и потягивал её прямо из горлышка. А гармонист дребезжащим, голосом пел старую песенку про обманутую любовь:

Но если в сердце сомне-енье вкрадётся,
Что краса-авица мне неверна-а-а...

В душном воздухе пивной волнами ходил запах мокрых валенок и талого снега, табачный дым и пьяный разноголосый гомон. Гармонист растянул свою гармошку до отказа:

В наказа-анье весь мир содрогнё-ётся!
Ужаснё-ётся и са-ам сатана-а-а!

Мечтатель в шляпе потянулся и зевнул. Инвалид с усталым лицом молча дал гармонисту на пиво, нахлобучил старую шапку-ушанку, кряхтя поднялся из-за стола и пошёл к выходу.

* * *

Хотя и наступил март, но на московских улицах было ещё по-зимнему холодно. С крыш и карнизов угрожающе свисали тяжёлые сосульки.

Дворники лениво счищали с тротуаров грязный лёд и мусор, накопившийся за зиму под снегом. Первыми почувствовали приближение весны бесшабашные воробьи.

Они хорохорились на крышах и спорили, как делегаты Объединённых Наций, решая мировые проблемы, которые от них не зависят.

Пока воробьи на крышах решали свои воробьиные проблемы, под одной из этих крыш, в секционном зале кремлёвской больницы, стояла большая эмалированная ванна, в которой обычно купали больных, и где санитарки, попутно, стирали свои чулки.

Теперь, за неимением другого подходящего сосуда, эта ванна была наполнена раствором формалина.

В этом растворе в ожидании бальзамирования одиноко мок голый труп старого человека с жёлтой, сморщенной кожей. Никто не опустил ему веки, и мертвые глаза трупа бессмысленно смотрели в потолок.

Из оскаленного в предсмертной судороге рта выглядывали кривые и гнилые зубы, как будто этот человек боялся ходить к дантисту.

Чтобы тело не поднималось на поверхность, к шее и ногам, для груза, были привязаны булыжники. Такие булыжники москвичи, что попроще, употребляют для груза в бочках с квашеной капустой.

Собственно, это был не настоящий труп, а остатки трупа, приготовленные для бальзамирования.

Вскрытая грудная клетка и выпотрошенная брюшная полость немного напоминали что-то вроде освежёванного барана, что висят на крюках в мясных лавках.

Для бальзамирования необходимо, чтобы вены наполнились формалином. А для этого из трупа нужно выпустить всю кровь, как в кошерной мясной. Потому все тело старика было обработано кошерным способом и носило густые следы анатомического ножа.

На секционном столе были аккуратно расставлены банки с препарированными частями тела. В одной из этих банок плавал в формалине мёртвый мозг, который, ещё недавно, правил половиной мира.

А в другой банке болталось ещё что-то бесформенное. Когда медсестры и санитарки проходили мимо, они с любопытством косились на эту банку, потом отворачивались и хихикали.

Рядом стоял и внимательно рассматривал результаты своей работы генерал-майор медицинской службы, ещё сравнительно молодой человек в роговых очках и в белом халате, из-под которого выглядывала форма МВД.

Когда на соседнем столе зазвонил телефон, он снял окровавленные резиновые перчатки и подошёл к аппарату:

— Халло... Доктор Быков слушает.

— Ну, Иван Василич, как там у вас делишки?

— Да вот, как раз закончил вскрытие.

— Я на всякий случай хочу проверить, чтобы не упустить что-нибудь. А то с трупом Ленина врачи возились-возились, пока он не завонялся. Как там насчёт желёз внутренней секреции?

— Все секреты препарированы.

— Все восемь?

— Да.

— Что показывает предварительный осмотр?

— Как и следовало ожидать. Очень характерная гипертрофия одних и типичная недоразвитость других.

— Хорошо, сразу же пошлите все эти секреты в нашу лабораторию для окончательных анализов. Теперь, как у него левая рука?

— Врождённая кахексия. Типичный сухоручка.

— А вы уверены, что это не результат увечья в детстве?

— Так они все говорят, чтобы замаскироваться. Но это — от рождения. Кроме того, левая рука полностью не сгибается.

— Да, из-за этого его забраковали для военной службы во время первой мировой войны. А Вильгельм Второй, который развязал эту войну, тоже был сухоручкой. Ох-ох-ох, сами воевать эти сухоручки не могут, а развязывать войны — это они очень даже могут. А как пальцы на ноге?

— У него два пальца сросшиеся вместе. Практически он четырёхпалый.

— Да, это было отмечено уже в жандармских протоколах. А как ваше общее заключение?

— Да, всё ясно. Меня интересует другое... Первый ребёнок его матери умер в младенческом возрасте. И второй ребёнок тоже. И третий тоже.

Практически — три мертворождённых ребенка. А он — четвёртый и единственный, кто выжил. И это комбинация довольно подозрительная. Отец — алкоголик и бродяга.

А за алкоголизмом частенько скрываются всякие армянские шутки. И вполне возможно, что мать прекрасно знала, почему у неё трое мертворождённых детей.

А в таких условиях, женщины часто пускаются на всякие трюки... Его матери тогда было 20 лет, и она работала подёнщицей в богатых домах.

Я бы не удивился, если она мыла пол и подставила зад кому-нибудь из хозяев. К сожалению, мы не знаем группу крови его отца, чтобы проверить...

— Нужно учитывать, что по Кавказу рассыпано четверть миллиона горских евреев. Очень характерно, что у всех его трёх детей — смешанные браки с евреями. Семья его первой жены перемешана с евреями. И его третья жена — Роза Каганович. Что это — голос крови?

— М-да, — сказал голос в трубке. — И ещё подозрительно то, что совершенно отсутствуют фотографии его отца. А ведь, тогда было принято, что хоть раз в жизни, на свадьбу, но сфотографируются.

Тогда можно было бы проверить, есть ли хоть частичное внешнее сходство между отцом и сыном. Но на месте отца — почти абсолютное белое пятно. И похоже на то, что сынок умышленно заметал следы. И такая же история с дедом Гитлера: вместо деда — белое пятно.

Генерал-майор медслужбы МВД сел на стул и закинул ногу на ногу.

— Остаётся только дедуктивный психоанализ. Мы знаем, что отец бил мать и сына смертным боем. Возможно, что и сам отец сомневался в происхождении своего сына.

Отец вскоре умер. А мать, хотя ещё довольно молодая, но больше замуж не выходила. Похоже на то, что мужчины были ей просто не нужны. Зато у сына, как говорит товарищ Фрейд, явный матерный комплекс.

— М-да, — сказал голос в трубке. — И характерно ещё то, что мать обязательно хотела сделать из него священника. И мать

Гитлера тоже мечтала сделать из своего сына пастора. А Дзержинский хотел стать ксендзом.

— В общем, картина ясная. А, кроме того, ещё эти смешанные браки у его детей. Потому старик и бесился.

— Хорошо, Иван Василич, а как там насчёт наших лекарств?

— Действуют прекрасно.

— Что показала атопсия внутренних органов?

— Обычное явление. Прогрессирующая карриома печени, изменение метаболизма крови и, в результате, тромбоз мозговых сосудов.

— Мозг препарирован?

— Да. И комплекс власти тоже. Санитарки бегают кругом и любуются. Думают, что самый сильный в мире.

— А мумия в порядке?

— Как малосольный огурчик. Но там ещё остались всякие ненужные потроха. Что с ними делать?

— Когда-то прахом какого-то царя выстрелили из пушки. Но теперь это не модно...

— Положить в какую-нибудь разукрашенную урну?

— Нет, нет... А что, если любопытные потомки потом найдут там следы наших лекарств? Кстати, по Американскому радио уже намекают, что Сталину, мол, помогли умереть. Представляете себе, какое нахальство!

— Хорошо, тогда мы всё это сожжём и спустим в канализацию, — сказал генерал-майор медслужбы МВД. — Сик транзит глориа мунди... (Так проходит земная слава. — *Лат.*)

— Аминь... — сказал голос в трубке.

Инвалид в старом солдатском ватнике тяжело вздохнул и положил трубку телефона. По другую сторону стола сидел в кресле маленький лысый человечек в форме маршала госбезопасности СССР и со старомодным пенсне на лоснящемся носу. Он вошёл в кабинет в конце разговора.

— Поздравляю! — сказал лысый. — Приятно посмотреть, как любимец и тайный советник Сталина со слезами на глазах хоронит своего благодетеля. Так трогательно! Даже мне плакать хочется.

Он иронически покосился на старый ватник и лежащую на столе потёртую шапку-ушанку:

— Я вам, ей-богу, завидую. Разгуливаете себе по Москве, как какой-нибудь Гарун эль-Рашид. Дышите свежим воздухом. А я, бедняга, и носу на улицу показать не могу.

Ваша необычайная скромность иногда действительно довольно удобная.

Глядя на вас, — продолжал болтать лысый, — приятно убедиться, что пролетарским государством управляют сами пролетарии, которые поддерживают тесный контакт с народом.

А не всякие там буржуазные гнилые интеллигентики, вроде Ленина. Или недоучившиеся семинаристики, вроде Сталина, царство ему небесное, вашими молитвами...

Инвалид в солдатском ватнике открыл замаскированную дверь в стене, за которой была ванная комната, подошёл к умывальнику и стал мыть руки. Лысый откинулся в кресле поудобнее:

— Хотя — вы и я — два единственных маршала госбезопасности СССР... Хотя, Сталин и поставил вас за моей спиной...

Но теперь, после смерти Сталина, я, как министр внутренних дел, являюсь чем-то, вроде вашего непосредственного начальника. Потому, когда вы помоете ваши пролетарские руки, мне хотелось бы поговорить с вами по душам...

Откровенно говоря, Максим Алексаныч, мне страшно нравится ваш подход к делу. Шапка Мономаха вас определённо не привлекает. Глядя на вас, каждый может убедиться, что вы предпочитаете простую шапку-ушанку.

Но, вместе с тем, каждый из претендентов на шапку Мономаха, прекрасно знает, что вы ему очень и очень понадобитесь — как Фуше и Талейран (Министр полиции и министр иностранных дел времен Наполеона).

Министр внутренних дел СССР вынул из кармана носовой платок и протёр стёкла пенсне:

— Кстати, почему вы, красный кардинал и духовник Сталина, не пошли полюбоваться, как старик умирает? Конечно, для вас умирает не просто человек, а целая эпоха — и вам жалко. Но было довольно-таки интересно.

Например, Маленкова почему-то стошнило. Я понимаю, что Наполеона стошнило, когда его отправляли на остров Святой Елены. Или этот толстозадый тоже в Наполеоны лезет?

Министр тайной полиции был в хорошем настроении и болтал без устали:

— Сам-то он, хозяин, был парализованный. Но язык у него ещё работал. Жаль, что вы не слышали, как он ругался. Как настоящий сапожник. И при этом, испытываешь такое райское наслаждение: перед тобой такая власть — и такое бессилие.

И на твоих глазах эта власть уходит, уходит, уходит... По капелькам, по капелькам... И превращается в ничто... Кстати, можно ещё раз полюбоваться на тот пикантный документик? Тот списочек, что вы показывали?..

Первый заместитель министра снял свой ватник, потом достал из сейфа листок бумаги и положил его на стол.

— Написано его собственной рукой, — бормотал министр, рассматривая листок. — Но старик определённо начинал выживать из ума. Итак, я стою на списке первым. Какая честь!

Кожаное кресло было такое большое и глубокое, что министр закинул ногу на подлокотник и почти полулежал в нём. Потом он тихо, почти ласково сказал:

— А может быть, этот списочек ему кто-нибудь продиктовал?.. Может быть, это вы ему продиктовали? Как вы это раньше делали... Хотя, в данном случае, это не похоже.

Министр поднял глаза на своего заместителя: — Максим Алексаныч, дюша лубезный, поскольку вы единственный человек, которому Сталин доверял, скажите: почему он задумал вторую чистку?

— Говорят, что власть портит людей...

— Ага, потому-то вы так упорно отказываетесь от всяких повышений. Боитесь испортиться?

— Нет. Но Сталин знал, что не власть портит людей, а наоборот — самые испорченные люди больше всего тянутся к власти. В силу некоторых тёмных законов природы. И, к сожалению, часто её достигают.

— Да, мы видим это на его собственном примере.

— Так вот, потому Сталин считал, что необходимо периодически снимать голову всем, кто вылез к власти. Потому он и решил провести вторую генеральную чистку.

— Теоретически, это совершенно правильно. Но теперь, разрешите задать вам один интимный вопрос. Зная вашу искреннюю преданность Сталину и ваш консервативный подход к делу...

Почему, в данном случае, вы поступили как раз наоборот? Вместо того, чтобы по очереди ликвидировать большинство членов Политбюро, по этому списочку, как вы это раньше делали, вы вдруг показали этот списочек нам — и ликвидировали самого Сталина. Почему?

— Очень просто. Как вы уже сами сказали — старик начал сходить с ума.

— Да, действительно... Например, эта история с евреями. Он вдруг вообразил, что не столь зловредны сами евреи, как помесь с евреями. То есть, смешанные браки с евреями. И продукты этих браков — полуевреи и четвертьевреи.

Евреев хоть сразу видно, а эта помесь всегда прячется. Он даже на меня смотрит и говорит: «А что это у тебя, кацо, нос сливою? Может быть, ты тоже того?»

Министр почесал кончик носа пальцем:

— Я думаю, в этом виноваты его собственные дети. Тянет их всех к евреям. А его любимица Светлана — так та его совсем доконала.

Он у неё одного жениха в Сибирь загнал, так она себе другого выкопала — и опять еврей. Тогда он и вообразил какой-то сионский заговор и выдумал это дело еврейских врачей-отравителей.

— Типичная мания преследования. — Бывший тайный советник Сталина с сожалением покачал головой. — Прогрессирующая

паранойя. Профессиональная болезнь великих людей. Цена бессмертия.

— Потому вы и решили, что пора вычистить его самого. Что ж, Максим Алексаныч, этим вы спасли жизнь многим, включая и меня самого. Вот, не знаю только, чем вас, душа любезный, за это отблагодарить.

Ведь, старик так засыпал вас орденами, что единственное, чего у вас ещё нет, — это медаль «За спасение утопающих». — Министр посмотрел на часы: — Ну, мне пора ехать на траурное заседание ЦК. Будем плакать и посыпать голову пеплом.

Поднимаясь с кресла, он вспомнил про свой ишиас, который не давал ему покоя последние дни, и про то, что он включён в почётный список членов правительства, которые будут нести гроб с набальзамированной мумией в Мавзолей.

Потирая спину ладонью, министр повернулся к своему первому заместителю и поморщился:

— Ох-ох-ох, опять поясницу ломит. Покойничек-то ваш, а нести его мне придётся. Опять вы выгадали. И почему это вам так везёт?

Глава 12. Формула власти

И сказал Ему дьявол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю её; итак, если Ты поклонишься мне, то всё будет Твоё.

Лука. 4:6-7

После того как останки Сталина набальзамировали и положили рядом с Лениным в Мавзолее на Красной площади, по другую сторону Кремлёвской стены, опять началась игра в кошки-мышки.

Вскоре в газетах появилось коротенькое сообщение от имени Президиума Верховного Совета СССР, что первый заместитель Председателя Совета Министров и министр внутренних дел Берия Л. П. снимается со своих постов и его дело передается на рассмотрение Верховного суда.

Пятнадцать лет Берия стоял во главе органов госбезопасности СССР. А теперь, вдруг, выяснилось, что он-то и есть самый

главный вредитель и иностранный шпион. Так мышки опять съели кота.

Вслед за таким крупным вредителем, как сам министр внутренних дел, вполне естественно, стали чистить всех его ближайших сотрудников, заместителей и начальников отделов. Потому, читая газеты, Борис серьёзно опасался за судьбу Максима.

Но 13-й отдел был, как заколдованный. Сталин умер при довольно странных обстоятельствах. Берию арестовали, как шпиона. И одного за другим сажают всех его помощников.

А на груди маршала Руднева, неизвестно за какие заслуги, появилась вторая звёздочка Героя Социалистического Труда. Только выражение лица у героя было такое кислое, словно он съел какую-то гадость.

Кроме того, на груди Максима теперь ещё болталась простенькая медаль «За спасение утопающих». И забавнее всего было то, что эта чепуховая медаль доставляла Максиму явное удовольствие.

Эту медаль дают мальчишкам, спасающим друг дружку во время купания. А маршал Руднев прицепил её выше всех самых высших орденов СССР и, как мальчишка, явно любовался этим.

После смерти Сталина и ареста Берии, даже в советской прессе проскальзывала некоторая критика работы МВД. Потому, бывая в доме под золотым петушком, Борис тоже относился довольно критически к средневековым методам работы своего старшего брата.

Кто в наше просвещённое время серьёзно верит в Бога? Конечно, только тёмные люди. И вполне естественно, что инструктор агитпропа Борис Руднев не верил ни в Бога, ни в чёрта.

Однако, бывая в кабинете Максима и копаясь в его чернокнижкой библиотеке, Борис нередко замечал, что, наряду со всякой средневековой чертовщиной, здесь хранятся ключи к самым тёмным тайнам советской власти.

Ну вот, например, такая история. Незадолго перед смертью Сталина, по Восточной Европе прокатилась волна кровавых чисток, во время которых перевешали добрую половину коммунистических главарей, которые княжили в странах новой народной демократии, и где особенно нашумел процесс Райка.

Поскольку, среди этих опальных князей было много евреев, западная пресса забила тревогу насчёт антисемитизма.

После смерти Сталина, в этих антисемитских эксцессах обвинили вторую половину комкнязей во главе с Матиасом Ракоши и Анной Паукер, которые сами были евреями, и потихоньку убрали их с политической арены.

Получалось, что главными антисемитами были сами евреи, которые, в борьбе за власть, уничтожали друг дружку. Так или иначе, красные князья съели друг дружку, как пауки в банке.

Но дело в том, что в кабинете Максима лежали папки под штемпелем «Особо секретно», из которых было видно, что 13-й отдел очень внимательно следит за этими княжескими междоусобицами в Восточной Европе. И не только следит, но и что-то делает.

А самое интересное было то, что в этих папках ликвидированные вожди братских компартий классифицировались в одну категорию с... вождями Мау-мау, тайной сектой негритянских террористов, занимавшихся резнёй белых в Кении.

Причём, главная тайна этих Мау-мау заключалась в каких-то отвратительных клятвах и кровавых обрядах, связанных с проблемами пола, которые западные газеты, обычно падкие на такие сенсации, даже не решались описывать. Там было что-то, вроде обрезания.

Зато, в западной прессе писали, что красный диктатор Венгрии Ракоши в политической борьбе допускает довольно странные методы: своего главного политического противника Яноша Кадара он не то что обрезал, а просто кастрировал.

А рядом — деловая справка специалистов 13-го отдела: оказывается, в 1920 году, после провала венгерской революции, Ракоши, девичья фамилия Арон Коган, около года сидел в сумасшедшем доме в Австрии. И прямехонько, из этого сумасшедшего дома, попал на работу в московский Коминтерн.

Но, это ещё не всё. Анализируя политическую генеалогию вождей братских компартий, помимо Мау-мау, советская инквизиция добралась до бабы-яги... Да, до бабы-яги!

В это время в кабинете Максима сидел генерал-лейтенант техслужбы МВД Илья Сергеевич Курощупов, профессор истории

и, по совместительству, председатель Комитета по делам религии при Совете Министров СССР.

В 13-м отделе, как в настоящей инквизиции, многие сотрудники меняли себе фамилию. Так и генерал-профессор Курощупов своей фамилией символически подчеркивал, что он щупает каких-то курочек.

Добравшись до бабы-яги, Борис не выдержал и с досадой сказал:

— Послушайте, Илья Сергеич, поскольку я работаю в агитпропе, я должен агитировать и пропагандировать коммунизм. А вы вот здесь сравниваете крупнейшую коммунистку Анну Паукер с бабой-ягой! Ведь, это ж из детских сказок! Избушка на курьих ножках!

— Совершенно верно, — невозмутимо кивнул генерал-профессор. — Под избушкой на курьих ножках подразумевались, по-видимому, свайные постройки негров.

— Опять негры?

— Да. Баба-яга из русских сказок жила вовсе не в России, а в Центральной Африке. Она была королевой племени людоедов. Племя это называлось «Ягга». Отсюда королева Ягга. Позже это превратилось в русскую людоедку бабу-ягу.

Как настоящий профессор, генерал обстоятельно пояснил:

— В 17 веке, в Центральную Африку, вместе с португальскими войсками пришли миссионеры-капуцины. Тогда в районе Конго была создана колония Ангола.

Туземным королём Анголы был некий Нгола Мбанди. А у него была любимая сестра Нцинга. Потом, эта любезная сестрица отравила своего брата, и сама стала королевой.

Рядом с генералом Курощуповым сидел генерал медслужбы МВД Быков.

— Из тех же побуждений, — заметил он, — Анна Паукер подвела под расстрел своего мужа Марселя, обвинив его в троцкизме.

— Потом, эта королева Нцинга, — продолжал генерал-профессор, — в качестве счастливого амулета, который даёт власть, повсюду таскала с собой в сумке кости своего любимого брата — берцовые кости.

Отсюда, по-видимому, в русской сказке про бабу-ягу и появилось такое, на первый взгляд, непонятное выражение: «Баба-яга — костяная нога». Царствовала Нцинга довольно долго, больше тридцати лет, и большую часть времени воевала с португальцами.

— Типичная амазонка, — вставил генерал-медик. — Кстати, Анна Паукер тоже любила бегать с пистолетом на заднице.

Генерал-историк затянулся папиросой и продолжал:

— Но, в конце концов, капуцины обратили Нцингу в христианство. Потом два капуцина, брат Антонио де Гаета и брат Джиованни де Монтекучоло, написали об этой Нцинге целую книгу.

По церковным каналам эта книга попала в Россию, и так, по-видимому, из негритянской людоедки получилась сказка про людоедку бабу-ягу.

— Ну, если вы всё это так хорошо знаете, — сказал инструктор агитпропа, — то скажите мне, почему это баба-яга в ступе едет, а помелом следы заметает?

— Для этого нужно знать символику древних языческих культов, — ответил генерал-медик, — В Древней Индии символами жизни, вернее, регенерации жизни были змея и лотос. В Древней Руси этому соответствовали ступа и помело. Это фаллические символы мужского и женского начала.

— А какое это имеет отношение к бабе-яге?

— Хм, в ступе едет, а помелом следы заметает... Символически это довольно точное определение данной специфической категории женщин, начиная от бабы-яги и кончая Анной Паукер.

— Иван Василич, не морочьте мне голову символикой, а скажите прямо.

Генерал-медик пожал плечами. На его погонах насмешливо сверкнула змейка, обвившаяся вокруг чаши с ядом.

— Если я скажу вам прямо, вы поймёте ещё меньше. А на плечах генерал-историка тихо сверкнули скрещённые топорики техслужбы МВД.

— Видите ли, Борис Алексаныч, когда человек, даже самый умный, сталкивается с этими проблемами, он всегда чувствует себя немножко в дурацком положении. Потому, эти проблемы и называют проклятыми проблемами.

Здесь инквизиция МВД, как всегда, когда она сталкивалась со всякими щекотливыми проблемами, свистнула себе на помощь своих хитроумных евреев.

— В переводе на язык товарища Фрейда, — усмехнулся генерал-медик, — «в ступе едет, а помелом следы заметает» означает комплекс латентной, подавленной или открытой гомосексуальности.

А это — частенько связано с садизмом. А садизм, в свою очередь, является корнем того, что называется комплексом власти. Это, своего рода, формула власти.

Потому, ради власти, королева Нцинга ликвидировала своего брата, а красная королева Румынии Анна Паукер — своего мужа.

— Кстати, — улыбнулся генерал-профессор Курощупов, — этот комплекс власти вы можете частенько наблюдать и среди ваших знакомых. Просто посмотрите, где жена командует своим мужем, где царит матриархат.

Но, будьте осторожней: держите глаза и уши открытыми, а рот — закрытым. Иначе, переругаетесь со многими из ваших знакомых. И тогда поймёте, почему эту штуку называют — имя моё легион. И почему эти проблемы называют проклятыми проблемами.

Дом злого добра, где под золотым петушком обитал маршал госбезопасности СССР Максим Руднев, был полон всяких загадок.

В следующий раз, охотясь за проклятыми проблемами, инструктор агитпропа набрёл на загадку ацтеков. В библиотеке Максима рядом с «Дочерью Монтесумы», которую Борис читал когда-то в детстве, стояли и более серьёзные книги на эту тему.

Когда в 16 веке испанские конквистадоры начали осваивать новый американский материк, наряду с совершенными дикарями, в Центральной Америке они наткнулись на племена ацтеков и майя, которые имели поразительно высокую цивилизацию: строго организованное классовое общество, дворцы и храмы прекрасной архитектуры, театры, свою письменность и даже книги.

Помимо цветущей культуры, там процветал и своеобразный языческий культ, отличавшийся невероятной жестокостью.

Казалось, что все религиозные обряды ацтеков и майя были рождены в мозгу безумца, одержимого жаждой крови. Там было всё — от человеческих жертвоприношений и до обрядового каннибализма.

Жрецы майя называли себя сынами солнца. Но прислужников они выбирали себе из простых смертных, что считалось большой честью.

Однако, этой чести счастливые избранники боялись почти так же, как жертвенного ножа. Торжественный обряд посвящения в сан прислужника заключался в том, что с помощью каких-то варварских операций из мужчины делали женщину.

Этих злосчастных прислужников испанцы называли мухерадо, от испанского корня «мухер», то есть, женщина. Бедным мухерадо необычайная цивилизация майя обходилась довольно дорого.

Некоторые позднейшие исследователи полагали, что эта загадочная цивилизация могла быть занесена на американский материк из сказочной Атлантиды.

При этом, вспоминали тёмные легенды, что, в последнюю эпоху своего существования, Атлантида была поражена какими-то ужасными пороками, вызвавшими гнев богов и послужившими причиной её гибели. Уж не являются ли жрецы майя потомками атлантов?

На этот вопрос, может быть, ответили бы жители Канарских островов, которые географически, вероятнее всего, могли быть остатком затонувшей Атлантиды.

Острова эти были населены племенем гуанчи. Но гуанчи поголовно вымерли от никому не известной таинственной болезни, которую испанцы назвали модорра — непреодолимая меланхолия, кончающаяся самоубийством.

Эта болезнь и посейчас поражает тех жителей Канарских островов, у кого осталась в жилах кровь гуанчи.

На полях книги, рукой Максима было примечание, что этой таинственной модоррой болели не только родственники жрецов майя, но и родственники жрецов коммунизма — Карла Маркса, Троцкого и Сталина, в семьях которых было полно самоубийств.

Чтобы выяснить тайну майя, проще всего было бы почитать книги майя. Но здесь опять загадка: большинство книг майя оказалось сожжено. И при довольно странных обстоятельствах.

Это не был вандализм пьяной солдатни или невежественного инквизитора. Совсем наоборот, это сделал епископ Диего де Ланда, миссионер и просветитель индейцев, которого его современники считали святым, и единственный человек, который эти книги читал.

Ключ к тайнописи майя де Лайда получил от жрецов. Но когда он стал читать их летописи, это наполнило его душу таким ужасом и отвращением, что он велел собрать все эти книги и сжечь.

Больше того, зная обычай индейцев хоронить книги вместе с мертвецами, он велел раскопать все могилы, где они могли храниться, а найденные книги тоже предал огню.

До самой смерти де Ланда мучился желанием рассказать что-то о загадочной религии майя, но каждый раз обрывал себя словами: «В ней скрывается сам дьявол!»

Майя и ацтеки вымерли вместе со своей культурой и цивилизацией. На поросших травой развалинах дворцов и храмов остались только выветрившиеся от времени иероглифы. Но камни молчат.

Учёные разгадали египетские иероглифы, финикийскую клинопись, нет ни одного тайного кода, который бы рано или поздно не расшифровали.

И только лишь единственные письмена в мире прочно хранили свою тайну — письмена майя. Сотни учёных-лингвистов пытались раскрыть тайну этих загадочных знаков, но безуспешно.

Впервые, после епископа де Ланда, и даже без помощи сынов солнца, эти иероглифы прочёл молодой московский учёный Юрий Норозов.

Он представил расшифровку иероглифов майя, в качестве диссертации на соискание учёной степени кандидата наук.

Вместо этого, в порядке редкого исключения, он сразу получил диплом доктора исторических наук, причём, от самой Академии наук СССР.

Так же, как когда-то доктор социологии Максим Руднев, познавший формулу дьявола и посадивший этого дьявола на службу советской власти.

Конечно, открытие Норозова не ускользнуло от внимания мозгового треста профессора Руднева, и Борис не раз встречал доктора Норозова в доме под золотым петушком.

Это был худощавый человек с чёрными, взъерошенными волосами и взглядом, как у угрюмого ворона.

Несмотря на свою молодость, учёный историк был столь необщителен, словно разговор с современниками он считает только досадной потерей времени. А когда дело касалось тайн майя, он отмалчивался почти так же упорно, как епископ де Ланда.

Листая книги о культуре ацтеков, Борис читал, как по праздникам на каменных алтарях, украшенных затейливыми письменами, совершались массовые человеческие жертвоприношения.

Одним из самых больших праздников был праздник плодородия. В этот день в жертву богам под обсидиановыми ножами жрецов иногда погибало до 20.000 человек. Сыны солнца вырезали у несчастных сердце и поднимали его вверх — в дар солнцу.

В этот момент, в кабинет вошли Максим и его правая рука — смиренный архиепископ Питирим. Но на этот раз архиепископ был не в форме генерала МВД, а в чёрной рясе священника и даже с тяжёлым крестом на груди.

С ними был ещё генерал-лейтенант Малинин, тоже профессор каких-то тёмных дел МВД, который сам говорил, что у него только фамилия сладкая, а работа довольно горькая.

— Я тут как раз занялся вашими коллегами, жрецами ацтеков, — сказал Борис, — обращаясь к архиепископу. — Что ж это они в праздник плодородия развлекались массовым уничтожением людей?

— Видно, так уж в Америке принято, — пробасил генерал-архиепископ, поглаживая свою окладистую бороду, — Почти то же самое происходит сегодня на Американском телевидении — сплошное смертоубийство. Если нормальный человек посмотрит, так тошно становится.

— В точности, как в римском Колизее, — пояснил профессор тёмных дел Малинин. — Во времена распада Римской империи. Потом, на смену дегенератам приходят варвары. А в Америке это будут негры.

Дальше описывалось, как сыны солнца выбирают самую красивую и молодую девственницу и бросают её в жертвенный огонь. Или топят в каком-то специальном колодце. Борис читал это и бормотал:

— Вот же идиоты... Девственниц жгли...

— Предоставьте жрецам делать своё дело, — дружески посоветовал профессор тёмных дел. — Боюсь, что от такой красотки вам будет больше неприятностей, чем приятностей.

— Кстати, у ацтеков были боги на все случаи жизни, — заметил архиепископ Питирим. — Не было только одного бога — бога любви.

Борису вспомнились ослепительные красавицы, которые иногда появлялись в доме под золотым петушком.

И тогда Максим предупредил, что эти красотки не простые, а специальные и чтобы Борис не вздумал связываться с ними, так как от них не будет ничего, кроме несчастья.

Неужели это те же красотки, которых жгли и топили жрецы ацтеков? А в доме злого добра из них сделали гурий 13-го отдела и подсовывают этих можно-гёрлс МВД иностранным дипломатам и журналистам.

И в 13-м отделе был даже специальный список «русских жён», из числа этих можно-гёрлс, которыми наградили многих иностранных нюхачей, слухачей и бумагомарателей.

Тем временем, начальник 13-го отдела сидел в своём кресле и не вмешивался в разговор. Следуя философским советам Шопенгауэра, который любил собак больше, чем людей, Максим предпочитал играть со своей немецкой овчаркой Рольфом.

За широким окном, обрамлённым витражами с тёмными ликами святых, уныло посвистывал осенний ветер.

— Питирим Федорович, а в чём здесь, всё-таки, дело? — сказал Борис. — Так, коротко, одним словом.

— В том-то и дело, что одним словом это никак не скажешь, — ответил генерал-архиепископ. — Это печальная история всей мировой культуры и цивилизации.

Чтобы повысить свой культурный уровень, инструктор агитпропа опять полез по книгам про средневековых ведьм и ведунов, которые шли следом за жрецами ацтеков.

В этих книгах учёные иезуиты утверждали, что Бог — это, прежде всего, любовь.

Потому, подписывая договор с дьяволом, ведьмы и ведуны платят за это высшим даром, который может дать Бог человеку, даром любви, и потому, они не могут любить никого. Кроме самих себя. Потому, из них получаются эгоисты, эгоцентрики и эгоманьяки.

Сбоку приписка рукой Максима: «Очень хорошая примета. Я это сам очень часто наблюдал».

Выхолостив душу от любви к ближнему, лукавый частенько подменяет её любовью к поэзии, литературе, балету и сцене, чтобы этим легче обвораживать других.

Потому, из таких оборотней нередко получаются хорошие артисты или такие же хорошие шпионы, например, Мата Хари.

Делая из этого практические выводы, 13-й отдел заранее считал, что большинство американских журналистов в Москве — это агенты американской разведки CIA.

А особенно, если от них попахивает антихристом. Столь же тщательно 13-й отдел обнюхивал и жён этих журналистов. Согласно философии Бердяева про союз сатаны и антихриста, которые, оказывается, не только существуют, но и даже женятся.

Дальше в справочнике по сатановедению стояло, что договор с дьяволом может быть на несколько лет или на всю жизнь и подписывается он кровью: «Иногда, в случае тех, кто ещё молод, договор заключается на короткое время, но потом он всегда возобновляется».

Рядом приписка рукой Максима: «Одним из видов такого договора, подписанного кровью, являются смешанные браки. Но это — кровь гнилая. А гнилая кровь, как яд, сильнее здоровой крови».

Шагая по следам культуры и цивилизации, инструктор агитпропа наткнулся на глубокомысленный трактат чрезвычайно эрудированного францисканского монаха Людовико Синистрари «De Daemonialitate», в котором сообщалось, что, после подписания договора, нечистый старается припечатать на теле искушенного им неофита свою печать, «особенно на тех, от кого он ожидает постоянства».

Это в один голос подтверждали все средневековые авторитеты в области сатановедения. По их описаниям, «печать дьявола» или «метка ведьмы» представляла собой нечто вроде чёрного родимого пятна различной формы и оттенков.

Иногда, в этом месте, тело опускалось, как пустое. От обычного родимого пятна «печать дьявола» отличалась тем, что если это место уколоть, то не чувствуется боли и не появляется никаких выделений.

Потому, во времена святейшей инквизиции людей, подозреваемых в колдовстве, обычно подвергали тщательному медицинскому осмотру.

В присутствии комиссии из учёных медиков, аптекарей и цирюльников их раздевали догола, сбривали все волосы на теле и искали «печать дьявола», которая нередко пряталась в самых укромнейших местах. Если таковую «печать» находили, то в неё тыкали специальными серебряными булавками.

Предварительно жертвам такого обследования завязывали глаза, чтобы они не видели, когда и где их колют.

Охотники за ведьмами утверждали, что если «печать» была настоящая, то, хотя булавки втыкали на глубину до трёх пальцев, ведьмы совершенно не чувствовали боли и не могли сказать, когда и где их укололи. Кроме того, в месте укола не появлялось ни крови, ни каких-либо других выделений.

Инструктор агитпропа обратился за разъяснениями к самому председателю Комитета по делам религии при Совете Министров СССР генералу Курощупову, который, нащупавшись своих курочек, отдыхал в доме под золотым петушком.

— Это, своего рода, естественная местная анестезия, — невозмутимо ответил генерал-профессор 13-го отдела. — Потеря чувствительности, возникающая в результате нарушения

проводимости чувствительных нервов от периферии к головному мозгу.

Один из симптомов при некоторых заболеваниях периферической и центральной нервной системы. Иногда встречается у всяких психопатов и сумасшедших. Вы о Камо слышали?

Затем генерал Курощупов рассказал довольно занятную историю. Камо или, точнее, Семён Аршакович Тер-Петросян был легендарным героем революции.

Вместе со Сталиным он руководил знаменитым ограблением Тифлисского банка и снабжал этими деньгами Ленина. В связи с этим, в 1908 году его арестовали в Германии.

В течение четырёх лет Камо сидел по тюрьмам — и симулировал сумасшествие. Немецкие врачи-психиатры знали, что некоторые сумасшедшие нечувствительны к боли.

Чтобы проверить Камо, они в 20 веке, так же как и средневековые медики, загоняли ему иголки под ногти. Но бандит-революционер только улыбался и кормил хлебом воробышков, которые залетали в окно его камеры.

Потом он пытался покончить жизнь самоубийством и морил себя голодом. В конце концов, его перевели в сумасшедший дом, откуда он быстренько сбежал.

— Всё дело в том, — заключил генерал-профессор, — что Камо был не сумасшедшим, а полусумасшедшем. Таким же душевнобольным, как и большинство революционеров.

Потому-то Камо и не чувствовал боли — у него была эта самая анестезия. А после революции ему стало скучно жить, и в 1923 году он на велосипеде нарочно наехал на грузовик и был убит. Кстати, этот Камо был косой. Потому и говорят: дурной глаз.

— А какое всё это имеет отношение к Комитету по делам религии?

— Очень просто. Камо, так же как и Сталин, начал с религиозной школы. Бог и дьявол — это две стороны одной и той же медали. Потому мы и следим за этим.

Дай им свободу, как в Америке, и половина пастырей будет молиться Богу, а половина — дьяволу. И будут, как в Америке, две враждующие церкви. — Генерал-профессор Курощупов

поиграл пальцами, — Вот мы этих-то курочек и прощупываем. Грешников вылавливаем.

Следом в чернокнижной библиотеке Максима шёл солидный труд некоего Фредерика Элворти под названием «Дурной глаз».

Помимо того, что автор был учёным-профессором, он был ещё заслуженным членом какого-то мистического тайного общества, какие сами себя называют гуманистами, а другие называют их сатанистами.

Копаясь в тысячелетиях, профессор Элворти систематизировал причины возникновения суеверия о дурном глазе, который, якобы, сулит порчу и всякие несчастья.

Оказывается, дело было просто, как солёный огурец.

Такие авторитеты античной старины, как Геродот, Вергилий, Гораций, Овидий и Плутарх, уже давно подметили, что это суеверие связано с определёнными деформациями человеческого глаза, особенно с косоглазием.

Позже эту науку расширили и обладателями дурного глаза считали не только косых, но и хромых, горбунов, карликов, жиряков и вообще всех уродов. Но только, уродов от рождения.

Потом, в эту категорию стали включать не только людей, выделяющихся своей уродливостью, но и наоборот — необычайно красивых людей, в последнем случае, особенно женщин.

Профессор Курощупов моментально пристегнул теорию к практике:

— Вот видите, ведь я вам только что говорил, что Камо был косой. И таких примеров сколько угодно. Глаза — зеркало души. У Достоевского глаза были разноцветные — и это тоже отражается в его творчестве и жизненном пути: от революционера — до реакционера.

— Илья Сергеич, неужели вы пользуетесь в вашей работе такими дурацкими приметами?

— Немножко, немножко, — с некоторой обидой в голосе ответил Илья Сергеевич. — Во времена Петра Великого был даже специальный царский указ: косым и рыжим запрещалось свидетельствовать в суде — понеже Бог шельму метит.

— Значит, вы и рыжих тоже на заметку берете?

— А, как же? Ну, посудите сами. Ленин был рыжий. Его жена Крупская — тоже рыжая. И главная обоже Ленина, Инесса Арманд, — тоже рыжая. И главный предатель в окружении Ленина, Малиновский, тоже был рыжим — и шпиком охранки.

Если посчитать, то среди большевистских вождей было столько рыжих, что большевиков можно б было назвать партией рыжих. Возьмите Бухарина — рыжий! Или Енукидзе — тоже рыжий! А у Сталина мамаша была рыжая. Тьфу! — И, чтобы успокоиться, генерал Курощупов пощупал свой пистолет у пояса.

Ласково поглаживая свой пистолет, председатель Комитета по делам религии деловито добавил:

— Конечно, все эти аномалии могут быть и у нормальных людей. Просто у легионеров они встречаются чаще, чем у других. Дьявол, он, знаете, страшный путаник.

Кот Васька сидел на коленях Максима и играл лапой с медалью «За спасение утопающих». А Максим и архиепископ Питирим упражнялись в софистике.

Ссылаясь на философа Дени де Ружмона, они рассуждали об участии дьявола в поражении Франции Гитлером.

Хотя, Гитлер был помесью сатаны и антихриста, но настоящая штаб-квартира сатаны была, оказывается, в Париже.

Ведь, поскольку дьявол есть, прежде всего, дух, то и все уроды современной духовной культуры — символизм в поэзии, модернизм в живописи и экзистенциализм в литературе — уродились нигде, как во Франции.

А, поскольку все эти уроды и кривляки представляют собой не что иное, как духовный анархизм и нигилизм, то самое Ничто, которое ничтожит, то, вот вам и результаты.

А после войны, дьявол, сделав своё дело, и поскольку он любит золото и комфорт, перенёс свою штаб-квартиру в Америку.

Тем временем, инструктор агитпропа штудировал глубокомысленное сочинение папы Бенедикта XIV «*De Seruorum Dei Beatificatione*», где обсуждался вопрос, могут ли быть у бесов детки.

Оказывается, при некотором умении, у бесов могут быть и бесенята. Но для этого, бесы применяют какую-то хитроумную технику, которая неизвестна даже самому папе римскому.

Рядом ученый труд амброзийского монаха Франческо Гуззо «*Compendium Maleficarum*», написанный в 1608 году.

Цитируя многочисленные учёные авторитеты того времени, брат Франческо приходит к заключению, что «по всей вероятности, бесы были первыми изобретателями искусственного осеменения, поскольку они способны переносить человеческое семя на большое расстояние и, таким образом, что оно сохраняет свои способности.

Каким-то образом, неизвестным или необъяснимым, они способны впрыскивать его так, что получается беременность. При этом, гарантируется, что потомству передадутся все бесовские качества».

Странно только, что на этот средневековый бред брата Франческо ссылается такой современный авторитет, как Генри Роде, полицейский эксперт в области судебной химии и научного исследования преступлений, в своей книге по социологии и криминалистике «Сатанинская месса», которая была издана в Лондоне совсем недавно.

На помощь брату Франческо пришёл сам председатель Комитета по делам религии при Совете Министров СССР.

— Это очень просто, — сказал генерал-профессор Курощупов, — Вы про комендантшу Бухенвальда Эльзу Кох слышали? Ее судили в Нюрнберге, как военную преступницу и приговорили к повешению.

А она смеётся и нахально заявляет, что она беременная, а по закону, беременных казнить нельзя. Конечно, ей не поверили: ведь, она больше года сидела в одиночной камере.

Изоляция такая, что муха не пролетит. Потом проверили и видят: да, действительно беременная! Ну и пришлось её помиловать.

— Но, как же она забеременела в одиночке?

— Союзнички устроили специальное следствие, но ничего не выяснили.

— Ну, а вы это знаете?

— Конечно, — улыбнулся генерал Курощупов, ласково пощупывая свой пистолет. — Мы всё знаем. Больше нас знает только сам Господь Бог.

И действительно! Хотя даже сам папа римский Бенедикт XIV признавался, что он не знает, каким это образом у бесов получаются бесенята, но красный кардинал Максим Руднев докопался и до этого.

Там, где брат Франческо ломал себе голову над загадкой искусственного осеменения, которым занимаются бесы, рукой Максима было написано: «Пальцем деланные. Смотри дело «Голубой звезды» — приложение № 27/С. Хороший пример формулы власти».

Порывшись по полкам, Борис нашёл старую папку с делом «Голубой звезды». Приложение № 27/С касалось Федьки Косого. И начиналось оно с проверки его семейного древа, которое было довольно запутанное.

Здесь я, советский раб Божий, пишущий эту печальную летопись о русском лихолетье, да забудется имя моё, должен извиниться за дальнейшие греховные строки. Но, как же иначе описать эти бесовские тайны?

Кроме того, сейчас в свободной Америке это самое пишут совершенно свободно и называют это прогрессивной модернистической литературой.

А нас, русских, упрекают, что мы, мол, отстали от жизни. Вот я вам и дам — с точки зрения диалектического христианства — пример такого социалистического модернизма.

Начиналось дело Федьки Косого давно — ещё до революции 1905 года. И всё начиналось наоборот — не с отца, а с матери.

Мать Федьки Косого, Мара Шварц-Чёрных, в общественной жизни была революционеркой, в частной жизни — лесбиянкой, а в душе — ведьмой.

Всё это требовало сохранения тайны, и, таким образом, получалась внутренняя гармония. Вкусив грехи молодости, ведьма Мара решила, что оставаться в старых девах невыгодно и лучше выйти замуж.

Но, как же это сделать, если она любит не мужчин, а женщин?

Но для ведьм всё это очень просто. Для этого нужно только знать, как делают свою любовь две лесбиянки: лижут друг у дружки — и облизываются. Потому их и называют язычницами.

А чтобы выйти замуж, ведьме нужно найти себе подходящего мужчину-оборотня, который будет делать то же самое, то есть, минетчика из французских анекдотов. А таких — тоже легион. Хотя, это и эрзац-кофе, но...

Ведьма Мара так и сделала.

Она нашла себе стройного, с ломающимся голосом и слегка, если присмотреться, женоподобного оборотня, который даже выдавал себя за князя Облонского и который служил в качестве мухерадо у одного из жрецов тайного культа вокруг философа-богоискателя Бердяева.

Того самого, который проповедовал союз сатаны и антихриста и, в результате, царство князя мира сего.

Бедный мухерадо Облонский тоже был в затруднительном положении — он никак не мог жениться, так как любил не женщин, а мужчин.

Потому, ведьма Мара, без особого труда, сосватала его, и они поженились. А любовь они делали по рецепту товарища Фрейда о ротовом эротизме. Только немножко наоборот.

Если раньше муж сосал, то теперь он лизал. А жена если раньше лизала, то теперь она сосала. Как в пикантном французском анекдоте. Конечно, попутно они занимались и своими старыми грехами.

А люди смотрели на них со стороны и говорили: «Ах, какая хорошая пара»

Потом, ведьма Мара захотела детей. Но, чтобы избежать дурной наследственности, чтобы понизить шансы дьявола дегенерации на 50 процентов, она решила делать детей искусственным осеменением.

Она просто послала свою лесбийскую подружку к проституткам, чтобы купить использованный презерватив. Потом ведьма Мара зачала себе ребёнка пальцем.

Так у неё народился пальцем деланный сын, плод греха, который позже стал поэтом-футуристом и прятался под псевдонимами

Иван Странник и Морт, что по-латыни означает смерть.

За ним таким же модерным способом появился на свет Божий второй сын, который позже стал прославленным бандитом по имени Федька Косой.

Листая дело «Голубой звезды», инструктор агитпропа невольно подумал: «А ведь прав был брат Франческо, когда говорил, что при таком искусственном осеменении гарантируется, что потомству передадутся все бесовские качества!» Тут даже советский Фома Неверный поколебался в своем неверии.

Семья Шварц-Чёрных была старая бесовская семья, где кишмя кишело всякими бесами и бесенятами. Тут были угрюмые бесы шизофрении и паранойи, веселые бесы анархии и нигилизма, двуликие бесы инкуб и суккуб, которые превращают мужчин в женщин, а женщин — в мужчин, потаённые бесы садизма и мазохизма, бесы убийства и самоубийства и еще целая куча всяких бесов и бесенят.

Уже много поколений в этом бесовском семействе детей делали пальцем. Даже сама ведьма Мара, глядя на себя в зеркало, нисколько не сомневалась, что она тоже пальцем деланная. Несмотря на всё это, бесы мании величия и мании преследования нашёптывали им, что они не простые, а особенные, что они избранные, что они элита и что у них особая миссия.

После революции 1917 года советское правительство в тайном порядке издало в 1922 году тайный декрет, запрещающий тайные общества вроде «Голубой звезды». Большевистская ЧК очень скоро выяснила, что большинство вождей конкурирующих революционных партий — меньшевиков, эсеров и так далее — были тесно связаны с этими эзотерическими тайными обществами. Это была своего рода партия партий и союз союзов. Потому, чтобы пресечь анархию, одну часть этих вождей просто перестреляли в ЧК, а вторую часть вытурили за границу.

Говорили, что их выслали нарочно, чтобы внести раскол и анархию в эмиграции. Среди этих выкидышей революции было много богоискателей типа Бердяева. И действительно, первое, что эти богоискатели сделали, — это раскололи православную церковь за границей на две церкви. Одна, настоящая, подвижническая, по-прежнему молилась Господу Богу. А вторая, поддельная, раскольническая, модернистическая, молилась на богоискателя Бердяева, который исподтишка проповедовал союз сатаны и антихриста. Вот этих-то чёрных курочек и щупал

генерал Курощупов. Братия во сатане и во антихристе ходили исповедоваться и несли все свои тайны в советскую разведку. Курочки генерала Курощупова несли золотые яички.

Подобным же образом вытурили за границу ведьму Мару и ее мужа-оборотня. Там они быстренько снюхались со своими собратьями и, опять прикидываясь гуманистами и либералами, писали слащавые мемуары о русской революции. А для заработка они работали консультантами по грязным делам во всяких разведках. Попутно, когда нужно, их доила и советская разведка.

Пальцем деланные детки ведьмы Мары, Иван Странник и Федька Косой, остались в России и тщательно скрывали свое социальное происхождение. Но подруга-ведьма, которая когда-то бегала за презервативами, из которых они оба вылупились, во время Великой Чистки попала в 13-й отдел и во всем призналась.

Следом в деле «Голубой звезды» шли следственные материалы уже о самом Федьке Косом, который был королём московских бандитов и у которого, как у Синей Бороды, было пять жён.

А вот и собственноручные показания Федьки Косого, где он писал следующее:

«Меня загубили мои паскудные жёны. Четыре паскуды от меня драпанули, так как я, якобы накидывался на них в постели с заряженным наганом, аранжируя не то изнасилование, не то грабёж.

А без этой аранжировки я, якобы, тоталитарный импотент и ничего не могу. А пятой паскуде эта тоталитарная любовь так осточертела, что эта курва настучала на меня в угрозыск.

Эти дешёвые паскуды просто не понимали мою сложную душу. Для меня наган — это единственная святая вода, которая утоляет мою проклятую и ненасытную жажду командования, жажду власти и половой силы.

Говоря о моих жёнах, ничто не могло дать мне необходимого облегчения для души и тела, которого я искал, как их абсолютное подчинение моей потребности властвовать, когда они извиваются передо мной от ужаса. А эти паскуды меня не понимали, хотя я и одевал их, как куколок.

Очень трудно объяснить те странные сладостные ощущения, пронизывающие всё мое тело до мозга костей, когда я направляю

наган на мою жертву, наблюдая, как она дрожит и потеет от страха.

В этот момент я чувствую себя, как Бог. В моих руках вся правда и неправда. Я, как будто, заглядываю в колодец, где спрятаны все тайны мира, и познаю абсолютную истину. Иногда во время грабежа я даже забывал про деньги и уходил».

На полях рукой Максима примечание: «Вот она — формула власти!»

Дальше Федька Косой писал: «Вся моя жизнь была насыщена завистью и ненавистью к достижениям других людей.

Я часто думал, что из меня мог бы получиться великий вождь, способный поразить весь мир социальными переворотами, такими невероятными и фантастическими, какие приходили в голову только великим правителям.

Но вся моя беда в том, что я поздно родился и не попал в процесс революции. А то б я вам всем показал, где раки зимуют».

Борис вспомнил, как когда-то в детстве, после драк с хулиганом Федькой Косым, мальчишка Максим молился Богу, прося сделать его большим и сильным.

А теперь, маршал госбезопасности СССР Максим Руднев, став большим и сильным, писал на деле бандита Федьки Косого безрадостное заключение:

«Так, вот какова цена той власти, которую даёт князь мира сего!»

Зато, Федька Косой не унывал и заканчивал свою исповедь так: «Хотя я есть социальная вша и гнида, каких нужно давить, но прошу советскую власть меня не расстреливать.

Как пророчески говорил товарищ Ленин, даже и при советской власти без ассенизаторов не обойдёшься. Потому, я ещё могу пригодиться, чтобы давить других вшей и гнид. Чтобы вам, так сказать, ручки не пачкать. Пошлите меня в исправительно-трудовой лагерь, и я обещаю исправиться».

И король московских бандитов сдержал своё обещание. Его сослали в концлагерь, где, после Великой Чистки, сидели бывшие герои революции.

Здесь Федька Косой стал бригадиром бригады каменщиков и усердно перевоспитывал бывших революционеров, при помощи дубинки.

— Вы что это, баламуты, против царя и Бога бунтовали? — орал Федька Косой, обрабатывая своих каменщиков дубинкой. — А теперь я для вас и царь, и Бог. За что боролись — на то и напоролись!

В эту ночь Борис остался ночевать в доме под золотым петушком. Но спалось ему плохо. Всю ночь инструктора агитпропа, как в кино, преследовали навязчивые сны.

Где-то издалека загадочно улыбается красавица Ольга, полуангел и полумарсианка, и зябко кутается в свою белую шаль.

Рядом с ней в военной форме полукняжна и генерал НКВД Зинаида Генриховна, помесь сатаны и антихриста.

Следом за ними, как хромой чёрт, прихрамывает полугерой Перекопа в красных галифе. Где-то позади тихо мерцает мистическая «Голубая звезда», где, как в змеином гнезде, копошатся доброе зло и злое добро.

А в углу сидит Максим и, как доктор Фауст, копается в своих книгах по сатановедению, отыскивая формулы добра и зла, ума и безумия, жизни и смерти. Потом он показывает на Бориса и ухмыляется: «А это — мой Фома Неверный!»

Фома Неверный перевернулся во сне на другой бок. Но с другой стороны выстроился мозговой трест профессора Руднева.

Генерал-архиепископ Питирим с крестом на груди и огромным пистолетом у пояса.

Генерал-профессор Курощупов со своими курочками, которые несут золотые яички.

Лейб-медик 13-го отдела доктор Быков со своими змейками, обвившимися вокруг чаши с ядом.

Генерал-инквизитор Топтыгин со своими топориками на погонах.

Профессор тёмных дел Малинин, у которого только фамилия сладкая, а работа горькая.

Эти мозговики ласково поглаживают свои пистолетики и подмигивают: «Хм-хм, мы тайная полиция новой России, молодой России! И мы знаем вся и всё. Больше нас знает только сам Господь Бог!»

Фома Неверный вертелся с боку на бок, но это не помогало. Кругом, как русалки в сказке, вежливо расселись хитроумные евреи Максима — апостолы 13-го отдела.

Апостол научной криминологии профессор Ломброзо со своими сумасшедшими гениями.

Апостол дегенерологии доктор Нордау со своими гениальными дегенератами.

Апостол экзистенциализма горбатый философ Кьеркегор со своими бесами, которые обитают в печатной краске.

Тут же апостол психоанализа Фрейд, изобретатель ротового эротизма, спокойно посасывает свою сигару, которая согласно его учению является фаллическим символом. А остальные хитроумы смотрят Фрейду в рот — и облизываются.

А за всем этим, как учёный кот под дубом, сидит маршал госбезопасности СССР Максим Руднев и играется со своими заколдованными красавицами. А на коленях Максима сидит кот Васька и играется с медалью «За спасение утопающих».

Утром, выходя из дома злого добра, инструктор агитпропа покосился на золотого петушка на крыше и сказал: «Ну-с, с меня довольно...»

* * *

В случае особо важных заключённых, чтобы они не покончили с собой преждевременно, у них отбирали пояс, подтяжки, шнурки, вставные челюсти, очки и даже обрезали все пуговицы на брюках.

В санпропускнике их остригали под машинку, пропускали под душем, посыпали порошком против вшей и запирали в камеру с резиновыми стенками в одном из подземных этажей Главного управления МВД.

В подземной камере постоянно горел электрический свет, и здесь не было разницы между ночью и днём.

Поэтому, когда маршал госбезопасности СССР, сам организовавший этот порядок, попал в эту камеру в качестве заключённого, даже он сам не знал точно, сколько времени он здесь провёл.

Сначала его выводили на врачебные комиссии, где его физическое здоровье проверяли так тщательно, словно его готовят к полёту на луну.

Потом, его заставили пройти серию психологических испытаний. Да настолько сложных и запутанных, что ординарный человек в них определённо бы запутался.

Но бывший маршал знал, что ищут врачи. И знал, как их обмануть. Врачи это тоже знали и просили его быть честным во имя науки, поскольку, так или иначе, терять ему нечего.

И заключённый тоже знал, что терять ему больше нечего. Судя по этим чрезвычайным заботам об его здоровье, он знал, что его ожидает.

И он уже знал, когда это будет. Не раньше, чем он закончит писать свою автобиографию.

Не просто анкету, как в случае простых смертных, а писанину неограниченного размера, поскольку, отныне его жизнь принадлежит не ему, а истории. Те, кто сидел наверху, знали, что в таких условиях эта биография будет очень подробная и длинная.

Когда и эта бюрократическая процедура была закончена, заключённого вызвали на последний допрос, где обычно объявляют приговор.

Шагая по подземному коридору и поддерживая спадающие без пуговиц брюки, бывший маршал не выдержал и спросил у конвоиров:

— А какое сегодня число?

Но конвоиры только нахмурились и молчали. Заключённый с досады вспомнил, что на этом подземном этаже все конвоиры глухонемые.

Ботинки без шнурков спадали с ног, и он волочил их по полу. Его подняли на лифте на самый верхний этаж и провели в кабинет, который он хорошо знал по прошлым временам.

За большим письменным столом там сидел человек в знакомой форме маршала госбезопасности СССР.

Два маршала, бывший и настоящий, молча посмотрели друг на друга.

— Присаживайтесь, — сказал один.

— Спасибо за любезность, — сказал другой, осторожно садясь в знакомое кресло.

— Хотите закурить?

Заключённый потянулся за папиросой.

— Вот спички. Хотите рюмку коньяку?

— Да, не откажусь.

— У вас есть какие-нибудь процессуальные жалобы?

— Нет. Хочу даже поблагодарить вас, что вы не приволокли меня на допрос в голом виде, как у вас это раньше делалось.

— Ну, тогда остаются только формальности. Прочтите это.

Бывший маршал взял исписанный на машинке лист бумаги с Гербом СССР и прищурился: «Специальная Коллегия Верховного суда Союза Советских Социалистических Республик в чрезвычайном заседании...»

— Вот же балаган! — фыркнул заключённый. — Ведь никакого заседания не было!

«...рассмотрев дело бывшего министра внутренних дел и бывшего члена Президиума ЦК КПСС Берии Л. П....»

Лишённые очков, близорукие глаза торопливо блуждали по строчкам, разыскивая последние слова:

«...приговорила подсудимого к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Приговор привести в исполнение немедленно».

— Я что-то плоховато вижу без очков, — прошамкал приговоренный беззубым ртом, из которого вынули протезы. — Какая здесь дата?

— Не обращайте внимания на дату. По газетам, вас расстреляли уже полгода тому назад.

— Обычные фокусы профессора Руднева, — криво усмехнулся живой труп и посмотрел на подписи внизу. — А где же ваша подпись?

— В данном случае, я только промежуточная инстанция.

— Да, ведь вы всегда предпочитаете оставаться в тени. — Приговорённый бросил приговор на стол. — Или после того, как вы ликвидировали самого Сталина, вы уже не интересуетесь такими мелочами, как всякие там министры?

— Лаврентий Палыч, помните, когда Сталин готовил вторую чистку? И как вы были первым на списке?

— Как же, ведь тогда вы спасли мне жизнь. А я — в шутку — даже наградил вас медалью «За спасение утопающих». Которая вам, кажется, очень даже нравится... Эх, если бы я не ввязался в эту проклятую борьбу за престолонаследие...

— Потому и говорят, что гордыня — это первый смертный грех. И в результате, вы опять оказались первым на списке. Но на этот раз...

— Понимаю, на этот раз спасение утопающих — дело самих утопающих. В ваших глазах я неизлечимая жертва собственных страстей и исторического процесса. Потому, вы и расстреляли меня в газетах уже полгода назад.

Потом, вы, не торопясь, выкачали из меня всё, что необходимо для ваших специальных архивов. Потом, вы вырежете из моего трупа все интересующие вас желёзки и заспиртуете по баночкам для вашей коллекции.

Из боязни повредить мои драгоценные железки вы даже не расстреляете меня. Знаю, вы задушите меня газом.

Некоторые противники смертной казни аргументируют тем, что для приговорённого к смерти не так страшна сама казнь, как её ожидание.

Потому ожидающий казни убийца страдает, дескать, больше, чем тот, кого он убил и который этого не ожидал. И это, дескать, несправедливо.

Чтобы исправить эту несправедливость, в 13-м отделе МВД некоторым категориям приговорённых к смерти приговора не объявляли.

Их просто переводили в специальную камеру и примешивали к пище снотворное. Когда они засыпали, в эту герметическую камеру пускали ядовитый газ.

— Хорошо, когда этого не знают, — сказал смертник. — Но я-то это прекрасно знаю. — Маршал Руднев молча пододвинул министру бутылку с коньком.

Тот налил себе, но уже не в рюмку, а в стакан для воды и выпил его, как воду. Потом он хитро усмехнулся: — Вы, конечно, надеетесь, что на прощание я расскажу вам что-нибудь интересненькое.

Передам вам, так сказать, все мои секреты. Вся беда в том, что в теории вы знаете всё. Но не знаете это на практике.

Вы не знаете, что такое смертельная любовь смерти, за которую расплачиваются смертельным страхом смерти. Когда всю жизнь живут любовью к чужому страху, к чужой смерти.

И за это всю жизнь мучаются страхом собственной смерти. Когда во сне и наяву вас начинает преследовать всякая гадость и пакость. И когда вы знаете, что это такое — прогрессирующий мозговой разжиж.

— А как насчёт комплекса власти?

— Очень просто. — Бывший министр внутренних дел СССР потёр себе лоб. — В детстве я любил бегать босиком. Особенно после дождика. И я любил давить босыми ногами лягушек.

Мне было приятно наблюдать, как у них через рот выползают кишки — такие белые пузыри, и трогать их руками. Как другие щупают шёлк или бархат.

— В вашей биографии вы написали, что когда вы выросли, то почувствовали такую же потребность давить людей?

— Да, чувствовать, что тебя боятся, командовать людьми, быть наверху. Но для этого, нужно было иметь над людьми такую же власть, какую в детстве я имел над лягушками.

Потому, я и боролся за власть, безразлично какую — советскую, кадетскую или турецкую, — абы власть, власть и власть!

Ведь, вы сами знаете, что все настоящие революционеры такие. Но вы только не знаете, с каким глубочайшим наслаждением я их всех расстреливал, зная, что они такие же чёрные жабы, как я сам.

— Это основной закон марксизма — единство и борьба противоположностей, — с ленивым безразличием сказал маршал Руднев. — Ну, а как насчёт проблемы несовершеннолетних?

Бывший министр внутренних дел СССР старчески пожал плечами:

— Это та цена, которую товарищ сатана берёт за власть, за славу и величие. Власть — в обмен на бессилие. Половое бессилие. Импотенция.

— Кстати, ведь одна из ваших жён была, кажется, царских кровей?

— О да, что-то вроде наследницы грузинского престола. Вы скажете, что это ещё одно доказательство моей мании величия. Залезть не куда-нибудь, а на царицу...

Но мою царственную жёнушку моя импотенция нисколько не беспокоила. Наоборот, это её вполне устраивало.

— Ворон к ворону летит?

— Да. Ведь, среди женщин, импотенток столько же, как среди мужчин импотентов. Только у женщин это называется не импотенция, а холодность.

А потом, чтобы замаскироваться, эти холодные импотентки выходят замуж за импотентов. Ну, а потом, каждый фокусничает по-своему. Как говорят, 69 способов быть несчастным.

— Хорошо, а как, всё-таки, насчёт несовершеннолетних?

— Да вот так... Ты, казалось бы, достиг высшей власти, а сам ты не можешь взять ничего. Ты являешься высшим хранителем закона, а тебя неудержимо тянет к тому, что законом строжайше запрещается, — к несовершеннолетним...

Ха, ведь, большинство людей даже и не подозревают, что мы с этими детьми делаем... Как говорит ваш товарищ Фрейд у нас ротовой эротизм...

А по-русски это будут непечатные ругательства... Товарищ сатана умеет прятать свои секретики так, что даже и сказать неудобно...

Ещё недавно министр МВД был властелином над жизнью и смертью миллионов людей. Теперь, это был жалкий и беспомощный старик.

Когда он волновался, из его беззубого рта текли слюни и капали на рубашку. Он утер рот рукавом и подвёл итог:

— Болезненная жажда власти, то есть, комплекс власти, обычно, это связано с садизмом... А садизм, обычно, связан с гомосексуальностью — открытой, латентной или подавленной, из чего проистекают все эти 69 способов быть несчастным...

А параллельно с этим, идёт мозговой разжиж... И комбинаций здесь больше, чем, в калейдоскопе... Вот вам и вся формула власти. Разве это не дьявольская насмешка?

Но такими были все великие властелины — Александр Македонский, Цезарь, Наполеон, Ленин, Гитлер и даже, товарищ Сталин. И ничего вы здесь, дюша лубезный, не поделаете.

Впрочем, вы всё это и сами прекрасно знаете. Просто, вы нажали кнопочку и записываете все мои слова на ленту. Для верности. Для точности. Так на смену революционерам приходят бюрократы.

Заросшее седой щетиной лицо старика осунулось, беззубый рот провалился, подбородок поднялся к носу, как у старухи.

Он сидел, согнувшись в кресле, и жадно затягивался папиросой, словно стараясь накуриться про запас. Дрожащие пальцы не слушались, и пепел сыпался ему на колени.

— На вашем месте, маршал Руднев, я бы очень гордился этим историческим моментом, — сказал старик с лицом старухи. — Великий инквизитор новой России отправляет на тот свет последнего великого шамана коммунизма. Но большого энтузиазма я на вашем лице что-то не вижу.

— Роды нового общества, — сказал маршал, — это такая же грязь и кровь, как и роды нового человека.

Смертник завозился в кресле и, потирая спину, вздохнул:

— Ох, опять мой ишиас расходился.

Он облокотился на батарею центрального отопления. Хотя, батарея была холодная, он вспомнил что-то и отдёрнул руку, словно обжёгся.

Когда-то давно начальник 13-го отдела рассказал ему, как в средние века некоторые отцы церкви приказывали погребать их тела под ступенями храмов, чтобы верующие шагали к вере по их праху.

Тогда эта идея так понравилась министру внутренних дел, что он приказал кремировать трупы провинившихся и казнённых сотрудников МВД в топке центрального отопления МВД. Чтобы не выносить сор из избы и решать семейные дела по-семейному.

Теперь же, бывшему министру представилось, как его собственный труп, изрезанный специалистами 13-го отдела, повезут на тележке в котельную и устроят домашние похороны.

Там его труп бросят на лоток из перфорированного железа и засунут под нефтяные форсунки центрального отопления.

Ему даже показалось, что по лицу маршала Руднева скользит выражение лёгкой брезгливости, как у человека, смотрящего на труп.

Чтобы растянуть время, живой труп потянулся за бутылкой с коньяком. Вместе с алкоголем по телу растекались усталость и безразличие ко всему.

Ему вдруг вспомнился берег Чёрного моря, где мальчишкой он бегал босиком по горячему песку. Над головой полыхающее кавказское солнце, а по голым ногам ласково плещет холодная морская вода.

Он посмотрел на свои спадающие полуботинки с голыми пятками и подумал, что скоро эти жёлтые пятки будет ласкать огонь нефтяных форсунок. Как бы ещё растянуть это проклятое время?

Он посмотрел на маршала Руднева. Тот сидел с полуопущенными веками, словно он устал и ему хочется спать.

Песчаные волосы какого-то неопределённого цвета, не то седые, не то выцветшие. Глаза с белесыми ресницами не то серые, не то зеленоватые, как у ящерицы. И на высохшем лице спокойное безразличие.

— Максим Алексаныч, — тихо сказал смертник. — Сталин называл вас своим красным кардиналом. А я вот смотрю на вас и думаю...

Вы пристрелили моего предшественника Ежова, потом притравили вашего патрона Сталина, теперь вы пустите меня в трубу центрального отопления...

Ведь, вы сидите и хозяйничаете за советским троном уже не как красный кардинал, а как красный папа...

В Риме сидит папа римский, где-то сидит антипапа, а в Москве сидит красный папа... Вы достигли высшей власти... Но никто даже и вашего имени не знает... Какое вам от этого удовольствие?

— Никакого, — безразлично сказал красный папа. — Одни неприятности.

— Перед тем как вы пристрелили Ежова, я его тоже допрашивал. Кстати, совершенно бесполое существо, хромоножка и даже ростом карлик, типичный выродок. Так вот, перед смертью он вдруг забормотал о Боге.

«Я, — говорит, — нарушал все Божьи заповеди и не заслужил от Бога ничего, кроме наказания. Я служил Сталину, как Богу, и не заслужил от него ничего, кроме благодарности. А теперь, вместо благодарности, меня расстреливают.

Так, что же получается, в конце концов? Значит, Бог, всё-таки, есть... Иначе, кто же это меня наказывает? И я знаю, что меня, как и Ягоду, пристрелит этот левша Руднев — левая рука господа Бога...»

Смертник покосился на левую руку Господа Бога, ожидая, когда она нажмёт кнопку звонка, чтобы отправить его в подвал. Но она не шевелилась.

Бывший министр глубоко затянулся папиросой и перевёл глаза на стрелку часов. Он подлил себе ещё коньяка, пожевал пустыми челюстями и жадно выпил, чтобы забыться до одурения.

Из углов комнаты ползли вечерние тени. Скоро его повезут в подвал и пустят на конвейер смерти. Да, из этого дома он выйдет уже в форме дымка из трубы центрального отопления.

— Максим Алексаныч, у меня к вам маленькая, последняя, просьба, — сказал смертник. — Знаете, в доброе старое время, когда таких, как я, жгли на кострах...

Ему вспомнилось, как тогда некоторые из осуждённых и колдунов шли на казнь в невменяемом состоянии, танцуя и распевая свои еретические песни, как будто радуясь приближению смерти.

Даже на костре они не чувствовали ничего и вели себя так, как на шабаше, когда они плясали вокруг таких же костров. Даже в подземной темнице их сообщники сумели передать им тайное варево, дающее полное забвение.

Иногда, сердобольный инквизитор, знавший тайну этого варева, чтобы облегчить смерть грешников, перед казнью сам давал им это зелье.

Бывший министр внутренних дел СССР кивнул на большой портрет Ленина на стене. Этот портрет откидывался в сторону на петлях, а за ним был замаскированный стенной шкаф.

Там хранилась обширная коллекция всяких экзотических ядов, когда-то собранная Гершелем Ягодой, который в молодости был фармацевтом, потом сидел в этом же кабинете в должности начальника НКВД и затем, был расстрелян в связи с процессом кремлёвских врачей-отравителей, где он играл главную роль.

— Максим Алексаныч, ведь там есть и эти наркотики, — вздохнул смертник. — Поскольку вы левая рука Господа Бога, дайте немножко...

— А куда вы так торопитесь? — как любезный хозяин, сказал маршал Руднев. — Итак, вас привели к власти всякие болезненные комплексы, которые мы, для простоты, называем дьяволом.

А знаете, как попал в это кресло я? — Смертник продолжал рассматривать портрет Ленина. — Когда-то в детстве, когда меня били соседские мальчишки, я обращался к Богу со всякими глупыми молитвами и просил Бога, чтобы он сделал меня большим и сильным.

— Хотя эта просьба и исполнилась, — но... — Смертник криво усмехнулся. — Похоже на то, что эту просьбу подслушал дьявол.

— Однако, дело в том, — маршал устало откинулся в кресле, — что в обмен на это, я предлагал Богу немножко укоротить мне

жизнь... И вот странно — теперь у меня, вдруг, обнаружился порок сердца. Причём, врачи удивляются, что это порок немножко необычный.

— Ох, на вашем месте не доверял бы я этим кремлёвским врачам.

— Врачи говорят, что я сжёг своё сердце на работе. Это, как бы, отравление сердца автотоксинами. Знаете, что это за яд?

— Нет, если кто вас и травил, то не я. Я предпочитаю расстрел. В этом я практиковался уже с детства — расстреливал лягушек из рогатки.

— Так вот, это яд немножко философский. Дурные мысли и чувства способствуют выделению в организме определённых автотоксинов.

В моём случае, я слишком ненавидел то зло, которое называют дьяволом. И эта ненависть отравила мне сердце. Как видите, любая ненависть — это отрава, даже ненависть ко злу.

— Ну, это как сказать, — скептически заметил смертник. Что вредно одному — полезно другому. Просто вы не подходите для этой работы.

— Врачи говорят, — продолжал маршал, — что мой странный порок сердца может ухудшиться или улучшиться. То есть, меня может хватить удар сегодня или через тридцать лет. И это будет зависеть от меня самого, так как единственное лекарство — это переменить образ жизни.

— Может быть, хотите теперь перепродать свою душу дьяволу? В обмен на жизнь? — Смертник опять покосился на портрет Ленина. — Дайте мне хорошую порцию наркотиков из того миленького шкафчика. А я на том свете замолвлю за вас словечко перед товарищем сатаной.

— Теперь вернемся от философии к вашему приговору, сказал маршал.

Не поднимая глаз, смертник ожидал, когда левая рука Господа Бога нажмёт кнопку звонка и вызовет глухонемую стражу, которая поведёт его в камеру смерти.

— По газетам вы уже мертвы, — услышал он голос издалека. — И в глазах народа правосудие восстановлено. А мне нужно лечиться. И я не хочу портить себе кровь ещё одной каплей

автотоксинов. В общем, ваш смертный приговор объявляется условным.

Смертник недоверчиво поднял брови:

— Что это за новые фокусы профессора Руднева?

— Просто после смерти Сталина политика принципиально меняется. Теперь опальных членов правительства будут не расстреливать, как раньше, а посылать на низовую работу. Вплоть до работы простым колхозником.

Бывший смертник вдруг истерически расхохотался:

— Ха-ха-ха... Великий инквизитор выдумал для нас самую ужасную пытку! Ведь, для таких людей лучше умереть, чем такая дьявольская насмешка — самим копать навоз в колхозе! Ха-ха-ха...

Пока он трясся в припадке истерического смеха, левая рука Господа Бога вынула из стола серую книжку:

— Итак, смертный приговор заменяется вам изгнанием. Вот ваш новый паспорт.

Бывший министр внутренних дел СССР неуверенно открыл серый коленкоровый переплёт.

— Имя мы вам дали, конечно, другое, — сказал маршал. — Если вы назовёте своё настоящее имя, вам не поверят. А если поверят, то убьют, как собаку. Это вы, надеюсь, сами понимаете.

Ваши официальные фотографии были настолько ретушированы, что в действительности вас никто не узнает. Сейчас мы, частично, распускаем лагеря. По паспорту вы один из таких выпущенных лагерников.

Для органов госбезопасности там помечено шифром, что вы сидели за растление малолетних. Я думаю, что в вашем возрасте рецидивы маловероятны.

И помните, что, по советским законам, условный приговор означает только отсрочку приведения приговора в исполнение, но принципиально сам приговор остаётся в силе. Запомните это, гражданин Берман.

— Иначе говоря, я буду живым трупом, — сказал бывший первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Вертя в руках

свой новый паспорт, он осторожно посмотрел на дверь: — А куда ж мне, то есть, гражданину Берману, собственно, идти?

— Местом жительства вам определяется ваша родина — Кавказ. Вас отвезут за сто километров от Москвы. Дальше добирайтесь самостоятельно. Знаете, как добираются люди, выпущенные из лагеря. Проявите инициативу. Кстати, сначала подпишите эти бумаги.

В своё время бывший начальник тайной полиции СССР в тайном порядке перевёл на тайные счета в швейцарских банках валюту на несколько миллионов долларов.

Теперь он аккуратно расписался на документах, передающих все эти деньги в заграничный спецфонд 13-го отдела МВД. Потом он тяжело вздохнул:

— Н-да, раздели вы меня, так сказать, догола. Теперь мне ничего не остаётся, как просить милостыню: «Подайте кусочек хлеба бедному старому еврею... Пострадал от проклятой советской власти... Только что из лагеря выпустили... Подайте копеечку Христа ради!»

Живой труп постепенно оживал, и к нему возвращалась его прежняя болтливость.

— Кстати, не забывайте, что и у Сталина тоже лежат деньги в швейцарских банках, на тайных номерных счетах. Ведь, я сам для него этими трансакциями занимался.

Так они все делают — и Троцкий, и Нерон, и Сталин. И было бы несправедливо, если вы меня этак раскулачили, а Сталина нет. Выкиньте какой-нибудь фокус, до которых вы такой любитель.

Например, пусть его дочка Светлана сбежит за границу — и сразу шасть в Швейцарию, за денежками, за денежками.

Потом пусть Светлана поедет в Америку и продаст там свои мемуары, которые вы ей заранее подсунете, описав там всех дегенератов в её семейке.

Потом Светлана, вероятнее всего, кончит так же, как её мать и братики, а денежки, миллиончики, вернутся её наследникам в Москву, то есть, в Госбанк... А я буду тут ходить и попрошайничать: «Подайте копеечку Христа ради!»

— Когда доберётесь до Чёрного моря, наймитесь рабочим на виноградники, — посоветовал маршал Руднев. — Когда я был студентом, я летом работал там по обследованию филлоксеры. Это такая виноградная вошь на корнях.

А рабочие по откопке корней, обычно, из бывших лагерников. Хорошее было время: солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья. Или наймитесь ночным сторожем в колхозе. Отдохнёте. Вылечите свой ишиас на солнышке.

— Сердечно благодарю за добрые советы, — кисло улыбнулся живой труп и покосился на медаль «За спасение утопающих», которая висела на груди маршала Руднева. — Видно, я случайно попал в точку, когда наградил вас этой медалью.

— Откровенно говоря, я вам даже немножко завидую, устало и как-то безразлично сказал маршал. — Будете жить, как на курорте.

А я — сиди в этой клетке и занимайся всякими грязными делами. Как повивальная бабка при родах нового общества. Иногда мне хочется просто встать и уйти. Уйти вот так, как уходите вы. Вам, ей-богу, повезло.

Живой труп посмотрел в бесстрастные, как у сонной ящерицы, глаза маршала и покачал головой:

— Ох, боюсь, что это опять какие-то эксперименты профессора Руднева. Железки по баночкам вам надоели, так вы теперь на живых людях экспериментируете. Ведь, вы прекрасно знаете, что для таких, как я, жизнь без власти — это не жизнь...

Ему вспомнилось, что, когда таких людей лишали власти, они заболевали какой-то загадочной болезнью и умирали. Словно в них сидел какой-то червь.

Так, Наполеон, сосланный на остров Святой Елены, вдруг превратился в старую жирную бабу и умер в 52 года.

— Ладно, поскольку вы левая рука Господа Бога, черкните записку в каптёрку, чтобы мне хоть выдали мои шнурки и пояс. А то штаны-то спадают. И шапку — чтобы милостыню просить.

А ещё лучше — выдайте мне спецодежду для нищих. Из склада для ваших специалистов, что маскируются под нищих. Да не забудьте мои вставные челюсти — чтобы жевать-то сухие корочки...

Поднимаясь с кресла, бывший начальник тайной полиции СССР угрюмо сказал:

— Максим Алексаныч, в своё время вы проводили специальную анкету и выяснили, что в Советской России, несмотря на всё, нищим дают больше, чем они просят Христа ради, чем если они просят без Христа.

А теперь, красный папа хочет, чтобы бывший слуга сатаны и антихриста, чтобы не сдохнуть с голода, бродил по дорогам России и попрошайничал — Христа ради...

Красный папа милует величайшего злодея России, чтобы он бродил по дорогам России и говорил, что Бог, всё-таки, есть...

* * *

Для руководящих партработников существует специальный информационный бюллетень ЦК партии. Последний номер этого бюллетеня наделал в Москве много шума.

В нём сообщались подробности дела бывшего первого заместителя Председателя Совета Министров, бывшего члена Президиума ЦК партии и бывшего министра внутренних дел СССР Берии Л. П., бывшего, в течение пятнадцати лет, бессменным палачом Сталина.

Затем, сообщались подробности дела бывшего начальника Отдела ЦК партии по агитации и пропаганде — агитпропа, бывшего министра культуры, бывшего директора Института философии Академии наук СССР Александрова Г. Ф., бывшего, при Сталине, главным лжецом Советского Союза.

Помимо обычных, в таких случаях, политических обвинений, на этот раз, в бюллетене было что-то новое. Как главного палача, так и главного лжеца Советского Союза обвиняли в одних и тех же бытовых преступлениях. Причём не совсем обычных. А именно — в растлении малолетних.

Кроме того, бюллетень ЦК ещё раз возвращался к делу еврейских врачей-отравителей, которых арестовали незадолго до смерти Сталина. Вскоре после смерти Сталина, объявили, что это дело было фальсификацией, и всех врачей отпустили.

Теперь же, в бюллетене сообщалось, что этот дутый сионский заговор был делом рук Берии, который, таким образом, хотел выслужиться перед Сталиным.

До этого москвичи считали, что Берия сам еврей. А теперь, вдруг, получается, что он-то и был самым главным антисемитом?!

В связи с этим, в партийных кругах Москвы начались всякие дискуссии.

Про главного лжеца Советского Союза тоже говорили, что он вовсе не Александров и что его девичья фамилия не то Гольдман, не то Сильберман.

Так уж повелось в Кремле после революции: если не еврей, так полуеврей, а если не полуеврей, так женат на еврейке.

А тут, как на грех, известная советская писательница Мариэтта Шагинян решила писать книжку о Ленине — «Семья Ульяновых».

И начала Мариэтта копаться в архивах. И выкопала там, что не только дед Ленина по матери, Александр Зендер Бланк, был евреем-выкрестом, но и его жена мадам Грошопф, — тоже «того»...

Официальная советская иконография выдавала её за немку-лютеранку, которая, якобы, даже говорила по-немецки. Но архивы говорили, что в действительности мадам Грошопф была еврейкой и говорила на идиш.

Значит, мать Ленина была, по крови, чистокровной еврейкой?! Значит, если мать еврейка, то, по еврейским законам, Ленин считается евреем?!

Вэй, вэй! Мариэтте Шагинян поспешно заткнули рот — это, мол, государственная тайна. Но в Москве об этом пронюхали — и пошли всякие разговорчики. Вот тебе и бывший русский дворянин — товарищ Ленин!

Дискуссии в партийных кругах Москвы разгорались всё больше и больше. А возьмите Чичерина — правая рука Ленина и первый министр иностранных дел СССР.

Сначала говорили, что Чичерин — бывший столбовой дворянин. А потом выясняется, что и у него мама тоже еврейка. А раз так, то, по еврейским законам, и он тоже еврей.

А чтобы не было сомнений, Чичерин ещё и женился на еврейке. Кроме того, про него говорили, что он патентованный педераст. Знаете, из тех хитрецов, что без мыла везде пролезут.

Или возьмите Керенского, который открыл двери Ленину. Ведь и у Керенского мама тоже еврейка — Кирбис! Значит, по еврейским законам и он тоже еврей. Вэй, вэй, просто какой-то заговор еврейских мамочек!

Читая бюллетень ЦК, некоторые московские партийцы качали головами. Странно... Даже если исключить тех евреев, которые делали революцию и которые потом перестреляли друг дружку во время Великой Чистки...

Всё равно в Кремле, словно какой-то заколдованный круг... Так или иначе, но почти везде или смешанные браки с евреями, или продукты этих браков, то есть, полуевреи.

И стали люди считать по пальцам: и Ленин... и Сталин... и учитель Ленина — Плеханов... и Керенский... и Чичерин... и Бухарин... и Молотов... и Ворошилов... и все детки Сталина... и Хрущёв... и Брежнев... Что это за странная закономерность?

А тут ещё, некоторые партийцы, кто поумнее, вспоминали про философа-богоискателя Бердяева, которого некоторые заграничные авторитеты считают величайшим русским философом 20 века и которого царский Святейший Синод приговорил к вечной ссылке в Сибирь.

Того самого, странного богоискателя, который проповедовал союз сатаны и антихриста и, в результате — царство князя мира сего. Но, что это такое?!

Словно, чтобы дополнить все эти загадки, бюллетень ЦК партии ещё информировал, что после многолетнего запрета, впервые, за всё время существования советской власти, готовится к печати новое издание «Бесов» Достоевского.

Люди, кто постарше, помнили, что в этой запретной книге, где гениальный Достоевский называет всех революционеров бесами, в той главе, которую и сам Достоевский предпочитал не публиковать, его главный бес — революционер Ставрогин признаётся в том же странном грехе, в котором теперь публично обвиняли главпалача Берию и главлжеца Александрова — в растлении малолетних.

Ясно, что ЦК партии долго раздумывал, пока решил сослаться на авторитет Достоевского. Люди читали бюллетень и недоумевали:

«Говорят, что мы уже построили социализм, а тут этакая чертовщина?! Но, что всё это такое?»

Глава 13. «Все люди — братья»

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Иоанн. 8:32

Девиз на фасаде ЦРУ США

Над Москвой, как облака в небе, проходили большие и малые события. Органы государственной безопасности меняли свое название: МВД — МГБ — КГБ.

Но, 13-й отдел Министерства внутренних дел (МВД) не менял своего названия. Просто потому, что официально это было пустое место.

Философы говорят, что дьявол первым делом старается доказать, что он не существует, что он никто и ничто.

Потому и советская инквизиция, зная формулу дьявола, тоже делала вид, что и она тоже не существует, что и она тоже никто и ничто.

Философы уверяют, что дьявол делает всё в темноте, сзади и наоборот. Точно так же делала и советская инквизиция.

Сидя позади, 13-й отдел управлял всеми остальными двенадцатью отделами МВД — МГБ — КГБ. Да и не только этим. Ведь в Библии говорится, что дьявол — это князь мира сего. А тот, кто надел на этого князя уздечку, тот может управлять многими делами мира сего.

Когда-то, для руководящих работников Министерства иностранных дел СССР, ввели должностные ранги государственного советника 1, 2 и 3 ранга и соответствующую парадную форму с золотыми позументами, нечто вроде статских генералов царского времени.

Но мало кто знал, что потом ввели ещё более старомодный высший ранг — тайного государственного советника, нечто вроде имперского гехеймрата.

Иногда эти тайные советники появлялись в генеральской форме Министерства иностранных дел, но с погонами 13-го отдела МВД и соответствующими значками — то бронзовый щиток, как у военюристов, то змейка, как у медиков, то скрещенные топорики, как у инженеров или пожарников.

И никто толком не знал, с кем воюют эти адвокаты, кого лечат эти медики и что тушат эти пожарники. Обычно, эти тайные советники предпочитали оставаться в тени. Но государственные советники знали, что слово гехеймрата — закон.

В правительственных кругах потихоньку шептали, что хотя вожди в СССР и меняются, но не меняется в Москве один человек — какой-то особый тайный советник советских вождей, который сидит позади советского трона, как красный папа.

Потом, оглядываясь по сторонам, шептали, что этот красный папа иногда разгуливает по Москве то в одежде простого рабочего, то колхозника, а иногда и нищего.

В такие дни красный папа снимает с себя все самые высшие ордена Советского Союза и носит на груди только простенькую медаль «За спасение утопающих».

Даже в наш трезвый век социалистического реализма в мире столько всяких чудес. Но мы их просто не замечаем. Вот возьмите, например, такую чудесную историю.

После смерти Сталина самую головокружительную карьеру в Советском Союзе сделал Дмитрий Шепилов.

До этого почти никому не известный человек, он, вдруг, молниеносно стал членом Центрального Комитета, затем, членом всесильного Президиума ЦК, затем, главным редактором главного органа партии газеты «Правда» и, наконец, министром иностранных дел СССР.

Однако, вскоре министр иностранных дел Шепилов оказался замешанным в деле «антипартийной группы» Молотова и Кагановича, и его головокружительная карьера столь же молниеносно пошла в обратном порядке.

Его исключили из Президиума ЦК, потом из состава ЦК, сняли с должности главного редактора главного органа партии «Правда» и с должности министра иностранных дел СССР.

Вместе с Молотовым и Кагановичем антипартиец Шепилов, вдруг, исчез с московского горизонта.

Дальнейшая карьера Дмитрия Шепилова потом подробнейше описывалась в западной прессе. И даже, со слов такого надёжного источника, как американская разведка.

Подобно многим ответственным работникам, Шепилов болел язвой желудка. Но когда он, по старой памяти, пошёл в кремлевскую больницу, то его направили в больницу для простых смертных.

А в больнице для простых смертных его отправили не в палату для желудочнобольных, а в палату для душевнобольных.

Там его больную душу лечили несколько месяцев, а потом признали его инвалидом и даже с правом на пенсию — 60 рублей в месяц, что равняется заработку чернорабочего.

Вот после этого и скажите, что в Советском Союзе не демократия!

Пока бывший министр иностранных дел СССР сидел в больнице для душевнобольных, его книгу «Внешняя политика СССР» изъяли из обращения и отправили на макулатуру, а его самого лишили чина генерал-майора армии, выкинули из Академии наук СССР и из Большой Советской Энциклопедии.

По данным американской разведки, 13 июля 1959 года антипартиец и пенсионер Шепилов вернулся из сумасшедшего дома в свою московскую квартиру в Ленинском проезде, № 13.

Некоторые тёмные люди избегают числа 13, считая это чёртовой дюжиной. Но антипартиец Шепилов, видимо, считал, как раз, наоборот.

Так или иначе, но вскоре Шепилову для восстановления душевного равновесия предписали ехать на работу в колхоз — копать навоз.

Маршал госбезопасности Руднев держал своё слово. Теперь — опальных членов правительства не расстреливали, как раньше, а применяли толстовский метод «лечения трудом».

Когда бывший министр иностранных дел СССР отказался строить коммунизм собственными руками, то он был окончательно признан душевнобольным и заключён в сумасшедший дом. Первый смертный грех — гордыня и здесь оказалась сильнее разума.

Американская разведка сообщала об этом с таким большим сожалением и сочувствием, словно им очень хотелось бы, чтобы министром иностранных дел СССР был сумасшедший.

Но советская разведка нисколько не удивлялась этому. В мозговом тресте профессора Руднева прекрасно знали, что у начальника американской разведки Аллена Даллеса, хотя его брат сидел министром иностранных дел США, его сын сидел в сумасшедшем доме.

Папа Даллес знал всё и вся в мире, а его сын не узнавал даже собственного отца.

По Москве говорили, что если Шепилов и сумасшедший, то очень и очень хитрый сумасшедший, если он сумел вскарабкаться так быстро и так высоко и никто ничего не видел.

Другие же говорили, что это ничто прекрасно видели столь же прехитрые сталинцы Молотов и Каганович, которые именно поэтому и вытащили Шепилова наверх. Потому-то их всех вместе и вышибли. По-видимому, и на этих хитрецов нашёлся какой-то сверххитрец.

Конечно, с точки зрения высшей социологии, ничего в этом особенно нет. Например, долгое время Рудольф Гесс был правой рукой Гитлера, и ему льстиво жали ручку многие сильные мира сего.

А потом, десятки лет этот же самый Гесс сидел в тюрьме, как военный преступник, ловил воробышков, залетавших к нему в окошко, и официально считался сумасшедшим.

Но если присмотреться внимательно, то среди государственных людей это, как бы, профессиональная болезнь.

Так польский президент Пилсудский в молодости, когда был революционером, тоже сидел в сумасшедшем доме. А позже, когда стал диктатором Польши, то заявил, что он это сумасшествие только симулировал.

Или вот, жил-был в США такой военный министр Форрестол. И это уже во время атомной бомбы. А потом этого самого атомного министра, вдруг, посадили в больницу для душевнобольных, откуда он вскоре выбросился в окошко и убился.

Но в Америке каждый, даже не сумасшедший, знает, что в сумасшедших домах для простых смертных все окна устроены так, что выброситься из них совершено невозможно. Может быть, в сумасшедших домах для не простых смертных окна устроены иначе?

Потому, одни говорили, что Форрестола посадили в сумасшедший дом его политические противники. А другие говорили наоборот — что его выбросили в окошко его политические друзья, как политический балласт.

При этом, вспоминали, что после убийства американского национального героя президента Линкольна, его вдову тоже одно время держали в сумасшедшем доме — чтобы она не болтала слишком много.

Так или иначе, по сравнению с демократическим Форрестолом, который вылетел в окошко, тоталитарному Шепилову ещё очень и очень повезло. Бывший министр иностранных дел СССР просто сидел в сумасшедшем доме и распевал песенку:

Здесь алкого-олики сидят, как кро-олики.
А шизофре-еники все вяжут ве-еники...

Тем временем, подошёл XXII съезд КПСС. В качестве самого сногсшибательного аттракциона на этом съезде, выступила старая большевичка Дора Мазуркина.

Это была, похожая на маринованный гриб, старушенция, хромая и кривобокая, заслуженная революционерка и соратница самого Ленина, которую, в награду за её революционную деятельность, потом больше двадцати лет мариновали в сталинских концлагерях.

Но, даже за колючей проволокой, она, с пеной у рта, проповедовала коммунизм, за что солагерники прозвали её Дора Придуркина.

Даже если б на эстраду съезда Компартии СССР вдруг выпустили стадо голых балерин из парижского кафешантана, то и они не произвели бы такой потрясающей сенсации, как кривобокая старушка Дора.

Как только повивальная бабка русской революции и интимная подруга жены самого Ленина появилась на сцене, съезд Коммунистической партии Союза Советских Социалистических республик вдруг превратился в спиритический сеанс, где запахло чудесами загробного мира.

Дора Мазуркина-Придуркина честно и откровенно призналась высокому съезду, что она частенько беседует с духом великого Ленина и даже получает от товарища Ленина из загробного мира инструкции, что нужно делать, чтобы построить коммунизм.

Не призналась Дора только в одном: что за это вот самое общение с духами, её, в своё время и законопатили в Сибирь, усмотрев в этом антисоветские организации, по статье 58, пункты 10 и 11.

В других странах это был бы невинный кружок всяких чудаков, балующихся спиритизмом. Но в СССР это рассматривалось, как контрреволюционное подполье, где сатана снюхивается с антихристом.

А потом начинается бердяевский союз сатаны и антихриста, где договор подписывается кровью в форме смешанных браков, в расчёте на царство князя мира сего.

Премьер-министр СССР, сидевший в президиуме съезда, наклонился к своему советнику, сидевшему рядом, и тихо, чтобы не слышали другие, сказал:

— У-ух чёртова ведьма... Жаль, что её в свое время сразу не пристрелили.

— Всех нас не перестреляете! — вдруг крикнула Дора хриплым мужским голосом. — Пуль не хватит! Ибо, имя нам — легион!

— Ух про-роклятая, — вздогнул от неожиданности премьер. — Это она мою мысль поймала. Как по радио! Этак она и действительно с духом Ленина переговаривается?!

— Не беспокойтесь, — успокоил премьера советник. — Мы все эти разговорчики подслушиваем. Кстати, знаете, кто эта старая дура?.. Это моя бывшая тёща...

— Ну если так, то откровенность за откровенность. — Премьер улыбнулся, но как-то грустно. — Ведь, моя первая жена тоже была из этих — из марсианок. Ведь, после революции, куда ни плюнь — все такие были.

А я сам-то вышел из свинопасов и ничего этого не понимал. А во время Великой Чистки и мою марсианку тоже подмели... А Сталин заставил меня гопака танцевать. Скажите, Максим Алексаныч, а у вас дети были?

— Была одна дочь. Но она умерла ребёнком.

— Это вам ещё повезло. А у меня хуже — у меня от этой марсианки дочь и сын. Как только дочка выросла и достигла половой зрелости, так и начались всякие странности. На мужчин

не смотрит. А кончилось тем, что она вышла замуж за марсианина.

— Та же самая история, что у детей Сталина, — кивнул советник.

— Да, но мне от этого не легче, — вздохнул премьер. — А когда сын вырос, так вместо того чтобы бегать за женщинами, он бегает за бабочками. Не мужчина, а чёрт знает что... Как Набоков со своей «Лолитой».

А потом, гляжу, к нему уже марсианки подбираются. Сразу учуяли. В общем, и он тоже на марсианке женился. Как волка ни корми, а он всё в лес смотрит. И всё это на старости лет на мою седую голову...

Эх, если б я знал это раньше... Это нужно было бы ввести, как обязательный предмет в последних классах средней школы.

— Но учебника по этому предмету вы не найдёте нигде в мире, — сказал советник. — Ни в одной библиотеке. А если появится, так его сожгут.

Тем временем Дора Мазуркина-Придуркина деловито рапортовала съезду компартии о том, как она общается с астральным миром.

Оказывается, дух товарища Ленина горько жалуется, что ему противно лежать в Мавзолее рядом с мумией Сталина, который сначала пересажал в концлагеря всех настоящих ленинцев, а теперь развалился рядом и — в астральной форме — хамит самому товарищу Ленину.

Из зала задали вопрос:

— А вы дух товарища Сталина вызывали?

— Вызывала, — хриплым басом ответила Дора. — Но он только ругается, как сапожник. Непечатными словами. Хотите послушать?

— Спасибо, — сказали из зала. — Мы вам и так верим. Учитывая серьёзность положения, поскольку Ленин и Сталин даже и мёртвые не уживаются, съезд Компартии СССР решил уважить просьбу духа товарища Ленина и единогласно постановил выкинуть товарища Сталина из Мавзолея.

Когда в зале погасли огни кинопрожекторов и операторы кинохроники стали собирать свою аппаратуру, премьер-министр опять наклонился к своему советнику:

— А знаете, из вас получился бы неплохой кинорежиссер. Инсценировано прямо, как в кино. И даже свою тещу в качестве кинозвезды пристроили. Придётся дать вам какую-нибудь медаль лауреата. Или хотите звание заслуженного деятеля искусств СССР?

Вскоре на Красной площади, рядом с Мавзолеем, появилась новая могила с тяжелой каменной плитой и надписью «Сталин».

Одновременно по Москве поползли слухи, что мумию великого Сталина просто сожгли и выбросили в канализацию: чтобы каждый мог воздать ему по заслугам, по мощам-де и елей.

Да ещё говорили, что под плитой с именем Сталина похоронили прах неизвестного концлагерника: если кто захочет поклониться Сталину, то пусть кланяется не ему, а этому концлагернику.

Но самое удивительное было то, что слухи эти исходили откуда-то сверху.

Москвичи удивлялись:

— Эх, как будто кто-то ходит по городу и подслушивает наши мысли и чувства.

— А может, это он ходит?

— Кто?

— Ну, сами знаете кто... Красный папа...

После смерти Сталина его сын генерал-лейтенант Василий Сталин куда-то бесследно исчез. Одни говорили, что он сидит в изоляторе для неизлечимых алкоголиков, другие — что он в психиатрической лечебнице, а третьи уверяли, что и то и другое находится под одной крышей.

Потом Василий Сталин умер. Одни говорили, что он покончил самоубийством, другие — что он погиб от отравления алкоголем, а третьи уверяли, что это то же самое — что он просто покончил самоубийством при помощи алкоголя.

При этом, вспоминали, что жена Сталина и мать Василия тоже вроде покончила самоубийством и что второй сын Сталина —

Яков, будучи ещё подростком, тоже пытался покончить жизнь самоубийством.

Конечно, если присмотреться внимательно, с точки зрения высшей социологии, то всё это — обычное явление в семьях необычных людей.

Так вот, пока в Москве гадали о судьбе Василия Сталина, одна из дочерей сэра Уинстона Черчилля, Сара, была в судебном порядке объявлена неизлечимой алкоголичкой и заключена в психиатрическую лечебницу.

Тем временем, вторая дочь Черчилля, Диана, работала в благотворительной организации, которая отговаривала людей от самоубийства. А потом Диане всё это так надоело, что она взяла и сама покончила самоубийством.

Зато, дочь Сталина Светлана поступила гораздо проще. Ей так надоел коммунизм, который строил её папа, что она взяла и сбежала к капиталистам.

А капиталисты, уничтожению которых её папа посвятил всю свою жизнь, так этому обрадовались, что встретили её, как любезную сестричку.

При помощи американской разведки, Светлана, первым делом, отправилась не куда-нибудь, а в Швейцарию, которая, помимо швейцарского сыра, славится ещё тайными номерными счетами в банках, где держат свои трудовые сбережения американские гангстеры и диктаторы со всего мира.

Потом американские разведчики, как опытные гангстеры, помогли Светлане открыть в княжестве Лихтенштейн банковский счёт — маленький трюк, чтобы не платить американские налоги, в том числе и налоги на полученное наследство.

Затем американская пресса подняла крик, что Светлана привезла с собой — видимо, под юбкой — свои мемуары, за которые ей уже наобещали миллионы. Так в Америке появилась ещё одна богатая невеста.

Коммунисты кричали вслед, что новая принцесса долларов просто душевнобольная психопатка, которая побросала в Москве кучу мужей и детей.

А капиталисты, как любезные братцы, кричали наоборот — что она, мол, недавно окрестилась в христианскую веру и потому

она-де почти святая. И никто ничего не понимал, кто же она такая: святая грешница или грешная святая?

Конечно, с точки зрения диалектического христианства, всё это очень просто. Для этого нужно только знать, почему в Библии написано: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их».

Да ещё нужно знать, почему библейское древо познания называется древом познания добра и зла.

И почему это древо запретное. И что это за ключи познания, о которых говорится в Библии. И почему некоторые знающие люди говорят, что эти ключи — отравленные.

* * *

В процессе десталинизации, мозговой трест профессора Руднева переименовали в Научно-исследовательский институт — НИИ-13. Кроме того, попутно с НИИ-13, создали ещё Институт высшей социологии при Академии наук СССР.

Когда-то в СССР существовал Институт красной профессуры, где после революции спешно пекли новые красные кадры.

Теперь же, высшие кадры партии и правительства СССР шлифовали в новом Институте высшей социологии. Но это учебное заведение было строжайше засекречено.

А у всех профессоров из-под белых халатов, как хвост у черта, выглядывала форма 13-го отдела МВД, или НИИ-13.

Потому, неофициально, по аналогии с бывшим Институтом красной профессуры, это новое заведение вскоре стали называть Институтом чёрной профессуры.

А послушав эту высшую социологию, слушатели вскоре сами переименовали её в черную социологию.

В лекционных залах сидели специально отобранные руководители партии и правительства СССР, члены Верховного Совета, министры, генералы атомных войск и адмиралы атомных флотилий.

Некоторые из них жаловались, что на старости лет, в генеральских чинах, — и опять учиться. Но, послушав несколько

лекций, они уже больше не жаловались.

Другие ворчали, что проверка и отбор на эти курсы слишком уж строгие, что когда проверяют на сифилис, то берут одну пробу крови, а здесь брали несколько проб крови. Да ещё, проверяли всех родственников, не только живых, но и мёртвых.

Казалось, что проверяли на какую-то болезнь, которая гораздо хуже сифилиса.

Но эти жалобы прекратились после того, как один из слушателей, заслуженный генерал, вдруг, застрелил свою жену и троих детей, а потом сам застрелился, оставив таинственную записку: «С ними я жить больше не могу. И без них не могу. Лучше бы я этого не знал!»

Высшая социология начиналась с краткого обзора религиозных культов.

Как рождались и умирали общественные формации, государства и религии; как, на закате некоторых древних цивилизаций, появлялись странные фаллические культы; как погибла блистательная Эллада, как пал гордый Рим, как, на обломках языческой Римской империи, выросла новая религия — христианство.

Затем, профессора переходили к Библии и, пользуясь марксистским методом диалектического материализма, расшифровывали библейские ключи познания.

Поскольку Бог живёт на небе, а дьявол на земле и поскольку в Библии говорится, что дьявол — это князь мира сего, то специалисты Научно-исследовательского института — НИИ-13, не теряя времени, брали этого дьявола за рога.

Оказывается, с точки зрения диалектического христианства, дьявол — это просто комплексная социальная болезнь, которая называется вырождением или дегенерацией.

И этот дегенеративный дьявол состоит их трёх частей: душевных болезней, половых извращений и некоторых физических деформаций организма. Только и всего. Так просто.

Однако, это биологическое вырождение играло очень существенную роль в процессе упадка и гибели Древней Греции и Рима.

Учитывая это, христианство, возникшее на развалинах Рима и Греции, в средние века стало просто жечь дегенератов на кострах, называя их ведьмами и колдунами.

В подтверждение этого, профессора советской инквизиции читали протоколы средневековой инквизиции. Некоторые члены советского правительства сидели за партами и позевывали. Или чертили чёртиков в своих тетрадках.

— Кстати, — сказал генерал-профессор Добронравов, — с точки зрения высшей социологии, точно такими же дегенератами были Карл Маркс, Ленин, Троцкий, Сталин и Гитлер. В доброе старое время, они просто попали бы на костёр инквизиции.

После такого богохульства, зевание в зале прекратилось. Слушатели ошеломлённо качали головами и ждали, что же будет дальше.

А дальше шёл комплекс власти, который создаёт то, что называется прирождённым вождём, начиная от негритянских колдунов и сибирских шаманов и кончая Лениным, Сталиным и Гитлером.

Когда западные учёные-социологи занялись обследованием негритянских колдунов, то обнаружилась странная вещь.

Большинство этих колдунов, с одной стороны, с клинической точки зрения, были тем, что в культурных странах называется психопатами, психотиками или невротиками, то есть, душевнобольными.

С другой стороны, с точки зрения секса, у большинства из них были половые извращения. То есть, большинство из них были типичными дегенератами.

И, вместе с тем, в условиях примитивного негритянского общества, так сказать, в наиболее естественных условиях примитивной демократии, эти дегенераты, по каким-то таинственным причинам, стали колдунами, жрецами или вождями своего общества. Но, почему?

Когда русские учёные, ещё до революции, подобным же образом обследовали сибирских шаманов, то и там обнаружили то же самое странное явление.

Большинство сибирских шаманов были такими же припадочными психопатами, психотиками, невротиками и сексуальными

извращенцами, как и негритянские колдуны.

Совершенно в разных частях света — и то же самое явление. Значит, это какая-то закономерность. Но, какая?

Чтобы выяснить эту загадку, к шаманам отправили специальную экспедицию 13-го отдела НКВД. Конечно, НКВД было совершеннейше наплевать и на сибирских шаманов, и на негритянских колдунов.

Но, их интересовала более практическая задача: а не распространяется ли эта странная закономерность и на вождей современного цивилизованного мира?

Здесь, чтобы связать концы с концами, специалисты из НИИ-13 переходили в другую область — в область сексуальной психопатологии.

Ключ к комплексу власти был запрятан в тёмном закоулке, куда мало кто заглядывает, в том грязном и мрачном закоулке, который называется садизмом.

Говоря о садизме, большинство учёных авторитетов приходят к заключению, что психологическим корнем садизма является воля к власти, то есть, болезненная, патологическая потребность доминировать, командовать, властвовать.

А когда имеешь власть, то для такого садиста уже сами собой открываются перспективы помучить других не только психически, но и физически.

— Например, — сказал генерал психопатологии Карпов, — под предлогом насильственной коллективизации и индустриализации. Это называется сублимацией садизма в политике.

Философы частенько называют дьявола двуликим, так как здесь сходятся две экстремы: гениальный ум и безумие, садизм и мазохизм, убийство и самоубийство. И если рассматривать дегенерацию, как древо зла, то древо это — страшно запутанное.

Например, садизм создаёт комплекс власти, который нередко и приводит к власти. Но садизм является только одной из веточек этого древа зла.

Обычно садизм, так или иначе, ещё связан с гомосексуальностью — полной или частичной, открытой или скрытой, латентной или

подавленной. Это, своего рода, плата за власть, за славу и величие.

И всё здесь очень и очень обманчиво. Например, вы, естественно, подумаете, что хуже всего — это полная и открытая гомосексуальность. А на самом деле, как раз наоборот.

Наибольшее количество душевных болезней и в наиболее острой форме даёт скрытая, частичная или подавленная гомосексуальность.

Кроме того, на одного честного открытого педераста приходится десять скрытых, частичных или подавленных педерастов.

И именно эта туманная категория даёт наибольшее число психопатов, которые становятся профессиональными революционерами, анархистами, нигилистами, террористами, экстремистами, коммунистами или нацистами и, в случае успеха, диктаторами, вождями, премьерами или президентами.

— Потому, философы и говорят, — сказал профессор Топтыгин, — что дьявол опасен не тогда, когда он появляется и пугает нас, а тогда, когда мы его не видим. Зарубите себе эту формулу на носу. И подчеркните это в ваших конспектах, которые вы называете «Красное евангелие».

Вслед за расшифровкой формулы власти, шёл курс, который так и назывался: «Древо зла». Генерал-профессор Быков повесил большую карту, на которой действительно было изображено что-то вроде засохшего дерева с массой разветвлений, веточек, сучков и загогулинок.

— Как видите, — профессор ткнул указкой, — корнями этого древа зла является кровосмешение, то есть, преувеличенная, болезненная любовь между родственниками, которая сначала создаёт болезненную привязанность, психологическую фиксацию, а в крайних случаях, доходит и до прямой половой связи.

Заметьте, как с самого начала дьявол дегенерации прячется за самыми, казалось бы, благородными человеческими чувствами, доводя их до абсурдной экстремы. Уже и здесь дьявол — это экстремист.

В Древнем Египте, браки между родственниками были обычным явлением в семьях фараонов. В наше время, подобного рода

фараоновы браки, на кузенах, были у Альберта Эйнштейна и президента Франклина Рузвельта.

Матери Эйнштейна и его второй жены Эльзы были родными сестрами, а их отцы — двоюродными братьями. От этого брака детей не было. А сын Эйнштейна от первого брака, Эдуард, уже побывал в сумасшедшем доме.

Но продуктом подобного же фараонова брака был ещё некий Адольф Гитлер.

Отец Гитлера женился на дочери своей двоюродной сестры, то есть, родители Гитлера были родственниками третьей степени. А результаты этого, вы и сами знаете.

Потому, зная эти корни зла, Православная церковь и запрещала браки между родственниками, вплоть до седьмой степени родства.

При браках между родственниками, благодаря многократному наслоению одинаковых генетических характеристик, рождаются дети, у которых переразвиты одни характеристики, но, за этот счёт, недоразвиты другие характеристики.

В результате этого, получаются душевно неуравновешенные люди, а, в конечном итоге, — гении или идиоты. Или, что ещё хуже, гениальные безумцы вроде Гитлера.

А потом, безумный Гитлер начинает охотиться за гениальным Эйнштейном, за голову которого Гитлер назначил даже специальный приз в 20.000 марок.

Проанализировав корни древа зла, профессор перешёл к стволу этого древа. Этим стволом являлась гомосексуальность во всех её видах: открытая и скрытая, полная или частичная, латентная или подавленная, активная или пассивная, мужская и женская.

То, что когда-то называлось дьяволами инкубом и суккубом, которые превращают мужчин в женщин, а женщин в мужчин.

А в ветвях этого древа зла расселись всякие другие бесы, которых, в наше время, называют просто нервными, душевными или психическими болезнями: паранойя, мания величия, мания преследования, шизофрения, или расщепление личности, маниакальные депрессии, эгоцентризм и эгомания, нарциссизм, комплекс саморазрушения, комплекс кастрации, эпилепсия, истерия, ипохондрия, алкоголизм, наркомания, нимфомания,

сатириаз, или комплекс донжуана, садизм, мазохизм, садомазохизм, фетишизм, войеризм, вампиризм, каннибализм, эксгибиционизм, копрофилия, уринофилия, комплекс Лолиты, ротовой эротизм, куннилингус и феллацио, трансвестизм, гермафродитизм, нервные параличи, дегенеративное старческое слабоумие, клептомания, клострофобия и агорафобия, скотоложство и труположство и так далее прочее.

Чего тут только не было! Всё, вплоть до проституции и порнографии, мужской импотенции и женской холодности, которые, в большинстве случаев, тоже являются не просто так, а, своего рода, болезненными психозами.

Вот потому-то и говорят: был бы человек, а статья найдётся.

— Если рассматривать дегенерацию, как единое целое, — продолжал профессор Быков, — то это представляет собой, как бы, старение и отмирание целой социальной группы, класса или нации.

И наилучшим лекарством против дегенерации является примесь свежей крови, когда различные классы или соседние народы и нации живут в мире и дружбе, женятся и мешают свою кровь.

Потому, один из основных постулатов христианства — «Все люди — братья!»

Потому, апостолы коммунизма, большинство которых было явными дегенератами, чувствуя это на собственной шкуре, тоже выбросили сходный лозунг — о бесклассовом обществе.

Но каким путём? Путем классовой резни! И здесь мы подходим к проблеме антихриста.

Что же это такое — антихрист или антихристианство? Это антитеза к постулату «Все люди — братья!»

Примером этому является Гитлер и его теория высшей расы, с нюрнбергскими расовыми законами, с запрещением смешанных браков с иностранцами и так далее.

Но здесь логически напрашивается маленький вопрос, — при этом, профессор слегка поморщился, — изобрёл ли Гитлер эту теорию высшей расы сам, или он её просто позаимствовал?

А если он её просто позаимствовал, то у кого? И по кому эта теория в первую очередь ударила? Кстати, в полном соответствии

с марксистским законом о единстве и борьбе противоположностей.

Это — один из многих парадоксов высшей социологии. Предупреждаю, что эти вопросы будут на экзамене. Так что шевелите мозгами. Приучайтесь думать самостоятельно.

После этого, начались практические упражнения.

Слушателям раздали индивидуальные задания и предоставили в их распоряжение специальную библиотеку, где были собраны со всего мира биографические данные о Карле Марксе, Ленине, Троцком, Сталине, Гитлере и прочих великих мира сего.

Затем, шли семинары, где слушатели читали перед аудиторией результаты своих исследований.

В результате, некоторые члены советского правительства предложили, что после Сталина из Мавзолея не мешало бы выбросить и самого Ленина.

— Не горячитесь, — успокаивали профессора. — Мёртвый лев нам не страшен. Кроме того, если идти по этому пути, то придётся повыбрасывать из гробниц почти всех великих людей. Потому-то, эту штуку и называют — князь мира сего.

Параллельно с этим, шёл курс, где расшифровывали ещё один библейский ключ познания — насчёт легиона.

В расписании занятий этот курс так и назывался: «Легион», и целевой установкой этого курса являлось определение численности этого легиона. В результате этого, появились новые научные термины — легионизация и легионеры.

С этой целью, специалисты 13-го отдела брали статистику американского доктора Кинси, которая принята, как стандартный справочник на эту тему не только в западном мире, но и в СССР.

В сложном комплексе дегенерации или легионизации наиболее очевидным компонентом, который, более или менее, легко подсчитать, является гомосексуальность, которая представляет собой, как бы, ствол этого древа зла.

Как раз этим и занималась статистика доктора Кинси.

Оказывается, что в хорошем цивилизованном обществе, каковым являются США, 37 процентов населения, в большей или меньшей

мере, в той или иной форме, уже ощущали гомосексуальность. То есть, 74 миллиона человек на 200 миллионов населения.

А ведь, действительно получается, что имя им легион! Из этого легиона только 4 процента были честными, полными и открытыми гомосексуалистами.

А остальные 33 процента, то есть, 66 миллионов человек, занимались этим самым потихоньку, частично или по совместительству: 5 лет, 3 года, 1 год или один раз, или даже только мечтали об этом во сне — но, вплоть до оргазма.

То есть, на одного явного легионера — чуть не 10 тайных легионеров.

Но вся соль в том, что половые извращения, в данном случае гомосексуальность, являются только одной частью комплекса легионизации. А второй частью являются психические болезни.

По этому поводу, американская Объединенная комиссия по обследованию душевных болезней в США, говорит, что каждый четвёртый американец переживает серьёзную душевную проблему и не может обойтись без немедленной медицинской помощи.

Последующая статистика говорит, что 18,5 процента американцев, то есть, 37 миллионов человек, являются явно душевнобольными. А остальные — бегают по улицам.

Генерал-профессор Добронравов подвёл итог:

— Итак, 37 процентов легионеров и 18,5 процента душевнобольных. Ровно половина. То есть, условно, каждый второй легионер, помимо гомосексуальности, ещё и душевнобольной.

Это — схематически, чтобы вы поняли взаимосвязь. А в действительности, всё это гораздо сложней. И комбинаций здесь, как в калейдоскопе.

Кроме того, это средние цифры по всему населению США, включая все классы населения. А легионизация распределяется не поровну, а прямо пропорционально социальному уровню: чем выше — тем больше.

Например, каждый психиатр знает, что наибольшее количество душевных болезней даёт интеллигенция. Потому, некоторые

философы говорят, что высший ум где-то соприкасается с безумием.

Хорошо, если по всей Америке легионеров 37 процентов, то сколько же их среди интеллигенции? Соответствующая статистика говорит, что больше 50 процентов.

Мы же, для упрощения бухгалтерии, считаем, что ровно половина. Как любил говорить гражданин Троцкий: «Рыба с головы воняет».

Зная это, вы поймёте одну из загадок советской революции. Ведь, самым революционным классом в России была левая интеллигенция, которую так и называли — орден российской интеллигенции. А под этим орденом подразумевался этот самый легион.

С точки зрения высшей социологии, это было, как бы, массовое самоубийство больного класса. Вспомните библейскую притчу про легион и стадо свиней, которые бросаются со скалы в море и погибают.

Как вы знаете, рассадником революционного движения в России было студенчество. А сейчас по всему миру, особенно в Америке, идёт целая эпидемия студенческих бунтов.

Почему именно студенты? А причина — та же самая: ведь, это — будущая интеллигенция, где 50 процентов легионеров.

Кроме того, здесь играет роль ещё возраст. В студенческом возрасте, 18-25 лет, половой инстинкт проявляет себя сильнее всего — и связанные с ним психозы тоже.

Вот и вся загадка этих иррациональных студенческих бунтов. Раньше говорили — моча в голову шибает, а теперь говорят — гормоны.

Теперь, займёмся модерной философией. Один из апостолов философии экзистенциализма — Кьеркегор говорит, что в наше время, дьявол поселился в печатной краске. Что это такое? Он такой умный, такой философ, а мы такие дураки? Ну, кто знает — поднимите руку!

Но аудитория смущённо молчала. Потом кто-то сказал: А, ч-чёрт его знает...

— Совершенно правильно, — кивнул генерал-профессор. — Чёрт! Если 50 процентов интеллигенции, так или иначе, путаются с чёртом, то как же обстоит дело с литераторами, поэтами и писателями?

Испокон веков их называют властелинами человеческих душ. А мы называем их инженерами человеческих душ. И от них ожидается, что их интеллигентность должна быть выше уровня среднего интеллигента.

Но, прямо пропорционально интеллигентности, растёт и легионизация. И соответствующая статистика говорит, что среди литераторов легионеров уже не 50 процентов, а больше 75 процентов.

Мы же, для упрощения бухгалтерии, считаем, что ровно 75 процентов, то есть, 3 из 4, уже имеют всякие проблемы по линии доктора Кинси, Фрейда и так далее.

Всё это прекрасно знают такие специалисты, как горбатый философ Кьеркегор. Потому он и философствует, что в наше время дьявол поселился в печатной краске.

Ему вторит нобелевский лауреат и педераст Андре Жид, говоря, что нет книги, написанной без помощи дьявола.

Потому-то знаменитый философ Платон, для построения коммунистического общества, ставил такое обязательное условие: изгнать всех поэтов за границы этого государства.

Потому-то, во время Великой Чистки, Сталин и загнал в Сибирь чуть не половину Союза советских писателей.

Кстати, запишите, что экзистенциализм — это философия и литература легионеров, или, выражаясь более культурно, декадентщина. И то же самое с так называемой модерной живописью — это просто мазня легионеров.

Видите, как всё это просто. Если иметь библейские ключи познания. Мы из вас здесь таких философов сделаем, таких академиков, что и сами себя не узнаете.

Пока же зарубите себе на носу эти три цифры: 37 процентов в среднем, 50 процентов для интеллигенции и 75 процентов для литераторов, поэтов и писателей.

В высшей социологии это нужно помнить, как таблицу умножения: 37 процентов — 50 процентов — 75 процентов. Это для такой страны, как США.

Но эти коэффициенты меняются, в зависимости от уровня культуры и цивилизации данной страны или нации. И от других причин.

Например, в СССР, в результате революции, эти коэффициенты ниже. А в Древней Греции и Риме, в период распада, эти коэффициенты были, вероятно, ещё выше, чем в США. Есть какие-нибудь вопросы?

Из аудитории раздался жалобный голос:

— Товарищ профессор, вот вы говорите, что 75 процентов литераторов того... А как насчет преподавателей литературы? У меня, знаете, жена — преподаватель литературы. И вы меня так напугали...

— Ну, давайте посмотрим, — улыбнулся профессор. — Что такое литературный критик? Это неудавшийся писатель. А что такое преподаватель литературы? Это неудавшийся литературный критик. Так что дистанция порядочная, и, я думаю, что вам бояться нечего.

Так проходил месяц за месяцем. Постепенно, в советском лексиконе рождались новые слова. Раньше были лишенцы и выдвиженцы, а теперь появились вырожденцы и извращенцы.

Вслед за коллективизацией — легионизация, а вслед за милиционерами — легионеры. Раньше были врачи-венерологи, а теперь появились врачи-дегенерологи. И болезни эти были куда хуже, чем сифилис.

Переходя от теории к практике, профессора высшей социологии анализировали возможности перенаселения земного шара, атомной войны, взаимного истребления белой расы, жёлтую опасность и чёрную опасность.

А не для того ли и появилась атомная бомба, как гиря на весах какого-то высшего равновесия? Не хватает только безумца-легионера, который бы начал эту войну и которого другие легионеры потом, как обычно, назовут гением.

Но ведь, эта атомная война будет похуже того, что описывается в Апокалипсисе!

За партами сидели руководители партии и правительства СССР, министры, маршалы, члены Верховного Совета, генералы атомных войск и адмиралы атомных флотилий.

Они слушали всё это и мрачно хмурились, черкая в своих конспектах, которые получили прозвище «Красное евангелие».

Они были свидетелями того, как рухнул и превратился в ничто культ обожествления Сталина. Теперь же, вместо набившего всем им оскомину марксизма-ленинизма, приходило что-то новое и, вместе с тем, что-то очень старое, большое и важное.

Что-то тайное, но одновременно что-то знакомое, простое и логичное! То самое, чему люди, их отцы, деды и прадеды, верили уже тысячи лет: Бог и дьявол — ключи добра и зла, ума и безумия, жизни и смерти.

Говоря о революциях, профессора Научно-исследовательского института — НИИ-13 скептически качали головами.

— Н-да, разбудили мы китайского дракона, а теперь он кусает нас за бок. Сначала они клянчили у нас оружие и деньги, а теперь угрожают отнять у нас Сибирь. И получается Чингисхан с атомной бомбой.

Кстати, в западной прессе пишут, что на конференции китайского политбюро в Лушане, Мао открыто признал, что один из его сыновей погиб в Корее, а второй сын сошёл с ума и сидит в сумасшедшем доме.

— Потому в Библии и говорится: узнаете их по плодам их. И недаром в американской прессе пишут, что, по данным американской разведки, Мао, в определённой мере, тоже сумасшедший.

Маленькая деталь: Мао не только профессиональный революционер, но и поэт. А рядом там, ещё один такой же поэт: Хо Ши Мин. А теперь, вспомните про 75 процентов.

— Подобно нашей истории с Мао, такая же история у американцев с Кастро. Ведь, американцы, то есть, их пресса и госдепартамент, были первые, кто помогал Кастро захватить власть на Кубе.

А теперь, они стыдятся об этом вспоминать. Надеются, что у людей память короткая. Но у нас, память длинная.

А потом, из-за этого самого Кастро, кричат о возможности атомной войны между СССР и США. А потом, этот же самый Кастро, начинает флиртовать с китайским Мао.

— В своё время, в американской прессе писали, что брат Фиделя Кастро, Рауль Кастро, военный министр Кубы, кстати, с волосами до плеч — это совершенно открытый педераст и садист, собственноручно занимающийся расстрелами. А теперь, вспомните про связь между садизмом и комплексом власти.

— Но, при этом, возникает вопрос: а не потому ли братишки из американской прессы и госдепартамента, в своё время, так поддерживали братишек Кастро?

Ведь, этот легион — это партия партий и союз союзов. И они друг дружку по воздуху чуют. И чувство партийной принадлежности, чувство солидарности у легионеров гораздо сильней, чем у членов компартии.

Знаете лозунг «Один — за всех, все — за одного»? Ведь, первоначально этот лозунг был выдуман легионерами, и он применяется ими по сей день.

Но, поскольку дьявол — первый экстремист, то частенько здесь получается и обратная экстрема. Потому, теперь в американской прессе с разочарованием констатируют, что, после революции, Кастро открыл на Кубе специальные концлагеря для гомосексуалистов.

Просто Кастро знает, откуда ему нужно ожидать очередных революционеров. Вот и разберись во всём этом. Так или иначе, но революция и революционеры — это штука скользкая и опасная.

Следующий курс назывался «Диалектическое христианство». Здесь профессора предостерегали, что дьявол легионизации — это страшнющий хитрец и путаник, что большинство легионеров вовсе уж и не такие плохие, многие даже хорошие, а некоторые даже праведники и святые.

Ведь и Иисуса Христа дьявол тоже искушал, да не искусил! И только меньшинство легионеров — настоящие грешники.

Но дело в том, что на счёт этого грешного меньшинства, приходится большинство всех зол и бед рода человеческого, начиная от самых простых разводов мужа с женой и кончая самыми страшными болезнями, пороками и преступлениями,

уголовными и политическими, вплоть до всемирных войн и революций, как в случае Ленина, Гитлера и Сталина.

Потому-то, в Библии этого дьявола и называют — враг рода человеческого.

— Учитывая всё это, с точки зрения диалектического христианства, никто не отвечает за то, каким он родился. За это отвечают его родители. А сам он отвечает только за свои поступки.

Причём, линия раздела между праведниками и грешниками идёт не по области плоти, а по области духа. Это граница не биологическая, а духовная, и проходит она внутри легиона.

И вот тут-то мы и подходим к проблеме религии, к проблеме спасения души.

Но, если, несмотря на все, столь либеральные уступки, данный легионер, всё-таки, грешит, например, бунтует против советской власти, то...

Здесь, генерал-профессор Курощупов, он же председатель Комитета по делам религии при совете Министров СССР, многозначительно погрозил пальцем:

— То, за эти грехи, данный грешник будет отвечать не только на небе перед Богом, но и на земле — перед 13-м отделом Министерства внутренних дел СССР.

Потом генерал-профессор пожал плечами:

— А куда же мы пришли? Да просто к современной психологии! Достоевский, Фрейд, Кинси, экзистенциализм, модернизм. И даже немножко дальше... И немножко глубже...

Потом, пошли курсы такие трудные, что о них даже трудно говорить. Например, теория Христа и антихриста. Или теория марсиан, которые, как бы, пытаются захватить власть на земле.

В высшей математике есть интегралы и дифференциалы — такие теоретические штучки, с помощью которых можно решать многие практические задачки. А в высшей социологии эту роль играют Христос и антихрист.

Например, с точки зрения диалектического христианства, антихрист — это просто гитлеровский нацизм в превосходной

степени, возведённый в степень религии.

А, с точки зрения высшей социологии, — это главный поставщик дегенерации, то есть, придворный поставщик князя мира сего. Но это вещи такие сложные и секретные, что уж лучше о них и не говорить.

С самого начала слушателям Института чёрной профессуры строжайше запрещалось выносить свои записки из здания института. Для этого у каждого имелся свой стол для занятий с ящиками и замками.

Кроме того, содержание лекций раздавали в форме отпечатанных конспектов, которые потом подшивались в специальную красную папку со штемпелем «Особо секретно». Эту-то красную папку слушатели и называли «Красное евангелие».

Профессора советской инквизиции постоянно подчёркивали, что легион — это вещь парадоксальная, что всяких комбинаций там больше, чем в шахматах, и что без легионеров жизнь была бы чрезвычайно скучная и нудная.

Представьте себе — без убийств и самоубийств, без войн и революций и даже без разводов мужа с женой.

Жизнь была бы такая пустая, серая и однообразная, как в том раю, что на картинах Босха, а бедным писателям-бумагомарателям не было бы даже о чём и писать.

Но, поскольку дьявол, с одной стороны, князь мира сего, а с другой стороны, он лжец и отец лжи, то писателям нужно ещё учитывать следующее.

Скажешь о легионе правду, и распнут тебя, как Иисуса Христа.

Но зато, если сделаешь то, что, с теологической точки зрения, называется *osculum infame*, то есть, поцелуешь дьявола в зад, то невидимый легион превознесёт тебя до небес.

Так, как это получилось с Пастернаком и Евтушенко. Вот, писатель, и выбирай.

Потому, оставим лучше дьявола в покое и поговорим о чём-нибудь другом. Поговорим лучше о людях. И вы увидите, что не так страшен чёрт, как его малюют.

* * *

После смерти Сталина и ликвидации Берии, частично распустили заключённых из концлагерей и специзоляторов.

Многие из жертв Великой Чистки были сосланы без права переписки, и их давно уже считали мёртвыми. Теперь же, эти живые трупы, вдруг, стали возвращаться в Москву.

Таким образом, воскресли из мёртвых героиня революции Зинаида Генриховна Орбели, полукняжна и полумарсианка, а также и её хромоногий братец — полугерой Перекопа.

Они тихо поселились в Березовке, дачном поселке недалеко от Москвы, и жили на маленькую пенсию.

Бывший герой Перекопа теперь уже совсем седой. Все дни он проводит на крылечке, греет на солнышке свои старые кости и обиженно молчит.

Только иногда, когда приходят старые приятели по сибирской ссылке, бывший герой оживляется и, размахивая руками, в сотый раз повторяет, что пострадал он совершенно невинно, просто потому, что у него был любовный роман с женой одного сотрудника НКВД.

А когда тот об этом узнал, то жену свою застрелил, а его, героя Перекопа, вместе с сестрой загнал в Сибирь.

Зинаида Генриховна, наоборот, почти не выходит из своей комнаты и даже запирает дверь изнутри на крючок, словно она всё время чего-то боится.

Герой Перекопа говорит, что такая склонность к уединению появилась у неё, в результате многолетнего заключения в специзоляторах.

Эта изоляция на неё так подействовала, что она, бедненькая, потеряла контакт с окружающей средой и теперь сама изолируется.

Чтобы восстановить утерянное душевное равновесие, Зинаида Генриховна, бывшая воспитанница Смольного института благородных девиц и бывший генерал ЧК-ГПУ-НКВД, теперь сидит и пишет книгу о несправедливостях Великой Чистки, где Сталин уничтожал самых лучших, самых настоящих революционеров. Такую книгу, что люди будут читать и плакать.

А полугерой Перекопа сидит на крылечке и грозится, что если эту книжку не напечатают в Советском Союзе, то он, как Пастернак, перешлёт её для опубликования за границу, где у него найдутся собратья, хорошие люди, которые любят свободу и правду.

Но не все такие хорошие люди. Говорят, что больше всего нужно опасаться твоих хороших друзей, которые потом сплетничают за твоей спиной. Так вот было и с полугероем Перекопа.

Его лучшими друзьями были два сибиряка, которые долго работали вместе с ним на кирпичном заводе, где они даже получили соответствующие справки, что они каменщики 3-го и 4-го разряда. А потом эти друзья сидят и сплетничают:

— А за что этот герой, собственно, сидел? — говорит каменщик 3-го разряда.

— По делу «Голубой звезды», — говорит каменщик 4-го разряда. — Знаешь, часть из них в 22 году повысылали за границу. А остальных подмели во время Великой Чистки.

А потом начинались такие вещи, которые действительно можно отпечатать только за границей.

— Слушай, этот герой рассказывал басни, что какая-то царица якобы умерла под жеребцом. А потом он трепался, что и он тоже был такой сверхмужчина, что обычные женщины его не удовлетворяли. Когда он был героем Перекопа, так у него была белая кобыла. И он божился, что он эту белую кобылу того...

— Знаю. А после белой кобылы у него был мотоцикл. А когда он выпьет, так говорит, что он и этот мотоцикл тоже того... А на самом деле он импотент и шизофреник — сам не знает, где правда, а где ложь. Кроме того, у него ещё мания величия.

— А кем он был раньше?

— Сначала был в школе для дефективных детей. Потом был дамским парикмахером. И сам он тоже был немножко дамочкой. Левый мальчик. Потом у него ещё был романчик с собственной сестрицей.

— Погоди, как же так, если он импотент?!

— Ах, как, как? Очень просто! По-французски.

— А почему же он всегда твердит про роман с женой какого-то сотрудника НКВД?

— Роман был. Только не у него, а у его сестрицы — Зинаиды Генриховны. Обычная история. Брат был в душе бабой, а сестра была в душе мужчиной. Всё наоборот.

Он — в школе для дефективных, а она — смолянка, красавица и умница, из столбового дворянства. Кисейная барышня — и садистка. Зачитывалась романами Чарской — и пошла работать в ЧК. Советская Жанна д'Арк.

Хотя, её и тянуло к бабам, но она с этим боролась... Пока не повстречалась с некоей Ольгой, женой одного из её сотрудников по НКВД.

— Ага, всё ясно. И она эту жену, значит, того... соблазнила.

— Нет, нет. Как раз наоборот. Эта Ольга была настоящая змея. Двуполая, двурушница, оппортунистка. И она соблазнила даже эту Жанну д'Арк.

Для Ольги это была только очередная забава. А для генерала НКВД Зинаиды Генриховны это была настоящая большая любовь — в первый и последний раз в её жизни. Как в романах Чарской. Только конец другой.

— А что было потом?

— Потом Ольга спуталась с какой-то другой бабой. Некоторые даже говорят, что она спуталась с женой самого Сталина (См. книгу «Мемуары Литвинова» с предисловием профессора Карра и генерала Беделл Смита, изд. Морроу, Нью-Йорк). А бедная Жанна д'Арк не выдержала этой измены.

Она застрелила Ольгу из пистолета её мужа. И обставила всё так, чтобы это выглядело, как самоубийство. Но потом это дело как-то раскрыли, и Зиночку подмели за убийство. Кстати, обе они были полукровки...

— Какие полукровки?

— Ну, сам знаешь, какие... Те самые... Потом пошли такие детали, такие всякие подробности, которые нельзя отпечатать даже за границей.

— Слушай, — сказал каменщик 3-го разряда, — а откуда ты это всё так хорошо знаешь?

— Да как же, — горько усмехнулся каменщик 4-го разряда. — Ведь когда-то, до Сибири, я был доктором-психиатром. И мой отец тоже был доктором-психиатром, в Петербурге, один из первых фрейдистов в России.

И он был одним из руководителей этой «Голубой звезды». За это меня и подмели. Знаешь, частенько детям приходится отвечать за грехи своих родителей.

В числе таких детей был также и бывший король московских бандитов Федька Косой.

Он тоже жив и здоров. Даже в концлагере, при помощи князя мира сего, он тоже выбился в маленькие князьки — стал бригадиром и обрабатывал дубинкой других заключённых, особенно политических, которых он презрительно называл контриками.

Когда же ему объявили, что его выпускают на свободу, то тут Федька Косой серьёзно призадумался.

Потом он огрел дубинкой первого попавшегося контрика, оказавшегося бывшим советским писателем, и заставил его писать заявление коменданту лагеря.

В этом заявлении, напирая на советский патриотизм, Федька Косой просил оставить его в лагере добровольно, в качестве вольнонаёмного служащего.

— Как же-ж я без вашего брата, контриков, жить буду?! — ухмыльнулся Федька Косой и ещё раз любовно перетянул писателя дубинкой. — Вот тебе, чернильная душа, и хорошая тема для патриотического рассказа.

Но, как говорят, дубинка о двух концах — наподобие закона о единстве и борьбе противоположностей.

Согласно этому каверзному закону марксистской диалектики если Федька Косой любил размахивать дубинкой, то его брат — поэт, наркоман и перманентный революционер Иван Странник погиб под такими же дубинками в каком-то другом концлагере.

Конечно, фрейдисты скажут, что один сын ведьмы Мары был просто садистом, а другой сын был просто мазохистом и сам лез

под эти дубинки.

Так или иначе, Иван Странник умер. То есть, он умер, но не совсем. Во-первых, его посмертно реабилитировали. А во-вторых...

В своё время, Иван Странник принадлежал к секте богоискателей, которые модернизировали Евангелие и утверждали, что жизнь вечная заключается просто в ваших детях.

Соответственно с этим, чтобы обеспечить себе жизнь вечную, Иван Странник назвал своего сына Иваном-младшим, что должно было символизировать перевоплощение души или, как говорят умные люди, реинкарнацию.

И действительно! Иван Странник-младший пошёл в точности в своего отца. Он тоже поэт с модернистическим уклоном.

Когда в мужской компании люди заведут разговор про женщин, наш поэт вдруг загнёт такую модернистику, что и не всякий поймёт, что это такое. Наш модернист весь дрожит от страсти и кричит:

— Эх, люблю полизать...

Но фрейдисты прозаически говорят, что это не французский анекдот, а латентная гомосексуальность. И главный источник большинства душевных болезней.

А когда люди разговаривают о своих родителях, Ваня Странник с болью в сердце вдруг истерически визжит: — Я не пальцем деланный, а настоящим...

Видимо, поэта тоже немножко мучают грехи его предков. Но это не мешает ему самому грешить. Продолжает сеять плевелы.

Недавно он, неизвестно как, сделал себе сына, назвал его Иваном 3-м и с гордостью показывает: — Смотрите, какой чудесный ребёночек!

Что будет с Иваном 3-м, станет ясно только через 18 лет, когда он достигнет половой зрелости и когда начнут проявляться связанные с этим психозы.

Тем временем, Иван 2-й, следуя по стопам Ивана 1-го, душой и телом примкнул к новому поколению советских писателей-

бунтарей и поэтов-новаторов, которым опять не хватает свободы.

Тех самых свободолюбов, которых в Советском Союзе теперь почему-то сажают в психиатрические лечебницы или лечат трудом в спецлагерях.

Вот и разберитесь здесь, кто прав и кто виноват. Тут и сам чёрт не разберется. Да и в хорошем обществе о таких вещах говорить не полагается.

Иначе, сразу найдутся хорошие люди, либералы и гуманисты, и очень даже интеллигентные, которые сразу начнут очень волноваться и доказывать, что все эти разговорчики о вырождении и дегенерации — это такие же басни и выдумки, как средневековые сказки про ведьм и колдунов.

И лучше не спорьте. Иначе переругаетесь со многими из ваших знакомых.

Дом под золотым петушком заново отремонтировали. Подзолотили и золотого петушка на крыше, который, по старым русским поверьям, служит для отпугивания нечистой силы.

В порядке либерализации, сняли зелёный забор с колючей проволокой наверху, а старую чугунную ограду покрасили приятной кремовой краской.

После этого дворецкий Николай специально ходил кругом и приглашал окрестных мальчишек, чтобы они лазили через ограду и рвали в саду яблоки. Но говорят, что любителей мало.

Говорят, что на Новодевичьем кладбище в Москве, под стенами старого женского монастыря, рядом с могилой жены Сталина, есть ещё одна, не совсем обычная могила.

На памятнике из красного гранита с одной стороны высечен тонкий женский профиль, нежный и невинный, как у тихого ангела.

А под именем покойницы стоит странная библейская эпитафия: «Имя мое легион, потому что нас много».

А с обратной стороны на красном, как засохшая кровь, граните высечена зловещая, загадочная и всеми забытая эмблема Великой Чистки — змея и меч. А внизу столь же загадочные слова:

В наказанье весь мир содрогнётся,
Ужаснётся и сам сатана!..

Да ещё странно, что вместо цветов засажена эта могила сорной травой — белладонной, которую ещё зовут красавка, сонная одурь или бешеная ягода.

А у изголовья могилы склонила свои ветви плакучая ива. Хотя видно, что за этой могилой тщательно ухаживают кладбищенские сторожа, но никто к ней не ходит.

А некоторые прохожие, прочитав загадочную эпитафию и посмотрев на змею и меч, вдруг испуганно оглядываются и ускоряют шаг, чтобы поскорее уйти подальше от этого места.

Только иногда, может быть раз в год, когда над Новодевичьим кладбищем опускаются летние сумерки, к этой заброшенной могиле тихо приходит худощавый человек неопределённого вида и возраста, но с лицом таким усталым, словно он прожил тысячу лет.

Так же устало он опускается на траву рядом с могилой и долго сидит так, прислонившись спиной к плакучей иве, вдыхая запах цветов белладонны, сладковатый и одуряющий, как воспоминания юности, глядя на заходящее солнце и небо, гаснущее, как жизнь, словно отдыхая после долгой и тяжёлой работы или, может быть, вспоминая что-то, как раскаявшийся преступник, которого тянет к месту преступления.

Кладбищенские сторожа, да ещё советские, не боятся привидений. Но, завидя этого человека, они стараются не показываться на кладбище, а отсиживаются в сторожке и потихоньку крестятся.

— Видал, — говорит один. Глаза-то у него, как у ящерицы, того... зелёные.

— И в сумерках аж светятся, — говорит другой. — А волосы у него тоже того... рыжие. А рядом лежит жена самого Сталина. Это всё неспроста.

— Да-а, и возраста у него не видно... Как бессмертный.

— И заметь, когда он идёт, так у него тени нету... Знаешь, что это значит?

— Знаю... Значит, это он самый и есть... Ух, упаси меня Бог и помилуй!

И ходят потом по Москве всякие тайные слухи. Говорят, упорно говорят, что меняются в Москве министры и маршалы, писатели и поэты, всё меняется. Иногда меняются даже советские вожди.

Но не меняется в Москве только один человек — тайный советник советских вождей. И потом тихо шепчут: «Красный папа...»

Да ещё говорят, что теперь красный папа всё чаще и чаще ходит по Москве, как самый обычный советский гражданин. И даже говорят, что вы узнаете его по одной маленькой примете: он носит на груди только простенькую медаль «За спасение утопающих».

А вокруг него ходят всякие тёмные легенды. Такие легенды, что их даже и повторять как-то неудобно. Но, собственно говоря, ничего в этом такого уж особенного и нет.

Ведь, говорят же, что и у вождей западного мира тоже иногда бывают какие-то этакие специальные тайные советники. И тоже ходят вокруг них всякие такие и этакие легенды. Такие, что и повторять как-то неудобно.

А то этак, подобно философу Бердяеву, можно договориться не только до сатаны, но и до антихриста.

Так закончилась печальная история Максима Руднева, маршала государственной безопасности СССР, доктора философии и профессора социологии, мракобеса и обскуранта, Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, советского доктора Фауста, который нашёл ключи познания добра и зла, ума и безумия, жизни и смерти.

Но ключи эти — ключи отравленные.

Так закончилась необычайная история Максима Руднева, который когда-то просил Бога сделать его большим и сильным. Правда, некоторые говорят, что его просьбу подслушал дьявол.

Ну, вот, кажется, и всё. Ах, да... А как же, скажут, насчёт Бориса Руднева? Да живёт себе потихонечку. Знаете, ни Богу свечка, ни чёрту кочерга.

Вскоре после смерти Сталина, в связи с реорганизацией агитпропа, этот Фома Неверный получил назначение на работу за

границей и надолго уехал из Москвы и из дома под золотым петушком.

Поскольку он не верил ни в Бога, ни в чёрта, то, хотя он имел глаза и уши, но не видел и не слышал половины того, что происходило кругом. А потому жизнь у него была такая серая, такая скучная, что и писать-то нечего.

А потом из-за этого самого своего неверия, попал Фома Неверный в такую невероятную историю, в такую передрягу, в такую катавасию, что, прямо-таки, ни в сказке рассказать, ни пером описать.

В такую фантасмагорию, что об этом нужно писать отдельную книгу. Но, поскольку он, инструктор агитпропа, писать умеет, так пусть он эту книгу сам и пишет. А нам пора кончать.

И хотелось бы закончить эту печальную летопись о русском лихолетье старой формулой древнерусских летописцев:

«А ещё где в книге сей грубостию моей пропись или небрежением писано, молю вас: не зазрите моему окаянству, не клените, но поправьте, писал бо не ангел Божий, но человек грешен и зело исполнен неведения».

А если любопытного читателя заинтересует незаметная личность писца, кровью сердца записавшего эту тайную летопись, то я, советский раб Божий, да забудется имя моё, записал это только потому, что когда-то и я сам, грешным делом, не верил ни в Бога, ни в чёрта.

И думал я, слепец, что я знаю всё и вся. А потом, когда и я столкнулся с тем, что когда-то называлось дьяволом, и когда я прозрел, то очень и очень жалел — ох, как жалел! — что я не знал этого раньше.

Потому, чтобы искупить свои грехи, я и хочу помочь добрым людям добрым советом: помните, что Господь Бог был, есть и будет, что Он всемогущий, всеблагой и всемилостивый, но живёт Он на небе, а дьявол, князь мира сего, живёт на земле — между нами.

Нью-Йорк,

18 августа 1970 г.

Послесловие

ко второму изданию романа Г. П. Климова «Князь мира сего»,
издательство «Глобус», Сан-Франциско 1980 г.

Отравленные ключи

Послесловие профессора социальной психологии Вудхэйвенского Университета д-ра Б. В. Сахарова

Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их,

откроются глаза ваши, и будете вы как боги, знающие добро и зло.

Бытие 3:5

Хотя «Князь мира сего», по форме — это увлекательный роман, но в этом затрагиваются столько серьёзнейших проблем, что это требует подробных объяснений.

Как твёрдый переплёт, охраняющий книгу, здесь сами собой напрашиваются не только обстоятельное предисловие, но и послесловие.

Поскольку, в своё время, Климов работал в системе американской психологической войны, его «Князь» является, своего рода, продуктом и анализом этой психологической войны.

Изо дня в день первые страницы всех газет мира заполнены результатами того, что называется психологической войной. Но мало кто понимает, что скрывается за этим расплывчатым термином.

Что же это такое? Если бактериологическая война — это война при помощи бактерий и инфекционных болезней, то психологическая война — с научной точки зрения — это война, при помощи психических болезней.

Роль микробов здесь исполняют легионы психопатов, которые, для непосвящённого, столь же невидимы, как микробы.

Сколько их? Ну, например, согласно американской статистике, в США около 18,5% населения нуждаются в психиатрическом лечении, то есть, 37 миллионов человек.

А если подойти к этой проблеме с другого конца, со стороны секса, и взять статистику доктора Кинси — и если верить Фрейду — то получается ещё больше: 37%, то есть, 74 миллиона человек на 200 миллионов населения.

Легион этот получается довольно солидный. И такие легионы, в большей или меньшей мере, имеются в каждой стране — вплоть до новых африканских республик.

Какую роль играют эти легионы? Сидят эти легионеры спокойно в приёмных врачей — психиатров? Или принимают успокоительные таблетки? Или именно

эти психопаты решают судьбы мира? А вот, давайте посмотрим.

Когда-то в Советском Союзе существовал институт красной профессуры, где, после революции подготавливали необходимые красные кадры.

Теперь же, как говорят серьёзные источники, в Москве существует Институт высшей социологии, который, по аналогии, называют институтом чёрной профессуры, так как, там занимаются некоторыми тёмными проблемами социологии.

Чтобы понять эти проблемы, возьмём на помощь такую тяжёлую артиллерию, как Льва Толстого.

В своём дневнике от 12 июня 1900 года Толстой пишет: «Я серьёзно убежден, что миром управляют совсем сумасшедшие. Несумасшедшие или воздерживаются, или не могут участвовать».

В своём дневнике от 27 июня 1910 года Толстой, опять возвращаясь к этой теме, пишет:

«Сумасшедшие всегда лучше, чем здоровые достигают своих целей. Происходит это от того, что для них нет никаких нравственных преград: ни стыда, ни правдивости, ни совести, ни, даже, страха».

Что это — шутка? Хорошо, давайте возьмём, для примера, Гитлера и Сталина. Ведь, после смерти Гитлера, повсюду писали, что он был душевнобольной параноик, маньяк, психопат и так далее.

После смерти Сталина — опять та же самая история: оказывается, что и он был параноик, шизофреник, маньяк и так далее! Что же это такое?

Выходит, что Толстой был прав. Только, как писатель, он не делал различия между сумасшедшими и душевнобольными, где на каждого настоящего сумасшедшего, сидящего в сумасшедшем доме, приходятся десятки всяких промежуточных типов помешанных и душевнобольных, которые находятся между нами — и которых мы не замечаем.

Больше того — многие из них даже сами не понимают, что с ними такое.

Многие душевные болезни, как, например, мания величия или мания преследования, являются, как бы, гипертрофией, то есть, болезненным распространением самых обычных человеческих качеств.

Упрощённо представьте себе, что эти душевные болезни растягиваются, как резиновые: от 1% до 100%.

У каждого из нас — в разной мере — есть чувство величия и чувство преследования, скажем, условно 2-3%.

Но, когда эти чувства разрастаются, скажем, до 40-60%, то получаются переходные степени мании величия и мании преследования, как у Сталина или Гитлера, с их культом самообожествления, с одной стороны, и системой концлагерей, с другой стороны.

Весь фокус в том, что эти мании становятся ясно видны только тогда, когда они достигают 100%.

Тогда такой человек становится безобидным сумасшедшим, который твердит, что он Наполеон, и его сажают в сумасшедший дом.

Но, до этого, промежуточные типы маньяков, как Гитлер и Сталин, успеют перевернуть вверх дном весь мир.

Итак, можно провести ясную грань между сумасшедшими и душевнобольными. Эта грань — сумасшедший дом. Но между душевнобольными и здоровыми людьми ясной грани нет — эта грань растягивается, как резиновая, от 1 до 100%.

Таким образом, эти промежуточные типы душевнобольных, которых называют помешанными и психопатами, невротиками и психотиками, создают, как бы, специальные типы людей с ярко выраженными особыми качествами.

И комбинаций здесь больше, чем в калейдоскопе. Этих людей трудно назвать явно душевнобольными. Но это люди и не совсем обычные: это всякие чудаки и чудики, одержимые всякими комплексами по линии Кинси, Фрейда и Достоевского.

В отличие от людей ординарных, Достоевский называл их людьми экстраординарными. Вот это и сеть те самые легионеры, о которых идёт речь в «Князе».

Но, вернёмся к пророчеству Толстого, что миром управляют сумасшедшие. Во-первых, Толстой только подтверждает то, что говорится в Библии и в заголовке книги Климова: «Князь мира сего».

Во-вторых, наилучшим примером этому был сам Толстой. Ленин называл Толстого «зеркалом нашей революции».

А знаменитый психиатр Россолимо, который лечил и Ленина, и Толстого, поставил о Толстом такой диагноз: «Дегенеративная двойная конституция: паранойяльная и истерическая, с преобладанием первой».

Разве это не интересно?

Возьмём Сталина и Гитлера. Итак, Советским Союзом почти 30 лет правил душевнобольной Сталин, а Германией 12 лет правил душевнобольной Гитлер.

А потом, ведомые своими душевнобольными вождями, два великих народа сцепились в смертельной схватке, стоившей миллионы и миллионы человеческих жертв. Невероятное количество разрушений, горя, крови и слёз. Зачем? Почему?

Разве это не тёмная проблема социологии?

У некоторых читателей может возникнуть наивная мысль: «А не проще было бы русским и немцам, вместо того, чтобы воевать, вылавливать таких душевнобольных, как Сталин и Гитлер, и сажать их в соответствующие клетки?

Но такой вопрос ставить нельзя. Почему? Да потому что именно этим занимались сам Сталин и сам Гитлер. По первому закону марксистской диалектики — о единстве и борьбе противоположностей.

Видите, вот вы уже и попали в социологический тупик. Поэтому, эти проблемы и называют — проклятыми проблемами.

Чтобы подойти к проблеме вождей академически, не мешало бы проверить и остальных великих вождей, участвовавших во 2-й Мировой войне.

Хотя на Западе и любят подчёркивать, что вот, мол на Красной площади нельзя выйти и сказать, что Сталин дурак, а у нас, на Западе, мы можем говорить про наших вождей всё, что хотим, но, в данном случае, будьте осторожнее.

Возьмёте вы следующего великого и из газет вы уже знаете, что у его детей целая история тяжёлых душевных болезней.

А в Библии, по этому поводу, есть точный диагноз:

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам а овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их... Всякое древо доброе приносит и плоды добрые, а худое древо приносит и плоды худые: не может древо доброе приносить плоды худые... Итак, по плодам их узнаете их» (Мат. 7:15-20).

Если вы пойдёте дальше по этому пути, то вскоре почувствуете себя, как Красная Шапочка в тёмном лесу, где кругом бегают серые волки в овечьих шкурах.

Вот этот-то тёмный лес и называется высшей социологией. И можно, пожалуй, сказать, что это область более парадоксальная и засекреченная, чем атомные исследования.

Чтобы понять загадку Сталина и Гитлера — каким образом эти люди стали вождями? — нужно знать, так называемый, «комплекс власти», который создаёт то, что называется «прирождённым вождём».

Этот щекотливый комплекс хорошо известен учёным, занимавшимся исследованием... сибирских шаманов и негритянских колдунов.

И там, нашли то же самое, что у Сталина и Гитлера: определённую комбинацию душевных болезней, порождающих этот комплекс власти — болезненную жажду власти.

И этот комплекс настолько силён, что когда у шамана забирали его власть, то настоящий шаман тяжело заболевал и иногда даже умирал. Нечто подобное случилось с Наполеоном, когда он очутился на острове Святой Елены.

Получается парадокс: прирожденный вождь — это самый неподходящий для власти человек. И вот этот-то парадокс и является причиной почти всех войн и революций в человеческой истории.

Вот, например, в свое время много писали об африканской секте террористов Мау-мау. В кровавых ритуалах этой секты было многое от негритянских колдунов.

Причём такая мерзость, что газеты даже не могли это описать. Теперь же, с благословения английской короны, бывший вождь этих Мау-мау Джомо Кениатта стал демократическим премьер-министром новой демократической Кении.

Уже из одного сочетания имен Кения — Кениатта видны мания величия и комплекс власти. Надеюсь, что его высокопревосходительство господин премьер-министр на меня не обидятся.

Но эта тема — комплекс власти или формула власти — является табу не только в Африке, но и среди вождей цивилизованного мира.

В предисловии к «Князю» говорится, что это книга, каких ещё не было. Это показалось мне столь необычайным, что я решил проверить, так это или не так.

Если говорить о тематике «Князя», то, в основном, здесь описывается своего рода комплексная социальная болезнь, которую раньше называли дьяволом, а теперь называют вырождением или дегенерацией, и которую автор называет легионизацией.

Видимо, автор придерживается старого правила, что дьявол не любит, когда его называют по имени.

Для проверки я заглянул в Главную Публичную Библиотеку Нью-Йорка, которая считается одной из лучших в мире.

В тематическом каталоге на тему «Дегенерация» я нашёл сотни карточек — ссылок на две главные составные части этого комплекса: психические болезни и половые извращения.

Дальше шли ссылки на связь между гениальностью, и безумием. Между душевными болезнями и преступностью, и так далее прочее.

Попутно меня поразило, что в Америке, в стране с наивысшей преступностью в мире, отец научной криминологии, профессор Ломборзо на английский язык практически не переведён.

Но самое главное было то, что в этой крупнейшей библиотеке Америки не было ни одной единственной книги, которая описывала бы дегенерацию, как единое целое.

То есть, психические болезни — есть, половые извращения — есть, а дегенерации, которая состоит из этих двух частей, дегенерации... нет!? То есть, ключа-то и нет.

А без этого ключа вы ничего в этой области не поймёте. Вот и получается, что «Князь» — это, действительно, книга, каких ещё не было.

Кстати, вот уже несколько лет подряд Нобелевские премии дают учёным за «исследования в области наследственности первичной клетки». Что ищут эти учёные?

Судя по всему, то самое — загадку дегенерации, которая упирается в наследственность. Пока что учёные дошли, кажется, до наследственности каких-то мхов и грибков.

Тема «Князя» — это тема очень спорная. И об этом спорят с тех пор, как существует род человеческий. В основном потому, что большинство легионеров склонны всё и вся оспаривать, чтобы доказать обратное.

Потому дьявола уже в Библии называют лжецом и Отцом лжи, который всегда пытается доказать, что он не существует, что он Никто и Ничто.

Поэтому, послушайте добрый совет: никогда не спорьте на эту тему с вашими знакомыми. Иначе вы поймёте, почему легион называется легионом.

Лучше сидите себе спокойно, слушайте явную ложь — и мотайте себе на ус. Так вы узнаете всех легионеров, кандидатов, попутчиков и сочувствующих. Затем, как сквозь магический кристалл, вы увидите правду и кривду, праведников и грешников.

В пункте «Князя» больше всего будут спорить о Великой Чистке, когда революционер и легионер Сталин уничтожал себе подобных. Кстати, потому философы и говорят, что дьявол склонен к самоуничтожению.

Хорошо, давайте проверим, так это, или не так. Говоря о Великой Чистке, опять беру на помощь такую тяжёлую артиллерию, как Достоевский, который, в своих «Бесах», писал о революционерах следующее:

«Эти бесы... все язвы, все миазмы, все нечистоты... накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России... и мы бросимся, безумные и

взбесившиеся со скалы в море, и все потонем, и туда нам и дорога... Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и все будут глядеть с изумлением...»

Достоевского считают пророком. Ну, вот — это он описывал Великую Чистку. И это — не слепое пророчество. Просто он знал социологические циклы, которые повторяются после каждой революции.

В отношении «Князя» я поставил себе, прежде всего, совершенно конкретную задачу: проверить насколько этот роман соответствует или не соответствует исторической действительности.

Здесь любопытно провести параллель с книгой Иосифа Новак «Будущее наше, товарищ!» (Даблдэй, Нью-Йорк, 1960).

Новак был членом компартии одной из советских стран-сателлитов, потом перебежал на Запад и написал здесь мемуары о своей жизни в Советском Союзе.

В Москве автор однажды разговорился с пожилым советским доктором-психиатром. Когда коснулись вопроса о незначительном числе психических больных в Советском Союзе, то доктор, известный специалист в этой области, сказал следующее:

«Дело не так просто, как некоторые из моих молодых коллег, так называемых, представителей новой советской медицины и психиатрии, склонны себе представлять.

По их мнению, известные психические болезни исчезли в нашей стране после революции... Но действительность выглядит иначе.

Прежде всего, в первый послереволюционный период, психических больных... расстреливали, как ненадёжный элемент, или посылали в лагеря на принудительные работы...

Если вы приглядитесь к нашим психиатрическим клиникам сейчас, то вас поразит отсутствие некоторых типичных психических заболеваний, с которыми весьма часто имеют дело в клиниках США, Англии, Швеции и других стран.

Я подразумеваю определённые виды неврастении, некоторые виды шизофрении и всевозможные половые извращения, — другими словами, такие виды психических болезней, которые могут быть скрыты в обыденной жизни...

Большое число людей, которые за границей были бы отправлены в сумасшедшие дома, у нас... отправляют на принудительные работы и очень часто отправляют на крайний Север, на тяжёлую работу, которая, якобы, превращает их в полезных членов общества...

Но за этими статистическими данными, гордо подчёркивающими минимальный процент психических больных в Советском Союзе, скрывается трагедия тысяч больных, страдающих за поступки, совершённые ими бессознательно».

Вот это и есть те самые легионеры, которые описываются в «Князе». Итак, хотя это и роман, но основанный на совершенно реальной действительности.

Говоря о Великой Чистке, следует отметить следующее. Решение об этой чистке было принято на заседании сталинского Политбюро от 13 мая 1935 года, где было решено «вычистить» ориентировочно 5% населения СССР. Каковы же были результаты?

Из состава самой компартии в 2.800.000 человек было репрессировано 1.220.000 человек, то есть, 44%. А из состава ЦК ВКП(б) в 71 человек ликвидировали 55, то есть, 78%.

Та же самая история была со всеми руководящими органами партии и правительства, включая и руководство Красной Армии. А последняя волна чистки прокатилась по самому чистилищу НКВД во главе с его начальником Ежовым.

Таким образом, хотя чистка касалась всех (5%), но больше всего это касалось самой компартии (44%) и, в ещё большей мере — её руководящих органов (78%). Так революция пожирала своих детей.

Наподобие Каина и Авеля, одной из первых жертв этой Чистки пал Авель Енукидзе, собрат Сталина по революционной работе на Кавказе.

А в «Правде» от 13 июня 1935 года появилась статья Хрущёва, где Енукидзе назывался «политическим и моральным дегенератом».

Когда после смерти Сталина ликвидировали Берию, бывшего начальника тайной полиции, в советской печати, помимо всего прочего, опять появилось то же странное обвинение: «буржуазный дегенерат».

В книге американского адвоката Геральда Диклера «Человек под судом», описываются 13 исторических судебных процессов, в том числе и первый Московский процесс, на котором было 33 подсудимых.

Что это за странная концентрация числа 13? Причём с совершенно разных сторон: и с советской — и с американской. Может эта чёртова дюжина, действительно приносит несчастья?

Частичный ответ на это даёт статистика доктора Кинси, где говорится следующее: «Каждый 13-й американец в возрасте от 16 до 55 лет, в продолжение, по меньшей мере, 3 лет своей взрослой жизни, был полным гомосексуалистом».

Потом многие из этих людей женятся, имеют детей — и ничего вы там не увидите. Не увидите вы и часто связанные с этим и упомянутые выше «виды психических болезней, которые могут быть скрыты больными в обыденной жизни». Увидите вы только «поступки, совершённые ими бессознательно».

Всё это прекрасно знают специалисты, которые где нужно нарочно подсовывают это символическое число — 13.

Революция — это болезненный социальный процесс и, как нарыв, он притягивает к себе все больные элементы общества.

Потому, после каждой революции и следуют неизбежные чистки, где, как правило, легковеры уничтожают друг друга. Но, при этом, к сожалению, гибнет много и совершенно невинных людей.

Конечно, нужно подчеркнуть, что, помимо 13-го Отдела, в НКВД были ещё и другие отделы, которые тоже принимали участие в чистке, и которые работали по другим принципам.

Об этом уже говорилось в предисловии и в тексте романа, где указывается, что другие отделы «работали по старинке».

Но я хочу повторить это в третий раз. Так как именно в этом пункте адвокаты дьявола будут больше всего стараться доказать обратное.

Потому, остановимся на этом пункте более подробно. Начнём с самого начала: сколько было в НКВД-МВД отделов?

В своей книге «Тайный мир», Пётр Дерябин, бывший подполковник МВД, перебежавший на Запад, подробно описывает организацию МВД и 12 отделов!

А Климов описывает 13-й Отдел, который настолько засекречен, что официально он не существует.

Должен сказать, что совпадение поразительное! Говорят, что некоторые писатели обладают даром провидения.

Теперь обратимся к специалистам в другой области. В книге Дональда Кори «Гомосексуалисты в Америке» говорится, что «после русской революции законы против гомосексуалистов были отменены».

Кстати, до этого Кори пишет, что, за всё время христианской цивилизации, законы против гомосексуалистов были впервые отменены — как результат Великой французской революции.

Хм, что это за странная связь между революциями и педерастами?

Далее Кори пишет, что в марте 1934 года Калинин подписал указ, который снова восстановил гомосексуальность в число социальных преступлений... 1934 год. А в 1936 году началась Великая Чистка.

Это совпадение замечает и сам Кори, который пишет: «Это многозначительная дата, так как это был период усиленной борьбы против Старых Большевиков... С того времени было несколько сообщений, что гомосексуалисты были замешаны в антисталинские заговоры».

Там же цитируются книга Вильгельма Райха «Сексуальная революция», где о Великой Чистке пишется: «Массовые аресты гомосексуалистов повлекли за собой панику... Говорят, что в Армии были многочисленные самоубийства».

Итак, та часть Великой Чистки, которая описывается в «Князе» полностью соответствует исторической действительности.

Но адвокаты дьявола сейчас же поднимут крик и начнут возражать: «Посмотрите на Ленина, Троцкого и Сталина. Ведь, они ж все женаты. Какие же это педерасты?»

— У-мгу, — скажут в 13-ом Отделе. — Совершенно правильно.

Но, видите ли, статистика доктора Кинси говорит, что среди американского населения, то есть, в культурном обществе, на 4% полных гомосексуалистов приходится 33% всяких промежуточных типов, которые занимались этим самым 5 лет, 3 года, 1 год или один раз, или даже только мечтали об этом во сне — но вплоть до оргазма.

Это называется латентной или подавленной гомосексуальностью. А «апостол» Фрейд говорит, что именно в этой группе в 33%, психические болезни проявляются сильнее и встречаются чаще, чем в первой группе из 4%. Вот тут-то и собака зарыта.

— Кстати, — скажут в 13-ом Отделе. — Об этом прекрасно знали уже и библейские апостолы. Например, апостол Матвей, 12:43-45, говорит, по этому поводу, следующее:

«Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел... Тогда идёт и берёт с собою семь других духов, злейших себя, и, вошедши, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого».

Итак, с точки зрения 13-го Отдела и ловли бесов, то есть, психических болезней, 4% полных гомо являются гораздо более безобидным элементом, чем 33% скрытых или частичных гомо, то есть, своего рода кандидатов, попутчиков и сочувствующих этого легиона.

Потому, философы и говорят, что у дьявола масса алиби и инкогнито, и что дьявол опасен не тогда, когда он появляется и пугает нас, а тогда, когда мы его не видим.

Вот к этой то замаскированной категории и принадлежали товарищи Ленин, Троцкий и Сталин. Сюда можно еще добавить Маркса и Гитлера.

Да, на первый взгляд все эти люди были женаты. Но если вы присмотритесь более внимательно, то сразу увидите, что всё это «браки для удобства», своего рода фиктивные браки. Нужно только найти соответствующую женщину. А таких — тоже легион. Вот и весь трюк.

А если вы посмотрите на продукты «этих браков» то там картина будет ещё ясней. У Ленина и Гитлера браки бездетные. А у Маркса, Троцкого и Сталина в семьях и среди детей целые серии самоубийств и тяжёлых психических болезней. Потому в Библии и говорится: по плодам их — узнаете их.

Взять хотя бы самоубийство Гитлера и его новобрачной жены. Затмение богов. Ведь, Гитлер просто убил свою новобрачную, чтобы она позже не продала американцам — за миллион долларов — мемуары об интимной жизни фюрера, чего фюреру очень не хотелось.

Проверьте сами биографии этих людей. И вы сразу увидите, что всё это ясно, как дважды два — четыре.

Но, попробуйте сказать это. И сразу начнутся чудеса: 33% американцев, то есть, 66 миллионов человек, встанут на защиту Сталина и Гитлера — и начнут всё это оспаривать.

В первую очередь, они будут оспаривать статистику доктора Кинси, где они сами ставили крестики в анонимных анкетах, а доктор Кинси эти крестики только подсчитывал. Результаты поразили весь мир — и самого доктора Кинси.

Но эта статистика есть продукт многолетней работы целого научно-исследовательского института, и она признана не только в Америке, но и в Европе — и даже в Советском Союзе.

А если вы пойдёте дальше по этому пути, чем занимаются всякие хитрые органы, и возьмёте под микроскоп интеллигенцию, то эти 33% — или 37%, если добавить 4% честных открытых гомо — возрастут до 50%, а в случае поэтов, писателей и, вообще, литераторов до 75%.

Получается парадокс. С одной стороны, прогрессирующий легион в 37-50-75%. А, с другой стороны, кому из этих легионеров, помимо анонимных анкет, захочется признаваться в болезни, которую столь серьёзные авторитеты, как нобелевский лауреат Томас Манн, считают хуже сифилиса?

От сифилиса можно вылечиться, а от дегенерации не вылечишься. Потому, вполне естественно, что почти все легионеры будут это скрывать. Потому в Библии эту штуку и называют: имя моё легион, который есть лжец и Отец лжи.

Подобный парадокс — в большей или меньшей мере — будет в каждой стране. Включая и русскую эмиграцию. Включая и круг ваших личных знакомых.

Теперь понимаете, почему «Князь» стал запретным плодом? А потом будет яблоком раздора.

Но, вместе с тем, «Князь» помогает понять очень многие непонятные вещи. Читая эту книгу, кажется, что трагическая и зловещая фигура маршала госбезопасности СССР Максима Руднева, его таинственный 13-й Отдел МВД и загадочный Институт чёрной профессуры — всё это только части романа.

Но, как это ни странно, всё это поразительно совпадает с действительностью.

Например, во время приезда советского премьера Хрущёва в Нью-Йорк 9 сентября 1969 года, под давлением советской охраны, американская полиция вдруг занялась странной массовой акцией, довольно необычной дня американской демократии.

В газетах писали, что полиция почему-то, без объяснения причин, стала принимать очень решительные меры против мест скопления битников, гомосексуалистов и прочих экстраординарных типов, «как у Достоевского».

В ответ раздавались возмущённые крики: «Что мы — в России?!» Этим вопросом протестанты сами связывали эту акцию с приездом Хрущёва. Они знали, в чём дело. Столь же хорошо это знала и советская тайная полиция, руководившая охраной Хрущёва.

Чтобы понять эту непонятную акцию, стоит только внимательно почитать газеты с описаниями биографии и психологии убийцы президента Кеннеди — Ли Освальда и контрубийцы Джека Руби.

Как почти все террористы, оба они были типичными представителями того самого комплексного легиона, который разгоняли во время приезда Хрущёва в Нью-Йорк.

Если посмотреть на некоторые высказывания советских вождей, то создаётся впечатление, что у них за спиной действительно сидит какой-то тайный советник, который хорошо знает этот легион.

Очень характерно, в этом отношении, было поведение Хрущёва на выставке художников в Московском манеже в начале 1964 года. Осматривая картины художников-модернистов, советский премьер обратился к этим модернистам так:

— Господа, вы что — педерасты или нормальные люди?.. Я заявляю вам, дайте список, кто из вас хочет уехать за границу. Завтра же дадим вам заграничные паспорта — уезжайте!

Подходит художник — модернист Жутовский. Премьер к нему опять с вопросом:

— Вы педераст или нормальный мужчина? Хотите за границу — езжайте. Езжайте, до границы довезём бесплатно... А на это г... собачье мы не будем тратить ни копейки.

У автопортретов Жутовского премьер говорит:

— Картина уродливая, но духовное родство оригинала с автопортретом очевидное.

— Но это эксперименты, — отвечает Жутовский.

— Глядя на эти эксперименты, — говорит премьер, — я вправе подумать, что вы педерасты, а у нас за это дают десять лет. Вы рехнулись и нас хотите сбить с правильного пути. Нет... господа, мы вам объявляем войну!

Это не анекдот, а дословная стенографическая запись, сделанная западными корреспондентами. И нужно признать, что Хрущёв очень и очень хорошо разбирается в модернистическом искусстве.

Устами Хрущёва советское правительство официально объявляет легиону войну, — которую уже давно ведёт маршал госбезопасности Руднев.

Советский премьер во всеуслышание упрашивает легионеров уехать за границу, — но ведь, это то самое квантовое оружие, которым маршал Руднев систематически обстреливает Запад: начиная с двуполых можно-гёрлс МВД, которых подсовывают западным журналистам и дипломатам, и кончая писателями из сумасшедшего дома, которых высылают на Запад.

Сопоставив «Князя» с вышеприведёнными фактами, а подобных фактов много — получается одно из двух: или советские вожди идут по следам «Князя», — или «Князь» идёт по следам советских вождей.

Или же, все они идут по пути исторической и научной реальности. И так, и этак нужно признать, что «Князь» — это роман, довольно-таки, документальный.

Теперь вернёмся к основной теме «Князя» — Великой Чистке и посмотрим, что писали об этом западные писатели.

Возьмём роман Виктора Сержа «Дело товарища Тулаева», о котором рецензент Бертрам Вольф говорит в «Нью-Йорк Таймс», что «это, по-видимому, величайший роман о русских чистках».

В этом романе Серж считает Великую Чистку просто каким-то недоразумением, где революционеры просто немножко ошиблись. И Серж не пишет ни слова о том, что говорится в «Князе».

Хорошо, посмотрим на самого Сержа. Он не только профессиональный революционер, но даже потомственный революционер.

Серж — это только псевдоним. А его настоящее имя — Сергей Львович Кибальчич, родственник того самого цареубийцы Кибальчича, которого казнили за покушение на Александра 2-го.

Сначала Серж сидел во французских тюрьмах — за принадлежность к анархистам и террористам. Потом, из французского концлагеря его, в порядке обмена, сплавили в СССР.

Там он сначала был маленькой советской шишкой в Коминтерне, но вскоре очутился в советском концлагере, откуда его выслали назад во Францию.

Родственников Сержа-Кибальчича, которые были в СССР, во время Великой Чистки пересажали всех до одного. Также пересажали и всех родственников его жены. А его жена спаслась только тем, что заблаговременно сошла с ума.

И после всего этого, описывая Великую Чистку, Серж ничегошеньки не знает и не ведает. И «Бесы» Достоевского он тоже не читал? Просто так, ошибка получилась.

Ну, а как же Бертрам Вольф, который считает «Дело товарища Тулаева» «величайшей книгой о русских чистках»? Может быть, этот Берт неграмотный?

Нет, Бертрам Вольф был начальником Отдела Идеологических Советников в Госдепартаменте и «Голосе Америки». Он читал лекции по вопросам коммунизма в лучших университетах Америки и даже получил почётный докторат.

Одним словом, Берт — один из лучших еврриканских ведунов по советским делам.

Характерной чертой этой специфической категории является то, что большинство из них в молодости были коммунистами, троцкистами или, вообще, красненькими, и в своих идеалах они разочаровались, в основном, после Великой Чистки.

И получается, что американских ягнят поучают о красной опасности бывшие красненькие, волки в овечьих шкурах, которые многого не договаривают.

Последнее время Бертрам Вольф был в Гуверовском Институте по изучению войны, революции и мира, при Станфордском университете, где он выпустил книгу «Странные коммунисты, которых я знал».

Уже само название книги говорит, что среди коммунистов порядочно всяких «странных» людей. Но вот о Великой Чистке, где чистили этих самых «странных» людей — об этом профессор Вольф ничегошеньки ни знать не знает, ни ведать не ведает.

Возьмём вторую книгу о Великой Чистке «Затмение в полдень», которая считается лучшей книгой Артура Кестлера.

И здесь та же самая история: в коммунистический полдень получилось какое-то страшное затмение и героя романа Николая Салмоновича, очень симпатичного человека, по ошибке отправили на тот свет.

Теперь посмотрим на автора. Кестлер был членом компартии с 1931 по 1938 год, то есть, разочаровался в коммунизме сразу после Великой Чистки.

В своей предыдущей книге «Гладиаторы», описывающей восстание Спартака, которого коммунисты любят включать в свою родословную, Кестлер немножко описывает и педерастию.

Потому, эти «Гладиаторы» даже попали в специальный библиографический справочник «Гомосексуалисты в литературе», хронологическая библиография от 700 года до Р. Х. и до наших дней.

Итак, то, что происходило ещё до Рождества Христова — это Кестлер знает. А то, что происходило в наше время, — этого Кестлер не знает.

Ну и посмотрим на самую последнюю книгу о Великой Чистке — «Великий Террор», написанную английским поэтом и политическим писателем Робертом Конквист. Хотя в этой книге 13 глав и целых 633 страницы, но ничего того, что говорится в «Князе» там нет.

Конквист на 13-ти главах подсчитывает, что во время Великой Чистки было уничтожено 13 миллионов человек. Хм, опять это мистическое 13!?

Из них, по подсчётам Конквиста, 1 миллион был расстрелян, а 12 миллионов уничтожены в концлагерях. А почему? — Объяснения нет. Просто феномен. Тайна.

Рецензентом этой книги в «Нью-Йорк Таймс» является Джордж Кеннан, бывший американский посол в СССР и профессор истории Принстонского университета — в Институте Повышенных Знаний, где когда-то преподавал Альберт Эйнштейн.

Уровень такой высокий, что дальше некуда. Но и профессор Кеннан ничего не добавляет к этой загадке Великой Чистки. Феномен и точка.

Кстати, прадядя этого Кеннана, Джордж Кеннан-Старший, занимался революционной пропагандой среди русских военнопленных в Японии в 1906 году. На деньги еврриканских банкиров. А его праплемянник ничегошеньки о революционерах не знает.

Видите, целая куча ведунов по советским делам писала о Великой Чистке — и тайна остаётся тайной. Какая-то обшибка, затмение, феномен. И мистические 13 миллионов!?

Вот потому-то «Князь» Климова — это действительно, книга, каких ещё не было.

В своём введении к «Князю», профессор Новиков затрагивает проблему «комплекса Ленина», на котором базировался Гарвардский проект, где, судя по всему, вырабатывались планы психологической войны, рассчитанной на новую революцию в СССР.

Посмотрим поближе, что это за таинственный «комплекс Ленина».

Об этом писали в журнале «Дер Монат», который был официальным органом американской военной администрации в Германии, и который предназначался для перевоспитания немцев в демократическом духе.

В статье «Письмо из Оксфорда» («Дер Монат», август 1957) главный редактор этого журнала Мельвин Ласки описывает происходившую в Оксфордском университете в Англии 5-дневную конференцию специалистов по освобождению России от большевизма. На самом высшем уровне.

При этом, Ласки упоминает Гарвардский проект — гигантское обследование о большевизме, порученное Натану Лейтесу, и исходившее из предпосылки, что «комплекс Ленина» с психоаналитической точки зрения — это просто комплекс латентной гомосексуальности.

Позже, эту информацию перепечатали даже в «Новом Русском Слове».

Невольно напрашивается вопрос: неужели советская разведка не читала этого? И не поняла, что всё это означает?

Но, для специалистов всё это вещи столь элементарные, что, без сомнения, советская разведка прекрасно знала всё это — и даже гораздо раньше. Ведь, это можно найти в каждом хорошем учебнике психологии и социологии.

Итак, что касается Великой Чистки, «Князь» полностью соответствует психоаналитическим заключениям гарвардского профессора Лейтеса.

Но штучка эта довольно щекотливая. Например, здесь невольно напрашивается вопрос: а кого же выискивали — при помощи Роршах-тестов — гарвардские профессора для очередного освобождения России?

Не тех ли самых легионеров, которых чистили во время Великой Чистки?

И сразу же напрашивается ещё один нескромный вопрос: почему руководство этой псих-войной поручили, в основном, американцам, которых повыгоняли из Госдепартамента, как политически неблагонадёжных? Помните, во времена мак-картизма?

Но для этого нужно знать, что такое мак-картизм. Если вы заглянете в книгу Кори «Гомосексуалисты в Америке», которую мы уже цитировали в связи с Великой Чисткой, то убедитесь, что мак-картизм — это американский вариант того самого, что происходило в СССР во время Великой Чистки.

И вспомните, как американская пресса кричала тогда про «охоту на ведьм». Тогда, когда из Госдепартамента сотнями гнали гомосексуалистов.

А помните фантастические заговоры кремлёвских врачей-отравителей во времена Великой Чистки и незадолго перед смертью Сталина? Фантастика!?

Но в американской печати можно найти сколько угодно серьёзных утверждений, что сенатора Мак-Карти просто притравили.

В том самом правительственном госпитале, который в Америке являются эквивалентом кремлёвской больницы. Похоже на то, что и здесь мышки съели

кота. Ничто не ново под луной, как говорил маршал госбезопасности Руднев.

И если вы пойдёте дальше по этому пути, то вы попадёте в такие дебри, в такие джунгли, что... лучше туда и не ходить. Вы увидите там такое, что об этом нельзя говорить. Потому-то «Князь» и стал запретным плодом.

Если вы представите себе человеческое общество в форме социальной пирамиды, то легионизация увеличивается с движением вверх по этой пирамиде.

В хорошем культурном обществе, где давно не было социальных переворотов и революций, где эта пирамида не переворачивалась вверх ногами, как во время советской революции, в таком хорошем обществе легионеры рассядутся на ступеньках этой пирамиды приблизительно так: внизу, среди рабочих и крестьян, легионеров будет, теоретически, 1%, а вверху, теоретически, все 100%.

Теперь вспомните 37% доктора Кинси, которые, в случае интеллигенции, возрастают до 50%, а, в случае поэтов, писателей и прочих властелинов человеческих душ — до 75%.

Кстати, именно потому философ-экзистенциалист Кьеркегор пессимистически замечает, что в наши дни дьявол поселился в печатной краске.

На определённом уровне этой социальной пирамиды — на уровне интеллигенции и прессы — таких легионеров будет уже больше 50%. И в демократическом обществе они вас демократически переголосуют.

Это тот же самый библейский князь, но в одежде демократа. Но видят его только посвящённые.

Хотите наглядную иллюстрацию? Полезьте в карман. Достаньте бумажку в один доллар. На оборотной стороне вы увидите эту самую социальную пирамиду.

Посчитайте, сколько там ступеней. И убедитесь, что их там 13. А на самом верху — глаз. Это — глаз познания.

А на другой стороне — орёл. В одной лапе 13 стрел. В другой лапе — 13 листков. Над головой — 13 пятиконечных звёзд и лозунг из 13 букв.

А внизу пояснение, что это не просто так, а официальная государственная Большая Печать Соединенных Штатов.

Что это за пристрастие к чёртовой дюжине? Одни скажут, что это 13 штатов — основателей. А другие скажут, что это печать того самого библейского князя, который в Америке стал демократическим архитектором и строит эту самую социальную пирамиду.

Если вы подобным же образом обследуете Статую Свободы, то узнаете, что это подарок США от неких французских тайных обществ.

Тех самих эзотерических философских обществ, которых одни называют гуманистами, а другие — сатанистами.

И сразу возникает диалектический вопрос: что общего между гуманизмом и сатанизмом? Или какая связь между свободой и сатаной? И что там за тайна?

Если вы ответите на эти эзотерические вопросы, то получите тройку по высшей социологии. Я, хотя и профессор, знаю это только на четвёрку. А на пятёрку это знает только сам Господь Бог.

Зная это, вы поймёте некоторые непонятные вещи, которые происходят за спиной Статуи Свободы.

Невероятная преступность — и Верховный Суд систематически защищающий права не граждан, а преступников. Что...

И одновременно всё время разговорчики про «больное общество». Но как называется эта болезнь? — Такие наивные вопросы в хорошем обществе задавать не полагается.

Но довольно этой высшей социологии. Иначе, у вас может закружиться голова и вас станет слегка поташнивать. Поскольку «Князь» — прежде всего, роман, то поговорим лучше о литературе.

Сейчас в западной литературе в моде модернизм, а в Советском Союзе — соцреализм. С этой точки зрения, «Князь» — это, своего рода, соцмодернизм.

Да, самый настоящий соцмодернизм, так как здесь методами соцреализма показывается то, что не могут договорить модернисты, которых в России до революции называли просто декадентами. Ничто не ново под луной.

Среди западных модернистов сейчас в моде анти-романы и анти-герои, где героями, как правило, являются всякие легионеры. С этой точки зрения, «Князь» — это анти-анти-роман.

Модернисты любят заниматься словотворчеством, выдумывая всякие новые слова, неологизмы. И в «Князе» тоже есть неологизмы.

Раньше были лишенцы и выдвиженцы, а теперь — вырожденцы и извращенцы. Раньше милиционеры, а теперь — легионеры.

Раньше были врачи венерологи, а теперь — дегенерологи. Разве это не неологизмы? Да, чуть не забыл: раньше была коллективизация, а теперь — легионизация. Явный неологизм.

Модернисты, включая и советских писателей-бунтарей, любят употреблять своего рода «тайнопись».

Тайна этой тайнописи заключается в следующем: написано легионерами, о легионерах, и для легионеров. Легионеры прочтут и сразу поймут, что это такое. А ординарный человек ничего этого не заметит.

И «Князь» не отстаёт от модернистов. И в «Князе» тоже есть тайнопись.

Например, вспомните те места, где советский доктор Фауст — Максим Руднев, во время Великой Чистки, ругается непечатными словами по адресу ведьм и ведьмаков, употребляя самые отвратительные, грязные и бессмысленные ругательства. Помните?

Вот вы прочли — и ничего не поняли. А легионеры сразу поймут, что это — тайнопись. Такие уж эти ругательства бессмысленные? Или у них есть свой смысл? Какая тут семантика?

Нормальные люди, как правило, ничего этого не знают. Хотя бы вы и окончили три университета. А легионеры прекрасно всё это знают безо всяких университетов.

От того и происходит слово ведьма, ведун — от древнерусского слова ведать, то есть, знать. Знать то, что не знают другие.

И английское слово ведьма — уитчь тоже происходит от того же древнеанглийского семантического корня — уит, то есть, ведать, знать. Знать то, что не знают другие.

Ничто не ново под луной. Семантика. Есть даже такая семантическая философия, докапывающаяся до истины именно такими путями.

С точки зрения высшей социологии, дело, конечно, не в непечатных ругательствах, а в тех психических болезнях, которые частенько скрываются за этим.

В особенности, садизм и мазохизм, которые трудно распознать, и которые являются наиболее обычными компонентами в психодинамике настоящего революционера.

Стоит такой мазохист на углу и с блаженной улыбкой распинается о любви, равенстве и братстве. А внутри него кипят фрейдовские комплексы саморазрушения и желания смерти.

Если его треснут палкой по голове, то ему от этого только приятно. В это время, его партнер садист бегает кругом с бомбами и пистолетами.

Потом они встречаются на конспиративной квартире, где главная конспирация заключается в том, что они удовлетворяют свои низменные наклонности.

А после революции, садист идёт в Чека, берёт тот же самый пистолет и расстреливает своего приятеля-мазохиста, который не может остановиться и по-

прежнему мутит народ.

Любящей рукой садист с наслаждением стреляет мазохисту в рот. Так как, по Фрейду, у них ротовой эротизм и пистолет для них — это фаллический символ.

Вот вам классический революционный роман. Модернистический и по всем правилам фрейдизма.

Вот потому-то комиссар госбезопасности Руднев и ругался непечатными словами по адресу перманентных революционеров.

Вот потому-то гарвардские профессора и заглядывали под хвост товарищу Ленину — с точки зрения латентной гомосексуальности.

Кстати, есть основания полагать, что пока Гарвардские профессора заглядывали под хвост товарищу Ленину и проверяли русских беженцев в поисках новых лениных и троцких, советская разведка тоже не дремала — и заглядывала под хвост гарвардским профессорам.

С той же самой точки зрения. Но... не будем отвлекаться. Ведь, мы здесь не сыщики, а только скромные литераторы. Потому, вернёмся к литературе.

В «Князе» много и другой тайнописи. Например, что это за эликсир жизни? Тот, который хуже маринованных гадюк и сушёных тараканов. Но, лучше уж я не буду объяснять, что это такое. Лучше поспрашивайте об этом среди ваших знакомых.

Поскольку «Князь» это настоящий соцмодернизм, в нём целые золотые россыпи всякой тайнописи. Например, что это там за марсиане? Что это за смешанные браки с марсианами? Что это за полукняжна Зинаида Генриховна? Или её братец — полугерой Перекопа?

По-видимому, марсиане — это просто засекреченный шифр 13-го Отдела МВД. Попробуйте — расшифруйте сами. Или поспрашивайте у ваших знакомых.

Только будьте осторожней: некоторым этот вопрос может очень не понравиться, И поднимется такой вой, словно настудили на хвост не только сатане, но и антихристу.

* * *

Итак, международная пресса объявила Климова после выхода книги «Берлинский Кремль» чуть ли не пророком.

Но тут хочется заметить, что настоящие пророки частенько проповедовали в пустыне. Помните — глас вопиющего в пустыне?

Так вот и Климов со своим «Князем»: когда он занялся настоящим пророчеством, то оказался в пустыне. Н-да, ничто не ново под луной.

Люди боятся вещих слов пророка — и вокруг него создаётся пустыня. Такая пустыня — это признак настоящего пророка. И те пророки, которые начинали в такой пустыне, в конечном итоге, обычно оказывались правы.

Но что такого страшного в «Князе»? Хорошо, посмотрим на это, с точки зрения диалектического христианства.

Самой умной книгой в мире считают Библию. А самой умной книгой Библии считается Апокалипсис или Откровение святого Иоанна Богослова. А в этом Апокалипсисе, дважды повторяется, что одна треть всех людей будет уничтожена за всякие грехи (глава 9:15 и 18).

Почему именно одна треть? Давайте проверим. Авторитетные источники говорят, что советская революция, в общем итоге, за 50 лет существования советской власти, стоила России 50 миллионов человеческих жизней.

А население России, перед революцией, составляло около 150 миллионов. Сколько это получается — цена революции? Получается одна треть.

Может быть, это просто совпадение? Хорошо, а что представляют из себя 37% доктора Кинси? Ведь тоже одна треть.

Просто библейские пророки знали, что когда коэффициент насыщения страны легионерами доходит до одной трети, то тогда получается больное общество — и тогда жди беды.

Потому-то Америку, самую богатую страну в мире, и трясёт, как в лихорадке. Студенческие и негритянские бунты — союз гнилой интеллигенции и социальных низов. Битники и хиппи — нигилисты и анархисты.

Потоп из наркотиков. Невероятная преступность. Поразительное количество душевных болезней — 18,5%. Сексуальная революция сосунов и лизунов. Всё это — характерные симптомы.

А потом, приходит красная чума, коричневая чума, чёрная или жёлтая — и начинается жатва. А потом, когда подсчитают результаты, то получается эта самая апокалипсическая одна треть, от которой природа, так или иначе, хочет избавиться.

А, как расшифровать библейскую историю про Содом и Гоморру, которые были столь заражены содомскими грехами, то есть, содомией, то есть, гомосексуальностью, и которые были уничтожены огнём с неба?

В этом пункте и Старый Завет и Новый Завет говорят то же самое. И это те самые прогрессирующие 37-75% доктора Кинси.

Россия уже прошла эту страшную фазу периодического обновления человеческого общества. А Америке и Западу это ещё предстоит.

Если хотите, то в этом весь смысл пророчества апостола Карла Маркса о неизбежной смене общественных формаций. Он только перефразировал библейских апостолов. Видите, как всё это просто. Если иметь библейские ключи познания.

Вот в этом-то и заключается страшная, апокалипсическая тайнопись «Князя», которой испугалась и наша эмигрантская пресса, и вся западная пресса.

А в дальнейшем, я должен согласиться с тем, что писал в предисловии мой коллега профессор Новиков.

Ведь, если верить всяким хитрым органам, занимающимся психологической войной, то в прессе этих легионеров, кандидатов попутчиков и сочувствующих, имеющих всякие проблемы по линии Кинси, Фрейда и Достоевского, таких в прессе будет уже не 37%, и не 50%, а все 75%.

И в хорошем цивилизованном обществе — это правящая партия. Вот потому-то «Князь» и попал в положение антипартийной литературы. Видите, как дьявол дегенерации хранит свои тайны?

Только зная это, вы поймёте, почему известный философ Дени де Ружмон, в своей книге «Доля дьявола», рассуждая о дьяволе в современном обществе, пессимистически замечает, что правда о дьяволе — это такая грязная вещь, что одна капля её мутит жизнь, как капля воды мутит стакан абсента.

Но от этой правды можно опьянеть. А некоторых даже начнёт поташнивать.

Если меня упрекнут, что я повторяюсь, то я делаю это умышленно. Повторение — мать учения.

Ведь, мы здесь не романчики читаем, а говорим о самой трудной науке в мире — о высшей социологии, о Боге и дьяволе, о Христе и антихристе, об источниках добра и зла, счастья и несчастья, жизни и смерти, где во всём этом главную роль играет то проклятие рода человеческого, которое уже испокон веков называют дьяволом — и по сей день боятся произнести его настоящее имя.

Вот Климов произнёс — и видите, что получилось? Потому, некоторые и называют эту науку чёртовой социологией. Потому, я и повторяю некоторые существенные моменты, чтобы читатель не только понял, но и запомнил это.

Но, поскольку Бог обитает на небе, а дьявол на земле, то вернёмся ближе к объективной реальности. Вернёмся к первоначальной оценке Климова международной прессой.

Известный советовед Юджин Натанович Лайонс написал книгу «Наши тайные союзники — народы России». В этой книге много цитат. Но больше всего цитат из «Берлинского Кремля» Климова. Получается, что Климов — главный союзник.

Европейский корреспондент одного из крупнейших американских журналов «Сатурдэй Ивнинг Пост» Джеймс О-Доннел долго разъезжал по Германии и обследовал постановку американской психологической войны против Советского Союза.

После этого, он опубликовал в «Пост» (6-6-53) большой и серьёзный обзор под названием «Эти русские на нашей стороне».

Но и О-Доннел, опять, больше всего ссылается на Климова:

«Григорий Климов, человек, обладающий способностью читать мысли других людей… Лучшие мозги среди полувоенных эмигрантов… Климов сел и написал «Берлинский Кремль», сегодня бестселлер в Европе...»

Итак, среди «Этих русских на нашей стороне» Климов опять оказался на первом месте.

Под конец, О-Доннел патетически восклицает: «Так говорил Григорий Петрович Климов...» Это немножко напоминает «Так говорил Заратустра».

Затем, О-Доннел заключает: «Однако, то, что он говорил» — не Заратустра, а Климов — «я слышал много, много, много раз... Трудно предположить, что все они» — они русские на нашей стороне — «так абсолютно ошибались».

Подводя итог всего того, что писала о Климове международная пресса, мне хочется закончить так же логично и просто, как О-Доннел: трудно предположить, чтобы вся международная пресса так абсолютно ошибалась.

Скорее наоборот. Всё то, что писалось об авторе «Берлинского Кремля», ещё в большей мере относится к автору «Князя мира сего».

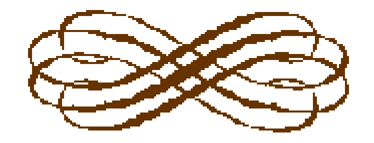
Именно потому я и напомнил об этих отзывах столь подробно: ведь, практически — это отзывы о «Князе», — о книге, каких ещё не было.

Хотя... всё это было и есть в Библии. Это результат того невидимого процесса равновесия природы по отношению к человеку, который стремится распределять духовные и материальные блага между людьми, если и не поровну, то, во всяком случае, по очереди.

И ныне и присно и во веки веков... Аминь!

Профессор социальной психологии
Вудхэйвенского Университета Др. **Б. В. Сахаров**

И взял я книжку из рук Ангела и съел её;
и она в устах моих была сладка, как мёд;
когда же я съел её, то горько стало во чреве моём.

АУДИО ЗДЕСЬ

ВЁРСТКА HTML — БОРИС КАРЛОВ